

Предисловие: о так и не снятом кино.

Вообще-то, перед вами киносценарий. А сценарии не особенно принято публиковать. Я могу, пожалуй, припомнить только сборники киносценариев, которые издавались во времена СССР. И то делалось это, скорее всего, с целью выполнить какой-нибудь план, или отчитаться за что-нибудь. Не помню, чтобы из моих знакомых кто-нибудь всерьез пытался читать сценарии. Да и не нужно это никому кроме режиссеров.

Но у меня мотивация несколько иная. Уже достаточно давно, в 2006 году, в Интернете я наткнулся на историю, меня потрясшую. Она доступна в сети вот здесь <http://honestlil.livejournal.com/149845.html>. Я, разумеется, сохранил ссылку и следующие 6 лет периодически к ней возвращался и перечитывал. Каждый раз волосы становились дыбом, но видимо в прошлом году количество перешло в качество – я понял, что именно такая история дает прекрасный повод поговорить о сталинском времени и об истории XX века вообще. Причем именно с тех позиций, которые меня волновали больше всего.

В чем тут сложность? Гражданская война вроде бы официально закончилась много лет назад, но только в том смысле, что стали меньше стрелять на улицах. А в головах у многих постреливает и взрывается до сих пор. Поэтому оценки исторического периода с 1921 по 1953 год и сегодня порой ставят в тупик. Если коротко – очень много штампов и очень мало попыток объективно разобраться в произошедшем. Особенно это заметно в медиа-пространстве: сегодня здесь по большей части бал правят крайности и неменяемость, переходящая временами в истерику. И не очень важно сделано ли это в стилистике съездов ВКП(Б)/КПСС и фильма Александрова «Светлый путь», либо наоборот – произведений Солженицына и выступлений Новодворской. Как говорил один из героев Сергея Довлатова: «коммунисты и антикоммунисты – это в сущности одно и то же».

Мне же очень хотелось уйти от штампов. И попробовать понять, как жили не газетно-журнальные, не мифически-начальственные, а вполне обычные люди. В том кошмаре, который тогда творился. В тех условиях, когда понятия добро и зло были искажены настолько, что сегодня себе это и представить сложно.

Тут, пожалуй, уместна аналогия с отображением в советском кинематографе Великой Отечественной войны. В 1973 году, когда на экраны вышел знаменитый фильм «17 мгновений весны» это была первая попытка взглянуть на войну под иным углом зрения, нежели в «Подвиге разведчика», «А зори здесь тихие», или «Горячем снеге». В итоге Штирлиц стал не менее популярен, чем прочие киногерои лент о войне.

Главного героя моей истории, конечно, уместнее назвать «анти-Штирлицем». Условно говоря, это тот же самый Штирлиц, который пошел служить не в разведку, а в контрразведку, или ГУЛАГ. Кстати говоря, в реальности примеров, когда блестящие резиденты внешней разведки, возвращаясь в СССР, становились не менее блестящими надзирателями и организаторами разнообразных «строек социализма» было предостаточно. Но задача у «анти-Штирлица» на самом деле точно такая же: заставить зрителя не следовать навязанным стереотипам, а задуматься. И сделать свои выводы самому, дать свою нравственную оценку тому времени, понять всю его сложность и, по возможности, прекратить гражданскую войну в своей голове, если вы конечно вдруг ещё не сделали этого раньше.

Вот чего я хотел добиться, когда писал этот сценарий. И, наверное, именно по этой причине мне не удалось ни с кем договориться относительно съемок. Продюсеров тоже можно понять: в бизнесе правят бал шаблоны. Если, например, в сценарии сотрудник НКВД есть на завтрак обед и ужин бывших дворян и интеллигентов, ты идешь к «либералам» и просишь денег на ильм под эгидой десталинизации или борьбы с «имперской Россией». Если же, наоборот, чекист предстает в виде непогрешимого ангела, живущего по заветам Дзержинского, то за деньгами прямая дорога в ФСБ – они с удовольствием профинансируют. А тут ерунда какая-то: ни то ни другое. Так что я вполне понимаю, почему из затеи с фильмом ничего не получилось.

Но все же было бы жалко оставить сценарий пылиться в компьютере. Переделывать его в повесть или роман я не стал по одной простой причине: при написании любой крупной литературной формы очень велика вероятность того, что автор непроизвольно скатится в резонанс и начнет навязывать читателю свою позицию. Учить жизни, одним словом. А в данном случае этого категорически нельзя делать по уже озвученным выше причинам.

Поэтому я решил опубликовать текст «как есть». Назовите его лите-

ратурный сценарий, или нелитературное нагромождение знаков и картинок. А лучше всего просто, читая этот текст, вообразите, что смотрите кино. Это будет самое правильное. А картинки по ходу текста и ссылки на музыкальные произведения просто помогут создать нужное настроение. Ну а если кто-то из вас захочет по прочтении снять свой фильм – это будет вообще великолепно!

В завершении обязательно надо выразить благодарность.

Во-первых, уже упоминавшемуся блогеру (<http://honestil.livejournal.com/profile>) – внучке исторического прототипа, которая не побоялась разместить в Интернете свою семейную историю. Во-вторых, Михаилу Шрейдеру – практически единственному из репрессированных в годы «большого террора» видному чекисту, который сумел не только выжить, но и оставить воспоминания, которые я использовал при подготовке сценария¹. Предлагаемая вашему вниманию история в значительной степени (но отнюдь не целиком) опирается именно на этих два источника.

В-третьих, тем, кто помогал мне в работе. Это Лиза Бражникова, которая читала всё, что я ей присылал, и периодически требовала всё это переписать, но не из вредности, а затем чтобы стало лучше. Надо признать, что во многих случаях она была права, хотя я страшно ругался. Также это Маша Райтер, которая нарисовала обложку. Получилось жутковато, но так оно и должно быть.

Ну и наконец, издательству «Книга по требованию» и персонально Александре Стасюк. Без них вообще бы ничего это не случилось.

Что еще забыл? А вот: фотки все либо из интернета, либо снимал я сам. Если не дай бог вдруг нарушены чьи-нибудь авторские права, прощения просим: не со зла и не корысти ради. Пишите, вставим в текст ссылку на авторство.

Теперь точно всё. Приятного прочтения желать не буду, немного не тот случай. Хочется просто надеяться, что я не один такой и эта тема «зацепит» и «не отпустит» вас также как и меня.

С неизменным уважением к почтенной публике,
Дмитрий Адамидов.

¹ Шрейдер М. П. НКВД изнутри : Записки чекиста. - М. : Возвращение, 1995.

Часть первая - Тамбов

Сцена 1: начало.

Деревенский пейзаж. Теплый солнечный вечер, последние дни бабьего лета.²

Титры: сентябрь 1921 года. СССР. Тамбовская область.

Камера постепенно приближается (средний план) и показывает обычный деревенский дом. В огороде трудится пожилая женщина - мать Николая. Сам, Николай, молодой парень 18 лет стоит у забора разговаривает с женой Настей. Жена беременна, на последнем месяце, вот-вот должна родить. Николай собрался на рыбалку, в руках рыболовные снасти и брезентовый солдатский вещмешок. Камера дает крупный план: лица Николая и его жены. Они смотрят друг на друга.

Настя: Коль, только не долго, да?

Николай: До завтра до вечера максимум. Вы давайте меня подождите с этим делом (*глядит жену по животу*)

Настя (*улыбаясь*): ну с этим делом уж как получится.

Камера переходит на средний план: видны и молодые и мать Николая

Мать Николая (встревает в разговор): с этим делом мы сами разберемся. Не впервой! А вот вы с Вовцом долго не шляйтесь. Отец вернется, надо вам уже дом достраивать.

Настя притворно закатывает глаза, мимикой показывая, что ей надоело ворчание свекрови.

Николай (*улыбаясь*): я ж говорю: завтра вечером буду. Всё успеет.

В кадр на заднем плане входит Володя и машет рукой.

Ну ладно (*целует Настю*). Счастливо! (*притворно строго*) Давайте тут не особенно мне.

Настя (*смеется*): Иди уже. (*машет вслед рукой*)

Николай догоняет Володю, они вместе уходят в сторону заходящего солнца. Солнце невозможно красивое: не то оранжевого, не то красного цвета. Камера дает крупный план: солнце освещает лицо Насти несколько секунд. Потом идет общий план того же самого

2 Здесь и далее кадры могут быть трех типов: обычные полноцветные (если не указано иное), псевдо-исторические: сепия, исторические: ч-б хроника.

деревенского пейзажа и трех крошечных фигурок: Настя у забора и Николая с Володей, идущих к лесу.

Сцена 2: ночь на рыбалке.

Ночь. У реки горит костер. У костра сидят Николай и Володя, варят уху.

Володя: вы переедете то скоро?

Николай: да все никак дом не достроим. Батя все время мотается с продотрядом, нету времени говорит. А одному никак. Но последний раз сказал: уже недолго осталось, до осени с «антоновцами» покончим точно.

Володя: ну не знаю, осень-то на дворе. Вон позавчера, говорят, опять в Кулябовке стреляли. Да и в лесу у нас тут тоже кто-то шастал. Дед мне говорил в воскресенье за грибами ходил, видел следы: схрон, лошадей несколько, ящики тяжелые по земле таскали. Явно тачанка и пулемет.

Николай: да ладно! еще скажи: гаубица там была: дед приврать мастак. Как бы там не было, с прошлым годом не сравнить. Помнишь, как тогда Борисоглебском грохотало – война натуральная. Надоело до жути: когда же жить то начнем нормально.

Володя: И не говори. О, по-моему, еще клюет! *(бежит к удочкам)*

Николай: Вовка не дергай только ... *(тоже идет от костра в темноту)*

Сцена 3: Николай в старости.

Камера показывает Николая в старости.

Титры: сентябрь 1993 года. Россия. Ленинградская область, Петродворец.

Николаю 90 лет. Он сидит в кресле на веранде собственного дома в Петродворце (Петергофе). Дом большой, можно сказать, что это особняк. Николай хорошо одет и вообще выглядит так, что с первого взгляда видно, что он обеспеченный человек и в прошлом большой начальник. Он молча смотрит на раскинувшийся пейзаж, который чем-то (но не полностью) напоминает пейзаж в сцене №1.

За кадром звучит голос Николая в старости (далее по тексту - ГНС).

ГНС: в моей жизни та ночь, наверное, была одной из последних безмятежно счастливых. Мы сидели с Володей рыбачили, болтали, выпили чуть-чуть «для сугреву». Казалось, что жизнь наконец-то вот-вот наладится, кончится война, голод, бандитизм повсеместная разруха. Настя скоро должна была родить, оставалось достроить собственный дом и казалось бы: живи-радуйся, расти детей, паши землю. Но жизнь распорядилась иначе.

Сцена 4: убийство семей Николая и Володи.

Ночью в деревню врываются антоновцы и убивают всех жителей. Они поджигают дом и последовательно убивают отца, мать и беременную жену Николая. Камеры последовательно выхватывает 3 или 4 лица убийцы. На заднем плане горит дом Володи. И убийцы и жертвы что-то кричат, но их не слышно

Рефреном звучит голос Николая в старости.

ГНС: потом об антоновском мятеже потом насочиняют массу небылиц, как впрочем, почти обо всех событиях, которым мне пришлось быть свидетелем или участником. Возможно, там и была какая-то политика. Наверное. Но то, что видел я лично – это было просто жестокость, многократно умножавшаяся с каждым новым эпизодом.

Ежели по порядку, то мятеж начался летом 1920 года. Год выдался засушливый, и хлеба было собрано всего 12 млн. пудов. Между тем продразвёрстка не была уменьшена, составив 11,5 млн. пудов, что, разумеется, просто не могло быть выполнено многими хозяйствами физически.

По правде говоря, и без этого почва для недовольства была вполне подготовлена. Деятельность продотрядов никогда не отличалась особой справедливостью, но в случае с Тамбовской областью злоупотребления выходили за все мыслимые рамки.

Известна дошедшая до ВЦИК и Политбюро жалоба о злоупотреблениях продотряда Марголина. Который осуществлял порки, проводил мнимые расстрелы крестьян и членов сельсоветов, реквизировал скотину, которую запирали в одном из дворов не кормили несколько дней, забивали до смерти людей, причем это были чаще всего женщины и дети и вовсе не кулаки, а что ни на есть бедняки. Также реквизировали лошадей, которые использовались продармейцами

для собственных нужд. Также были зафиксированы случаи захвата телеграфных и почтовых станций продармейцами с целью недопущения отправки жалоб о творимых ими безобразиях в губисполком и ЧК³. Так что взрыв – это был вопрос времени.

Время наступило 15 августа 1920 года, был зафиксирован первый случай, когда был разоружен продотряд, реквизировавший у крестьян хлеб. Дальше – больше: практически за 15 дней восстание распространилось на всю Тамбовскую область, а также на соседние районы Воронежской и Саратовской областей. Повстанцы повсеместно ликвидировали органы советской власти, уничтожали её представителей и воинские гарнизоны и брали власть в свои руки. Карательных сил у большевиков в губернии было мало, а те, что были, очень быстро потерпели поражение.

В сентябре 1920 года была провозглашена «Временная демократическая республика Тамбовского партизанского края». Во главе её стояло несколько человек, но в обиходе закрепилось название «антоновщина» по фамилии одного из руководителей Александра Антонова, хотя он точно не был главным действующим лицом.

Мятеж достиг максимального размаха к февралю 1921 года, когда численность повстанцев составляла 50 тыс. человек, объединенных в две армии. Они разгромили 60 совхозов, взяли под контроль практически всю Тамбовскую губернию (в руках большевиков остались только города), парализовали движение по Рязано-Уральской железной дороге, и успешно отбивали попытки советских войск вторгнуться на территорию восстания, нанося им большие потери.

Перелом наступил только после того, как закончилась война с Польшей, и весной 1921 года в губернию были стянуты регулярные войска под командованием Тухачевского. За несколько месяцев красным удалось разбить регулярные силы «антоновцев» и к лету 1921 года они были вынуждены уйти в леса и начать партизанскую войну. Это очень быстро привело к обоюдному террору. Красные брали заложников в деревнях, селах и на хуторах (это могли быть и старики, женщины и дети, да так и было чаще всего, потому что все мужики были в лесу с оружием в руках) расстреливали их или морили в концлагерях, устроенных по территории губернии в большом количестве.

«Антоновцы» мстили ровно таким же образом: нападали на

дома коммунистов, и лояльные властям деревни, где убивали и жгли всех без разбора. Как правило, в результате таких акций на одного коммуниста погибало 5-10 тех же женщин, стариков и детей.

В итоге по официальным данным в результате антоновского мятежа погибло 110 тысяч человек. И минимум еще столько же, я полагаю, не учли. Впоследствии я имел неоднократную возможность наблюдать, как велся учет подобный вещей. Да и не надо забывать, что грамотных то в 1921 году было не так чтобы очень много. Тут уж если цифры писать можешь, и то молодец: сотни с тысячами главное не попутай.

Наш хутор до поры до времени был в стороне от больших потрясений: там была не очень хорошая земля, небольшие объемы зерна и почти все жители были так или иначе родственники, потому крупных внутренних конфликтов удавалось избежать.

Но сейчас я понимаю, что если во всей стране война, то вряд ли от неё можно спастись: мой отец и его брат были членами продотряда, а троюродный дядька имел родственников среди «антоновцев» и весной укрывал их. Так что к нам с равной вероятностью могли нагрянуть, и те и другие. Первыми успели «антоновцы».

Сцена 5: Николай и Володя вернулись с рыбалки.

Камера показывает Николая и Володю, которые вечером следующего дня вернулись с рыбалки, и смотрят на пепелище. Володя бурно выражает свои чувства: кричит и ругается, плачет, падает на землю и рвет на себе волосы. Николай, наоборот, молча стоит, ни говоря не слова.

ГНС: Когда такое происходит с тобой, разумеется, первое - это шок. А дальше все зависит от человека. Вовка переживал страшно, волком выл сутки, три дня потом ходил сам не свой: натыкался на предметы, ничего не соображал. Но сравнительно быстро отошел. Напротив мой ум был ясен, я не кричал, почти не плакал

камера дает крупный план: по щеке у Николая течет слеза, но глаза злые и пустые

Но возможно не вполне отошел до сих пор. Тогда стоя на пепелище, я понял: у меня теперь нет больше ничего. Ни жены с ребенком, ни матери с отцом, ни младших сестер. И меня самого нет, ибо я погиб вместе с ними. Я теперь существо готовое бесконечно мстить, убивать всех: и правых и виноватых.

Николай идет по пепелищу, потом нагибается и поднимает что-

то из золы. Это оказывается обгоревшая детская игрушка – куры, клюющие зерно.

Эта игрушка – его маленькой сестры. Она не сильно, но все же закоптилась. Он обтирает и сует игрушку в карман

ГНС: Я тогда ничего не взял с пепелища. Ну, вернее сказать, почти ничего – игрушку младшей сестры Соньки, цыплят деревянных. Она очень любила ими играть, а до этого играли все кто постарше, включая, наверное, и меня. А ничего больше ценного у нас и не было – не нашли отец с матерью богатств никаких.

Сцена 6: Николай и Володя приходят к дядьке.

Николай и Володя хоронят покойников в общую могилу, скорее даже просто яму.

ГНС: Три дня мы хоронили покойников – в живых остались только мы с Володей и Тимофеем, приходящийся мне троюродным дедом, который очень вовремя пошел «до ветру», и когда вокруг начали всё громить и поджигать схоронился в темноте в овраге. Покойников было в итоге ни много ни мало 54 человека, включая маленьких детей.

Я подумал – если вдвоем тесать на всех гробы и рыть могилы – на это бы ушло недели полторы. Потому мы закопали всех в одну общую яму. Своих я сначала хотел похоронить отдельно, но потом понял, что сил на это уже нет.

Дед ещё хотел позвать священника, но потом вспомнил, что того недели две назад расстреляли и взамен, понятное дело, никого не прислали. Поэтому, он сам прочитал молитву и обещал смастерить крест.

Николай и Володя идут по дороге в соседнюю деревню. Дождь, пейзаж размыт и видны только их фигурки.

На второй день приезжали конные милиционеры всех допросили, все осмотрели, записали и быстро уехали. Когда все было закончено, мы с Володей собрались и пошли. Практически куда глаза глядят, поскольку в последние годы мы со своего хутора отлучались не так чтобы часто: два-три раза в год ездили в Тамбов на рынок, ну и перед свадьбой конечно. Но сейчас это уже большого значения не

имело.

Николай и Володя подходят к дому дядьки.

ГНС: Дядька мой был человек непростой. Дурной глаз и тяжелый характер. Никто особенно не любил с ним общаться, но в нашем положении выбирать не приходилось. Он как будто ждал нас: знал, что придем. И уже, разумеется, знал, что произошло.

Дядька: здорово парни. *(Николай и Володя молча стоят на пороге)* Проходите, в дверях нечего толпиться.

Николай: мы ...

Дядька: знаю-знаю, всё знаю. Даже знаю, кто это сделал.

Володя: кто?!

Дядька: Сеня Шамов это, его люди.

Николай: откуда знаешь?

Дядька: сорока на хвосте принесла. Я много чего знаю, в том числе и такое, от чего другие очень быстро помирают. А я живой только потому, что хорошо понимаю, когда молчать, а когда говорить.

Володя: посчитаться надо с ними!!

Дядька: надо, но вопрос у меня к тебе: ты на кулачках будешь это делать. Против 300 сабель? Там мужики серьезные, прошли империалистическую, в гражданскую тоже на печке не отсиживались. А вы кто? Сопляки! Пока что.

Николай: так делать что?

Дядька: а вот что. Отца твоего, Коля, я не особо любил, но он мужик был с пониманием. И того что с ним сделали никак не заслужил. Поэтому помогу вам. Но сначала помянуть надо. *(обращается к Володе)* за четвертиной в погреб сходи-ка! Там на второй полке справа.

(Володя уходит)

А тебе Коля отдельно хочу сказать: не трудно отомстить, трудно на потом в ответ не нарваться. И потому надо действовать хитрее. Шамова все равно сейчас ловит полгубернии.

Николай *(угрюмо)*: делать что? Научи!

Дядька: вот заладил – делать что делать что. Не торопиться – это первое. Чтобы Шамова словить надо умений поболее чем у вас, да и перевес численный.

Володя *(возвращается с четвертью самогона)*: мы стрелять умеем.

Дядька: стрелять многие умеют. Думать еще надо когда и в кого

стрелять. Хочешь мстить – понимаю. Так соизмеряй силы. Не бегай в одиночку. Один ты почти всегда не охотник, а добыча. Давай помянем и Петра и семью его, и твоего отца Вовка ... как его звали

Володя: Варфоломей.

Дядька: вот всех их помянем. Их души загубленные.

Молча выпивают. Дальше камера переходит в режим псевдо-исторических кадров. Видно как Николай, Володя и Дядька сидят, выпивают и разговаривают, но их не слышно. За кадром звучит голос Николая в старости

ГНС: напились мы в тот день здорово. Правда от горя опьянение не приходило, а только злость накапливалась. Мы прямо наливались ненавистью, наверное, потому что шок постепенно проходил, и пришло осознание того, что случилось. Да и мерещилось всякое.

Параллельно идет соответствующие кадры – Николай смотри в полный стакан и видит кровавые разводы. Он трясет головой, выпивает стакан, очень быстро все становится на свои места: это самогон.

ГНС: На следующий день мы поехали в Тамбов: дядьке надо было в губисполком по каким-то своим делам. Нас он взял с собой и порекомендовал в отряд рабоче-крестьянской милиции

Камера показывает Николая в старости Он встает с кресла, идет в дом. Показывается убранство дома: картины по стенам, старинная мебель, почти музей. Николай подходит к телефону, звонит своему шоферу.

ГНС: Леша, собирайся. Через 10 минут едем в Нижний парк

Сцена 7: Нижний парк и служба в Тамбове.

Николай в старости гуляет по Нижнему парку Петергофа.

Народу на аллеях практически нет, ярко светит солнце. Николай, опираясь на палку, медленно идет по аллеям. Немного сзади за ним следует водитель-охранник Алексей.

Николай останавливается перед вольерами и смотрит на птиц.

Камера на несколько секунд дает крупный план – его лицо.

Далее идут псевдо-исторические кадры: построение отряда милиционеров. Камера сначала дает общий план: командир дает установку перед строем. Показывается лицо командира: оно напряжено, он что-то зло и строго говорит милиционерам. Далее показывают крупным планом лица стоящих в строю милиционеров. Один из них – Николай.

Рефреном идет монолог Николая в старости.

ГНС: служба в милиции оказалась делом хлопотным, но в общем-то работа была легче чем в поле, кормились досыта, да и по сути оказалась вполне по мне. Я предпочитал меньше говорить, больше слушать, умел быть дотошным и хорошо запоминал детали.

Еще я очень быстро понял одну очень важную вещь: кто и зачем попадает в любые органы. Это в равной степени относится и к милиции, и к ОГПУ-НКВД и вообще думаю, что к каждой подобной службе в любой стране мира.

Десять процентов кадрового состава любых органов - это фанатики, на которых собственно они и держатся. Это люди которые как правило не имеют нормальной (или вообще никакой) семьи, друзей, увлечений – они целиком поглощены своей миссией. Это формулировалось в разные годы по-разному: очищать землю от скверны, бороться за мировое счастье и все в таком роде. Фанатики всегда заканчивают плохо: натываются на свою персональную пулю, рано умирают от болезней, наконец, что чаще – их «съедают» либо сослуживцы, либо начальство, которому они мешают жить своей принципиальностью. Фанатики не умеют договариваться, поэтому очень редко занимают действительно высокие посты. Зато их часто снимают в кино в основном посмертно. Кроме того, большинство фанатиков деньги как таковые не интересуют, и значит, своим служебным положением они для личной выгоды не злоупотребляют. Чем не пример для молодежи.

Еще десять процентов – это садисты. Служба в органах позволяет им мучить других людей, проявлять над ними власть. Они этим пользуются, ибо служба в органах позволяет часто и безнаказанно творить насилие. Правда, в не меньшей степени ты сам становишься объектом насилия (как минимум морального) со стороны вышестоящего начальства. Но это как говорится издержки профессии. Если их склонности не принимает каких-то особенно тяжелых форм, то садисты вполне успешно продвигаются по службе, занимают руководящие

посты и делают невыносимой жизнь максимально возможного числа своих подчиненных. Больше всего садистов я потом встречал в системе ГУЛАГА и еще среди надзирателей пересыльных тюрем.

Остальные – вполне обычные люди. Пришедшие в органы в надежде получить хороший паёк, оружие и непыльную работу. При других обстоятельствах они вполне могли бы трудиться где угодно, но тогда было выгоднее и к слову безопаснее быть в органах. Рыба ищет где глубже, а человек где лучше.

Псевдоисторические кадры: Николай в числе других милиционеров задерживает хулиганов, участвует в облаве, куда-то бежит.

ГНС: Но в целом успех продвижения по службе в органах во многом зависит от того, какой тип сотрудника востребован наверху. Большим начальством и текущей политикой. Когда я поступил на службу, ценились фанатики. Тогда мне было нетрудно сойти за фанатика: у меня не было семьи, денег, знакомых в городе, я ни к кому не был привязан, мне никого не было жалко. Я хотел только одного – поквитаться с убийцами.

Но случая так и не представилось.

Шамовым и прочими антоновцами занималась армия и ВЧК, а милицию ориентировали на борьбу с уличной преступностью и спекулянтами.

Псевдоисторические кадры: Николай сдает экзамен по приему в комсомол.

ГНС: Нас еще дополнительно отправили на курсы оперативного работника (в основном они свелись к ликвидации неграмотности) и предложили вступить в комсомол. Я согласился, Володя тоже.

Я три раза просился у начальства о переводе в подразделения, осуществлявшие поимку прятавшихся в лесах «антоновцев», но вместо этого зимой 1922 года меня прикомандировали к комиссии по изъятию церковных ценностей в пользу голодающих Поволжья.

Идут кадры хроники – изъятие церковных ценностей.

ГНС: Реквизиция церковных ценностей не прекращалась с самого начала революции. Сначала это была компания во исполнение декрета по отделению церкви от государства, закрывали и реквизировали имущество непосредственно не связанное с богослужением. Но в тот период времени это было сугубо экономическое мероприятие: реквизировались только серебро, золото, мебель, драгоценности, а здания и предметы культа оставлялись приходским общинам.

Процесс был организован крайне бестолково. Обследование дел тамбовской комиссии в мае 1919 года показало, что описей при приеме ценностей комиссия не составляла; а представленные описи не соответствовали тем, по которым они сдавались в банк. Порою отсутствовали расписки на деньги, потраченные на организацию работы комиссии. Реквизированное церковное имущество тоже далеко не всегда оформлялось расписками, поэтому судьба многих ценностей оказалась неизвестной⁴.

Видимо, губисполком получил за это хороший втык из Москвы, и потому реквизиция в 1922 году была организована существенно лучше.

Псевдоисторические кадры: Николай присутствует при передаче ценностей⁵. Несколько человек по очереди подписывают описи. Николай стоит на заднем плане охраняет.

ГНС: Я лично присутствовал при передаче ценностей, обставленной вполне пристойно: всё было по описи, опечатано, запаковано надлежащим образом, присутствовали представители и губисполкома и церковных общин. Надо сказать, что после подавления антоновского мятежа наиболее беспокойные элементы, как среди священников, так и среди прихода были либо убиты, посажены и сосланы, либо же еще скрывались в лесах. Поэтому эксцессов в ходе изъятия ценностей практически не было. Уж во всяком случае, из пулемета по прихожанам не стреляли, как в Шуе, и по городу за сокровищами не гонялись, как в Москве или в Петрограде.

Снова показывают Николая в старости, он стоит у фонтана возле вольеров

ГНС: хотя одни случай, когда мне лично пришлось пострелять, припомнить можно. Вернее сказать, забыть трудно.

4 Источник - <http://www.sedmitza.ru/text/394783.html>

5 Источник <http://www.tambovdoc.ru/?p=607>

Сцена 8: Перестрелка и зачисление в ОГПУ.

Псевдоисторические кадры: Николай и Володя подъезжают к церкви на подводе, проходят внутрь, разговаривают со священником, потом снимают оклады с икон, составляют опись.

ГНС: В апреле или в начале мая 1922 года нам с Вовкой дали первое самостоятельное задание: съездить в небольшую церковь в двенадцати верстах от города, провести там изъятие ценностей. Поначалу все действительно шло быстро: священник сопротивления не оказывал, все добровольно сдал, благо ценностей было крайне немного – всё, что можно, вероятнее всего, уже реквизировали до нас. В общем даже угрожать особенно не пришлось. Когда тронулись обратно, погода испортилась, да и сумерки подоспели.

Николай и Володя отъезжают от церкви и едут по дороге на подводе. Володя правит, Николай полужемит на подводе.

Володя: вроде бы все прошло нормально. Спокойный поп оказался на редкость. Я обратил внимание – дом большой. У него семья была, наверное, приличная – на фотографии вон человек 8 или 9.

Николай: так тиф же был 3 года назад – помирали все. Вообще он не так прост, как кажется. Мне товарищ Емельянец из губкома рассказывал. Когда началась империалистическая, у духовных ведь было освобождение от воинской обязанности. Но понятное дело на поповичей поэтому косо смотрели. И вот что сделал этот поп: устроил младшего сына добровольцем, но не в строевую часть, а в госпиталь. Он прошел курсы медбратьев и помогал при операциях, а когда умирал кто-то, так отпевал. И одну из дочерей сестрой милосердия определил. Госпиталь был крупный, от передовой достаточно далеко, так что даже обстреливали серьезно их раза два или три всего. А кормили хорошо, ну, правда, и работать надо было на совесть. Поповича даже наградили медалью по медицинской части. В итоге и почет-уважение и с войны вернулся, да еще руки-ноги целы. Правда, от тифа это все равно не уберегло.

Володя: да от судьбы не уйдешь. Его же могли сколько раз шлепнуть и наши, и белые, и антоновцы – серебро да камня еще никому не помешали. Да и просто могли безо всякого повода – народ то озверевший.

Николай (*притворно сердито*): Вовка, как тебе не стыдно, ты же комсомолец, а веришь в судьбу. Помнишь, как лектор на той неделе

говорил (*передразнивая шепелявую манеру лектора*): Человек сам хозяин своей судьбы, а тем более комсомолец, которому предстоит строить светлое будущее не только в Советской России, но и в рамках всего земного шара.

Володя (*смеется*): да ладно тебе ...

Внезапно из-за придорожных кустов раздаются выстрелы. Володя падает раненый, Николай получает только царапину, но тоже падает на подводу. Лошадь останавливается. Из кустов выходит антоновец, один из тех, кто убивал семью Николая. Он подходит ближе к подводе и собирается с близкого расстояния расстрелять раненого Володю. Но Николай его опережает и стреляет из нагана. Антоновец падает, Николай вскакивает с подводы, делает три контрольных выстрела. Потом заворачивает тело антоновца в дерюгу, лежащую на подводе, грузит на подводу. Потом его тошнит. Он справляется с собой и, подвинув раненого Володю, садится за вожжи. Подвода трогается, Николай хлещет лошадь что было сил, чтобы она быстрее бежала.

ГНС: В стрессовой ситуации я теряю чувствительность. Все эмоции уходят, превращаешься в машину, которая просто выполняет нужные действия. Тогда я впервые в жизни сам убил человека, но стошнило меня только после того, как всё необходимое было выполнено. Еще я боялся, что Вовка не доедет, умрет – я представления не имел какая у него рана, а он только и делал что стонал. Как потом выяснилось, пуля попала в лопатку и там застряла. В принципе повезло еще в том, что на нем была толстая куртка, а выстрел был из обрезка, пуля так сильно не разгоняется. Мне если честно повезло еще больше – «моя» пуля от виска пролетела в паре сантиметров, только мочку уха немного задела. Я решил немного поваляться на телеге, тем более что было неизвестно, сколько народу прячется в кустах. На наше с Вовкой счастье бандит был всего один – ушел от облавы на остатки банды того самого Шамова, которого убили еще в феврале. Звали его, как выяснилось, Архип Хвостов. На нем было больше сотни загубленных жизней и если бы не сумерки и дождь, трупов вполне вероятно было бы на два больше. Но в конечном итоге все обошлось.

Псевдоисторические кадры: Николай и Володя (перевязанный) получают благодарность от начальства перед строем.

ГНС: Вовка выжил, нас наградили за проявлено мужество. Объявили благодарность перед строем и премировали наградными часами. Тогда же мы написали заявление в партию и нас включили в кадровый резерв. А через год мы стали полноценными сотрудниками реорганизованного к тому времени ОГПУ. Собственно с этого момента начались настоящее «органы».

Сцена 9: три года в Тамбове: выселение, уплотнение.

Николай в старости продолжает прогулку в Петергофе: идет по аллее от вольеров к дворцу

Охранник идет чуть сзади. Николай продолжает вспоминать о годах службы в Тамбове.

ГНС: Вход рубль – выход два. Ключевое правило любой спецслужбы. Но это сейчас, когда все меряют на деньги. Тогда еще люди оперировали понятиями «жизнь» и «пайк». Так вот, с пайком проблем не было никаких, а вот с жизнью – тут даже сотрудникам органов надо было проявлять определенную осторожность. Дело в том, что попадая в органы, даже на самый незначительный пост ты получал над обычными людьми много власти. Иногда чересчур. И со стороны казалось, что власть эта полностью бесконтрольна. В ряде случаев это действительно так и было. Широкую огласку получили случаи исключения из партии в 1918 году председателя ЧК г. Глазова Вятской губернии Матвея Бермана (впоследствии – одного из руководителей ГУЛАГа) за пьянку и разгул. Или беззакония Якова Гольдина, губподкомиссара в Тамбове, из-за которых во многом и вспыхнул «антоновский» мятеж. Но то было в первые годы после революции. После окончания гражданской все что называется «научились работать» и, во-первых, не допускали огласки, а во вторых все же за массовые и неоднократные злоупотребления следовало суровое наказание. В полном соответствии с политикой партии.

Показывается портрет Ленина (лучше всего – этот или любой другой, датированный 1922 годом), идет цитата (либо текст на экране, либо закадровый голос)

«Один умный писатель по государственным вопросам справедливо сказал, что если необходимо для осуществления известной политической цели пойти на ряд жестокостей, то надо осуществлять их самым энергичным образом и в самый короткий срок, ибо длительного применения жестокостей народные массы не вынесут»

***В.И. Ленин** Письмо членам Политбюро от 19 марта 1922 по вопросу об изъятии церковных ценностей⁶*

Далее идут псевдоисторические кадры, на которых сотрудники ОГПУ осуществляют выселение, уплотнение, аресты дворян, кулаков и контрреволюционеров. Во всех участвует Николай в погонах бойца ОГПУ. Примерно 2 эпизода по 1-2 минуте каждый. Везде рефреном - голос Николая в старости

Эпизод первый: изъятие церковного имущества. Один из бойцов незаметно прячет один камень себе в карман. Показывают командира отряда и Николая, которые это видели, но на людях ничего не сказали.

ГНС: Но на низовом уровне все осталось, как и было. Конечно, при реквизиции имущества никому в голову не приходило отсыпать половину драгоценных камней к себе в карман, но один камешек (не самый крупный) – так вполне. В целом действовало правило: если ты попадался первый раз и проступок был не очень серьезным, обычно никто шума не поднимал. Более того, на человека появлялся компромат, и это считалось даже очень неплохо: при случае было что припомнить, поставить в вину.

Эпизод второй: во дворе дома как командир отряда наотмашь

6 Источники: «Вестник русского христианского движения». - Париж, № 97, 1970 приводится по ссылке [http://ru.wikisource.org/wiki/Письмо_членам_Политбюро_от_19_марта_1922_\(Ленин\)](http://ru.wikisource.org/wiki/Письмо_членам_Политбюро_от_19_марта_1922_(Ленин))

бьет по морде рядового, отнимает камень.

ГНС: Но если воровство происходило систематически, то наказание следовало неотвратимо. В 20-е годы за это расстреливали редко, обходились в основном народными средствами.

Эпизод третий: Володя трахает женщину, в позиции сзади. У женщины выражение лица болезненно-брезгливое – видно что ей неприятно, но она терпит. Володя завершает процесс, застегивает штаны и уходит не прощаясь. Следующая сцена – он идет по улице покупает цветы и ждет у ворот больницы медсестру. Они целуются и идут под ручку вдаль по улице.

ГНС: Практиковалось и принуждение к сожителству. Особенно в этом плане отличился Вовка – он завел себе целый гарем: 2 дворянки и одну кулацкую дочь. Еще он умудрялся уже по доброй воле встречаться с медсестрой Лидой, которая его лечила в госпитале. В общем, кобелиная Вовкина сущность вырвалась на оперативный простор. Он звал и меня пару раз разделить удовольствия, но я как то не увлекся - не хотелось отчего-то. Силы были, но что-то мешало: может никак не мог забыть Настю, может еще что.

Эпизод четвертый: Николай идет по той же улице, что до этого шел Володя с медсестрой. Он никуда не торопится, прогуливается. Камера дает крупный план – лицо молодого Николая сосредоточенное, немного щурится из-за слепящего солнца.

Следующий кадр – камера показывает Николая в старости стоящего точно в такой же позе, около большого каскада фонтанов.

ГНС: выходит, что я в тот период действительно жил по заветам Дзержинского: чистые руки, холодная голова, горячее сердце. Мне ничего не было нужно, я ничего не и присваивал. Мне некого было любить, и я никого не склонял к сожителству. Я без малого три года не мог привы-

кнуть к тому, что ем досыта. И еще не мог смириться с мыслью, что совсем один. Казалось, надо еще чуть-чуть подождать и мои родные вернутся откуда то издалека и все будет по-прежнему. Но никто естественно не приезжал, и тогда волной поднималась досада на себя, что не смог уберечь, не смог отомстить. И ненависть эта выплескивалась на всех, кто казался врагом революции. Да впрочем, и не казалось мне ничего. Я ведь был карающий меч, а меч не рассуждает, он повинуется руке хозяина.

Но все изменила одна встреча, которая случилась в самом конце 1925 года.

Сцена 10: встреча с Ниной.

Наряд ОГПУ под руководством Николая врывается в небольшой загородный дом дворян Мещерских. Мещерские: 4 женщины (бабка, мать и две дочери: Нина и Ольга Мещерские) и маленький мальчик 6 лет – сгрудились в углу гостиной и настороженно смотрят на чекистов.

Николай (*чеканно со стальными нотками в голосе*): граждане Мещерские, настоящим извещаю вас, что в соответствии с постановлением Совета Народных Комиссаров Союза ССР от 20 марта 1925 года «О лишении бывших помещиков права на землепользование и проживание в принадлежавших им до Октябрьской революции хозяйствах» и решением межведомственной комиссии губисполкома ваше имущество национализируется и вы должны освободить занимаемые помещения в течении четырех часов. Вместо реквизируемых помещений вам будут предоставлена жилая площадь в городе Тамбове из расчета шести квадратных метров на 1 человека. Уведомляю вас, что вы обязаны сдать в целости находящееся в вашем пользовании национализированное имущество. В своем распоряжении вы можете оставить предметы домашнего обихода, не входящие в состав принадлежностей сельского хозяйства, как то: носильное платье, белье, мебель, книги, домашняя утварь, а также предметы питания.

Транспорт (*взгляд падает на Нину Мещерскую, возникает пауза*)

Камера показывает лицо Николая крупным планом затем лицо Нины. Фото реального прототипа Нины

ГНС: «Любовь нечаянно нагрянет». Да, так все и было. Ничего глупее конечно и придумать нельзя: ты пришел выселять, уплотнять, и вообще надо было изыскать «врагов народа» (мы не вполне выполняли разнарядку по году и никто бы не был против, если бы среды выселяемых «совершенно случайно» оказались бывшие офицеры, антоновцы или члены их семей). А тут любовь. До онемения. Никогда бы не поверил, если бы со мной самим такого не случилось.

Николай: (*берет себя в руки*) Транспорт в количестве двух под-вод вам предоставлен. (*обращаясь к бойцам*) Серов, Пятов – состав-ляйте опись имущества. А вас, граждане, прошу по одному ко мне в соседнюю комнату с документами для оформления личного дела.

Чекисты деловито начинают описывать мебель, Николай без приглашения входит в соседнюю комнату, садится за стол, раскла-дывает бумаги. К нему заходит пожилая женщина (мать Нины), са-дится, он начинает записывать её данные.

Рефреном звучит голос Николая в старости.

ГНС: на самом деле никакой необходимости в немедленном оформлении личных дел не было. Это можно было совершить и по-сле, да так оно чаще всего и делалось. Но мне надо было безотлага-тельно поговорить с Ниной и притом сделать это с глазу на глаз. По-этому пришлось заполнять формуляры, благо бланки были с собой. Нина зашла второй, сразу после своей матери.

Нина заходит в комнату, чуть задерживается на пороге. Нико-лай не поднимает головы, делает вид что пишет.

Николай: присаживайтесь. Фамилия, имя, отчество?

Нина: Мещерская Нина Алексеевна

Николай: год и место рождения?

Нина: 1907, город Тамбов.

Николай: социальное происхождение?

Нина: дворянское, то есть бывшие дворяне.

Николай: семейное положение?

Нина: что простите?

Николай: женаты, помолвлены, дети есть?

Нина: нет, я барышня.

Николай откладывает перо, закрывает лицо руками как бы «стирая» с себя на минуту маску оперативника. Перед зрителем вполне человеческое лицо, возможно даже влюбленного человека. По мере того, как Николай произносит свой следующий монолог, его лицо постепенно опять принимает исходное «служебное» выражение.

Николай: Нина Алексеевна, пожалуйста, послушайте внимательно то, что я вам сейчас скажу. Выселение – это еще не самая большая неприятность, которая вас может ожидать. Нам из Москвы вначале года спустили разнарядку по высшей мере наказания, мы её хронически не выполняем. Расстреливать к слову предпочтительнее целыми семьями, чтобы выжившие не стали мстить. Ваша семья, как нетрудно заметить, по своему социальному происхождению вполне подходит для расстрела.

Я не должен вам этого говорить, но, по сути, совершенно неважно, соберете вы вещи или нет – мы можем вас отвезти прямо в тюрьму, минуя формальности с заселением на новую квартиру.

Нина (*сдавленно, едва не теряя сознание*): а зачем вы тогда мне это говорите?

Николай: Нина Алексеевна, тут вот такая история: я как только увидел вас, сразу полюбил. Поэтому я хочу предложить вам стать моей женой. Если вы согласитесь, я устрою так, чтобы никакого расстрела не было. И вообще ничего плохого ни вам, ни вашим близким не было. Я обязуюсь вас защищать и оберегать от любых неприятностей. Если откажетесь – тогда все пойдет своим чередом. Кроме того, должен вам сказать, что я человек исключительно верный. Дело в том, что всю мою семью, включая беременную жену, вырезали антоновцы четыре года назад.

Нина: я вам сочувствую ...

Николай (*продолжая*): И с тех пор, до встречи с вами, у меня не появлялось желания завести новую семью. Несмотря на большие возможности, которые как вы понимаете, открывает моя должность.

Нина: я слышана об этом. Наши знакомые имели несчастье ...

Николай: ну вот, я рад, что в столь юном возрасте вы смотрите на вещи трезво.

Нина: но вы понимаете, что я вас не ...

Николай (*усмехается*): у меня в деревне говорили: стерпится-слюбится.

Нина: вы из крестьян? Никогда бы не подумала.

Николай: ну в последние четыре года я только и делал, что читал и думал. Повышал свой культурный уровень. Времени было достаточно. В полном соответствии с заветом товарища Ленина: «Учиться, учиться и учиться».

Нина (*растеряно*): какое-то наваждение. Но я же вас совсем не знаю.

Николай (*смеется*): ой, из головы вон. Николай меня зовут. Можно просто Коля.

Нина: Коля ... (*теряет сознание, падает со стула*)

Николай (*встает, обходит стол, склоняется над Ниной*): ну начались бабьи штучки (*подходит к двери комнаты, открывает, кричит*) Эй, нашатырь быстро!

Серов приносит нашатырь, пытается посмотреть, что происходит в комнате. Николай делает строгое лицо и машет руками: иди работай. Подходит к Нине, аккуратно, даже нежно берет её на руки, переносит на диван, дает понюхать нашатырь.

Николай (*вслух вполголоса*): какая красивая!!! (*Нина открывает глаза. Нине*) Очнулись? Ну вот и славно. Нина Алексеевна, у нас не так много времени. Я надеюсь, что вы все поняли. Сегодня вас отвезут в город, временно разместят на ночь. Я сейчас поеду прослежу, чтобы все было в лучшем виде и соседи были нормальные. Завтра в двенадцать часов я буду ждать вас у ЗАГСА на Варварьинской. Никому об этом не говорите, никого с собой в ЗАГС не берите, возьмите только свои документы. Любые, хоть царские хоть советские. Мы с вами распишемся. Если в двенадцать вы не придете, то в два часа я вызову наряд ОГПУ. А теперь идите. Мне надо работать.

Камера показывает ту же сцену, но уже в «псевдоисторическом» ключе – черно-белым или сепией. Нина едва не плача, выходит из комнаты, Николай как ни в чем не бывало сидит пишет бумаги. В комнату заходит следующая родственница Нины.

ГНС: Я еще немного позаписывал данные остальных родственников Нины, а затем быстро собрался и поехал в город. Серова оставил на хозяйстве: он должен был завершить опись имущества, погрузить всех на транспорт и препроводить Нину и её родных в

квартиру вдовы инженера путей сообщения Полибина, которого мы уплотняли накануне. Я наказал также выставить наблюдение за квартирой на ночь, чтобы никто никуда ненароком не сбежал.

Сцена 11: Бракосочетание.

Николай разговаривает с начальником ЗАГСА у него в кабинете. Начальник ЗАГСА заискивает перед Николаем – видно, что Николай знает про него что-то компрометирующее. Потом он выписывает Николаю документы на Нину и её семью

ГНС: Приехав в город, я сразу направился в ЗАГС, которые тогда относились к нашему ведомству. Кроме того, у начальника ЗАГСА передо мной был определенный должок, который он рад был закрыть. В те годы никаких паспортов еще ни у кого не было, и вообще с документами царила полная неразбериха, поэтому все оказалось не так уж и сложно. Дворяне Мещерские без видимых усилий превратились у нас в мещан Пещерских, урожденных в Башкирии в селе Пещеры Уфимского уезда. Вместо царских документов всем выписали «трудовые книжки для нетрудящихся», которые активно выдавались до 1920 года и в которых не нужны были фотографии⁷. К тому времени их хоть уже и не выдавали, но ещё не отменили, поэтому документ был вполне законным. Одним словом, за полчаса всё было сделано в лучшем виде. Потом в 1932 году в ходе паспортной реформы эти трудовые книжки обменяли на новые паспорта. Таким образом, вопрос с документами был закрыт. Еще я договорился насчет регистрации брака и на следующий день в половины двенадцатого стоял у ворот ЗАГСА и ждал Нину.

Николай ждет Нину у ЗАГСА.

ГНС: Я по последнего момента ужасно нервничал. Не знал что и думать если честно. Но она пришла. И это был один из самых счастливых дней в моей жизни. Все складывалось как нельзя лучше.

Нина подходит. Они входят в ЗАГС чтобы пройти процедуру регистрации. Николай и Нина выходя из ЗАГСА. Они идут под руку. Николай улыбается, Нина молчит, выглядит безучастной. Камера показывает, как они идут по городу (~ 1-1,5 минуты) и рефреном звучит песня: «Моя Марусечка»

Сцена 12: ужин у Володи.

Николай сидит в своем кабинете. К нему вводят задержанного. Это один из тех, антоновцев, кто разорил хутор Николая, только теперь он без одной руки и хромот. Николай допрашивает антоновца, потом его уводят.

ГНС: Буквально через несколько дней крупно повезло и по службе. Проводя уплотнение в одном доме на окраине города, задержали антоновца. В ходе боевых действий он потерял руку, охромел, после разгрома основных сил где-то прятался три года, а потом вернулся в Тамбов, где мы его почти случайно и приняли. Собственно у меня что-то внутри екнуло – дай, думаю, проверю да расспрошу. А он отпираться не стал: видимо набегался настолько, что уже смерть казалась неплохим выходом. Рассказал все сам, без давления: как состоял в отряде Шамова, признался в семи эпизодах, в том числе и разгроме нашего с Вовкой хутора. В общем, это был один из тех, кому мы хотели, но никак не могли отомстить. У меня было большое желание его не просто самолично расстрелять, а на куски голыми руками разорвать. Но я сдержался, отправил его в камеру, а сам пошел к Вовке сообщить радостную новость.

Николай выходит из кабинета, спускается по лестнице встречает по пути Володю.

Николай (*весело улыбаясь*): Владимир Варфоломеевич! Можно вас на минуточку?!

Володя: Привет! Чего ты такой веселый?

Николай: Нашел я Вовка! Нашел!! Приняли тут вчера одного, раскололся. Налет совершал на наш хутор, сам во всем признался. И еще шесть эпизодов.

Володя: вот те раз! Расстреляли уже?

Николай: нет еще, думаю пару-тройку дней погодить – может еще что расскажет.

Володя: дай мне допросить его?

Николай: Вов, не выдумывай. У меня тоже было желание порвать на куски на месте, но сдержался. И кстати не напрасно. Помнишь, когда нас с тобой чуть насовсем не подстрелили? Так вот этот Архип Хвостов тоже был из Шамовской банды. И тоже был у нас на хуторе в ту ночь. Так что у нас двойной праздник образовался (*подмигивает*) обмыть бы надо, я считаю.

Володя (*радостно улыбается*): Вот так так! Колян, ты конечно голова. А выпить - это всегда! Сегодня Лидка в ночную дежурит,

заходи после работы.

Вечером того же дня. Николай и Володя сидят ужинают. На столе не слишком много еды: водка, сало, картофель. Они о чем-то разговаривают, но пока звучит голос Николая я в старости этого не слышно.

ГНС: Тот вечер я помню в мельчайших подробностях. Мы пили с Володей в комнате у медсестры Лиды (он переехал к ней месяц назад, хотя своих прочих баб посещать не переставал). У нас у обоих было чувство облегчения, как будто с плеч гора свалилась. Сначала было весело, но потом мы как-то незаметно набрались. А Вовка пьяный становился крайне неприятным: у него некстати просыпалась правда-матка и стремление всех учить жизни. В этот раз, поскольку больше никого не было, воспитательная работы была обрушена на меня.

Володя (*сильно пьяный*): нет! вот ты, Коля, мне скажи – почему жалеют буржуазных недобитков? Почему мы только выселяем, уплотняем. Почему миндальничаем. А они в спину потом.

Николай: Кто в спину то? Ты посмотри на контингент: там бабки одни да малолетки. Мой Федорыч например голову сломал – как указания по усилению борьбы с контрреволюционной деятельностью выполнять: в городе никого уже не осталось из классово чуждых элементов, все почти повыбиты. Или в лесах прячутся.

Володя: вот именно. А в городе зато лазутчики ихние, дворянчики разные. Я вообще осуждаю тех, кто с ними якшается (*смотрит пристально на Николая*).

Николай (*усмехаясь*): Вовк, а ты своих-то баб разогнал? У тебя, если я правильно помню там Давыдовы да Лунины – цвет дореволюционного дворянства Тамбовской губернии. Лида не ревнует часом?

Володя: Лиде знать не обязательно. А то, что дворянки (*икает*) да, ебу. Ну и что! Они сколько веков нашего брата имели, вот теперь пусть отплатят за всё. Но! Заметь, я на несознательных элементах не женюсь! Я классовое чутье не теряю!

Николай (*делает удивленное лицо*): а кто женится?

Володя: Ты, Коля, ты! Не отпирайся! Мещанское происхождение жены твоей – липа. Верь мне – я контру за версту чую. Нахлебаешься с ними. Я вот еще в ЗАГС схожу, проверю откуда документики у них взялись. Мой тебе совет как другу: разведись пока не поздно. Ты мне жизнь спас, мы с тобой прошли столько ... (*икает, замолкает*)

на полуслове. На некоторое время повисает тишина)

Николай (*смотрит на Володю пустыми глазами, затем быстро справляется с собой, делает вид, что ничего не произошло. Наливает водки*): Хорошо, Вовка, разведусь. Тебе верю. Давай выпьем на прощанье с тобой.

Володя: на прощанье?

Николай: Да, на посошок. Домой мне пора. Да и тебе спать тоже надо. Завтра на службу. Будь здоров!

Выпивают.

Николай быстро собирается и выходит из комнаты, Володя тяжело поднимается со стула и, не раздеваясь, падает на кровать, засыпает.

Сцена 13: Ночь после ужина у Володи.

Николай сидит у себя дома за столом, молча и играет с обгоревшими курочками – игрушкой, которую он забрал на пепелище.

ГНС: я с тех пор почитай, что пить и бросил. Ну, разумеется, на общих банкетах, когда большое начальство говорило тост, отказываться было неудобно, но по своей воле к рюмке почти не прикасался. Вовка озадачил, что и говорить. Хорошо, что выболтал по пьяни, так бы прилетел на меня донос через недельку другую и поминай как звали. Но предупрежден – значит вооружен. Тем боле, что я никому не был намерен позволять вмешиваться в мою личную жизнь. План в целом созрел у меня еще по дороге, и дома я обдумывал детали. Оперативная обстановка складывалась следующим образом. Вовку надо было убирать. Тем более что у меня в руках было дело антоновца, и представить дело таким образом, что Вовка навел на наш хутор банду, и потому жив остался, было несложно. Кроме того, мог помочь мой дядька, который свидетельствовал бы в мою пользу.

Но вопрос осложнялся из-за начальства. Арест сотрудника ОГПУ в любом случае был экстраординарным событием и вызвал бы повышенное внимание. Надо сказать, что к тому времени мы с Вовкой уже подчинялись разным руководителям. Мой непосредственный руководитель – Федорыч, был мужик очень умный, к тому же он по должности отвечал за контрреволюционную деятельность и ликвидацию антоновских недобитков. А вот Вовкин начальник – бывший латышский стрелок вроде бы за это не отвечал, но вмешаться мог, да еще как.

Вообще, латышские сотрудники в органах – это отдельная история.

Показывают документальные кадры про латышских стрелков и далее - портрет Артура Зегеля

Затем опять показывают Николая сидящего за столом, крутящего игрушку.

ГНС: латышские стрелки – это конечно неотъемлемая часть истории революции в целом, и органов в частности. Но книги читать и кино смотреть это одно, а когда с ними сталкиваешься по службе – дело совершенно другое. Основных проблемы было две. Первая состояла в том, что они действительно были стрелки. Им было понятно задание: стереть с лица земли населенный пункт, перебить всех, включая стариков и грудных детей – с этим латыши справлялись прекрасно. Не случайно они с лучшей стороны зарекомендовали себя в подавлении разного рода мятежей, в том числе и антоновского. Именем одного из сотрудников ВЧК Артура Зегеля, героически погибшего в бою с антоновцами, даже назвали улицу в Липецке. Но хороших, и даже средних оперов из латышей обычно не получалось. Они плохо знали русский язык, большинство их было не слишком сообразительными и вдобавок мало образованными. Поэтому качество работы было ужасающим. Но тут уже верховодил принцип подбора кадров, сформулированный Дзержинским

Показывается портрет Дзержинского, идет цитата (либо текст на экране, либо закадровый голос)

«Если приходится выбирать между, безусловно, нашим человеком, но не совсем способным, и не совсем нашим, но более способным, у нас, в ЧК, необходимо оставить первого. Вся суть, по-моему, в подборе людей, безусловно, честных и, где нужно, умных».

ГНС: Вторая же проблема состояла в том, что латыши шли служить в ОГПУ семьями. Там где появлялся один из них, рано или

поздно образовывался целый клан на разных постах: от уборщиц, до самого высокого начальства. Тамбовский отдел ОГПУ не был в этом смысле исключением. Так Вовкин непосредственный начальник был каким-то дальним родственником того самого Артура Зегеля, мертвого героя, борца с антоновцами. За глаза его звали просто Латыш. Это самый Латыш формально не имел права вмешиваться в расследование, но если бы очень захотел, то через своих земляков мог легко организовать передачу дела следователю из Москвы или из головного подразделения ОГПУ по Черноземному району. И тогда бы мы с Володей могли запросто поменяться местами. В общем, тут было о чем подумать. Федорыч имел с Латышом отношения неприязненные, но я понятия не имел о том, чьи позиции сейчас сильнее. Но все же решил попробовать, тем более что другого варианта у меня по большому счету и не было.

Николай откладывает игрушку, решительно встает, идет одеваться

Нина: ты опять уходишь?

Николай: да, кое-что не доделал на работе. Буду завтра, надеюсь, что после обеда. Не переживай, ложись спать.

Николай выходит. Нина настороженным взглядом провожает его, потом берет со стола игрушку, прячет её в секретер.

Сцена 14: Ночь решительных действий и сумасшедший день.

Псевдо-исторические кадры: Николай звонит в дверь квартиры своего начальника. Ему открывает заспанный Федорыч, они проходят в комнату Николай докладывает, Федорыч сидит и внимательно слушает.

ГНС: Я пришел и доложил, что как чекист и член партии должен арестовать своего товарища и что для меня это нелегкое решение. И потому я хочу посоветоваться со старшим товарищем, чтобы не совершить непоправимой ошибки, которая может повлиять на работу всего подразделения, ну и все в таком духе. Федорыч крикнул, пошел в сортир и приступил к допросу. Битый час он меня гонял, выпытывая мельчайшие подробности, но моя позиция была взвешена и, кроме того, на 90% это была правда. А проверить на месте те самые 10% неправды Федорыч просто не мог: они были известны только мне и Володе. По опыту я знал, что когда он себя так вёл, то значит, был внутренне для порядку тянул время. В итоге уже часа в три

ночи получил добро и инструкции как себя вести с Латышом, если он предпримет активные действия. И еще свою личную машину с шофером дал до утра. В общем, я лишний раз убедился, что Федорыч был редкого ума человек.

Николай едет на машине в здание ОГПУ. Далее показывают кадры задержания Володи. Чекисты переворачивают комнату вверх дном и находят ювелирные изделия.

ГНС: На задержание Володи я отправил Серова и Пятова. Они были жутко злые на меня за то, что их подняли с постели, и потому задержание провели образцово. Серов нашел еще неучтенные ценности – какую-то ювелирку: не бриллианты, но тем не менее. Вероятно, Вовка забрал что-то у своих сожительниц и хотел подарить Лиде на свадьбу. Для допроса я им придал в усиление Ничипорука – это был мастер своего дела – сколько он народу замучил за пять лет службы в ЧК и сам, наверное, не помнил. Их категории садистов, бескорыстно любивших свою работу. Они начали бить Вовку, ничего ему толком не объясняя, и не особо давая говорить.

Показывают кадры избияения Володи. Бьют долго, обстоятельно со знанием дела.

ГНС: Человек на самом деле очень хрупок. Ничипорук всегда говорил, что если знать, как бить, то куда не ударь – или убьешь, или покалечишь на всю жизнь. За исключением, конечно лба – по нему можно стучать сколько угодно, и толку не будет никакого. А так, при профессиональной постановке дела, средний срок психического слома человека – от 18 до 36 часов систематических побоев, хотя у каждого порог, разумеется, свой: кто-то сломается за час, кого-то и за месяц не расколешь. Но тут важен результат. Человек будет внешне не покалечен, никаких следов и его можно вести в суд и даже (если очень нужно) под кинокамеру, но при этом он уже готов подписать любой самооговор и на людях себя будет вести тише воды ниже травы – скажет ровно то, что все хотят услышать. Вся сложность была в том, что времени у нас было в обрез: надо было закруглиться часов за 12, а Ничипоруку надо было отдыхать: размотать человека в порошок можно и за 15 минут, а вот профессиональные истязания больше полутора-двух часов длиться не могут, потом надо отдыхать минимум столько же. Кроме того, было совершенно неясно, до чего договорится Федорыч с Латышом, и надо ли будет

предъявлять задержанных кому-либо, или их можно будет сразу расстрелять. В общем, я оставил их разбираться с Володей, а сам занялся его сожигательницами.

Показывают кадры допроса Николаем сожигательниц.

ГНС: Было это около 5 утра. Они, разумеется, ничего не могли понять, за что их так экстренно забрали среди ночи, но и скрывать им было нечего – рассказали все что знали, и тут лицом ко мне повернулась удача: Вовка был не только кобель, но и укрыватель реквизированного: там набежало немало эпизодов и оказалось, что дома у него нашли едва ли четвертую часть. Я поговорил с ним почти ласково, снял с них показания, переписал имущество и отпустил, заверив, что к ним у органов претензий никаких нет, будут проходить как свидетели. В 8 утра я уже официально доложил Федорычу о полученных результатах, и мы с ним пошли к Латышу.

Псевдо-исторические кадры: Федорыч и Николай пришли в кабинет к Латышу.

ГНС: Латыша, вопреки опасениям, судьба Володи ничуть не взволновала. Федорыч потом говорил, что вот если бы родственника коснулось, тогда было бы воплей на чухонском языке несколько дней на все управление. Латыш выслушал мой доклад, согласился с тем, что нам нужно крепить ряды и изгонять антоновскую заразу изо всех щелей, где она прячется. А потом Федорыч попросил меня на пару минут выйти.

Николай ждет в коридоре у кабинета Латыша. Потом выходят Федорыч и Латыш. Они прощаются, Латыш жмет всем руки и Федорыч с Николаем уходят.

ГНС: Оказалось, что Латыш со дня на день ждал новостей из Москвы. Очередные родственники с хутора выхлопотали ему повышение, но приготовленный нами сюрприз мог на этом самом повышении поставить крест. Федорыч, узнав о том, что это недоразумение, по нелепой случайности носящее звание чекиста, может покинуть нас раз и навсегда, молниеносно разыграл сцену немислимого благородства и предложил товарищу по борьбе дружескую услугу – замять дело с Володей. Вернее представить его так, что Латыш принимал активное участие в выявлении предателя. Латыш, разумеется, согласился, но потом немного поморгал поросячьими глазами ... и вдруг предложил расстрелять всех Вовкиных сожигательниц. Федорыч сумел его отговорить, сказав,

что это наши агенты, и мы будем ловить на них антоновцев как на живца. Латыш в итоге согласился, но ему видимо все же хотелось кого-нибудь арестовать. Потому он решил, что самое лучшее будет арестовать Лиду. Федорыч не успел ничего на это возразить, как Латыш уже позвонил и дал задание своим подчиненным. В общем, бедная Лида, которая была во всей этой истории уж точно не причем, после ночной смены оказалась не дома, а в ОГПУ у меня в кабинете.

Сцена 15: Лида и расстрел.

Николай сидит в кабинете, вводят Лиду.

ГНС: разумеется, я не хотел сажать Лиду. Собственно, с ней надо было бы провести беседу как с Вовкиными сожигательницами и отпустить. Но тут возникало два осложнения: я был заложником, во-первых, собственной легенды, а во-вторых, того, что Лиду арестовали не мы, а отдел Латыша. То есть просто взять и отпустить арестованного возможным не представлялось.

Поэтому я решил спокойно поговорить с Лидой и объяснить создавшуюся ситуацию. Без протокольных ухищрений так сказать.

Лида садится, Николай ходит по комнате и говорит. В конце своей речи он тоже садится за стол на свое место.

Николай: Лида, ты комсомолка?

Лида: Коль, ну ты же знаешь. Что стряслось то? Зачем меня так хватили как будто я преступница какая.

Николай: Лида, выслушай меня по возможности спокойно. Я правду говоря сам не могу успокоиться, но от того как мы с тобой сейчас поговорим, напрямую зависит твое будущее. Докладываю тебе: позавчера мы задержали антоновца, бандита из Шамовской группы. И он дал показания на Володю. Неопровержимые свидетельства привел. Одним словом, Володя, твой жених и мой бывший близкий друг – предатель и провокатор.

Лида: не может быть. Это какая-то ошибка.

Николай: я сам поражен не меньше твоего. Не спал сегодня всю ночь – просто в голове не укладывается. Но дело это ведет хорошая бригада следователей. Они разберутся. Не в Володе дело сейчас, а в тебе.

Лида: а что с ним будет?

Николай (*профессионально-доверительно*): в сложившейся ситуации иного выхода нет: скорее всего, расстрел. Но это полбеды:

расстрелять или посадить на очень большой срок могут всех его родных и близких. И хотя я прекрасно знаю, что ты тут совершенно не причем, но ... ничего поделаться нельзя. Тебя привезли сюда, чтобы осудить вместе с Володей и другими членами шамовской банды.

Крупный план – лицо Лиды. Отрешенно молчит. В шоке.

Николай: Лида, я даю тебе слово чекиста, что постараюсь со своей стороны сделать так, чтобы тебе дали минимально возможный срок, а через год-два смягчили меру пресечения или отпустили по УДО. Я постараюсь, чтобы тебя определили в лагерь с мягким режимом содержания и без рецидивистов уголовников. Но для этого ты должна меня слушаться и делать так, как я тебе скажу. Во-первых ...

Крупный план – лицо Лиды. Смотрит на Николая с ненавистью.

Лида (*перебивает*): нет это я тебе скажу. Упырь ты, Коля, вот что я тебе скажу. Нелюдь. Вовку моего уморить хочешь и меня вместе с ним. Не мог мой Вовка этого всего совершить, лжешь ты. Гореть тебе в аду за это и бабе твоей, дворяночке вшивой. И детям вашим до скончания веков. А лучше бы у вас их и вовсе не было, и чума бы вас забрала поскорее. Ненавижу!!

Николай молча смотрит на Лиду, выражение его лица становится непроницаемым. Он протягивает руку к звонку, входит конвойный, Лиду уводят. Николай достает из папки бумагу и садится писать. Пока он пишет, рефреном звучит голос Николая в старости

ГНС: в общем, она сама решила свою судьбу. Федорыч как-то в разговоре подметил интересную особенность: попадая в ОГПУ, люди почти всегда ведут себя неадекватно. Они либо излишне боются, либо наоборот разговаривают чрезмерно нагло, чем, разумеется, провоцируют неприятности на свою задницу. В данном случае правота его лишний раз подтвердилась. Что касается Лиды, то допрашивать её мне не хотелось. Я просто добавил пару абзацев в показания Володи и отдал их Серову с Ничипоруком, для получения автографа. А сам пошел домой отсыпаться. Володя раскололся на второй вечер после ареста. Процедура передачи дела в суд и вынесения приговора заняла около трех дней, прокуратура и суд пошли навстречу и рассмотрели дело оперативно, как впрочем, и все дела по контрреволюционной деятельности.

Николай еще продолжает писать после завершения монолога. В связке между сценами звучит песня в исполнении Шаляпина «Машень-

ка». Далее идет сцена расстрела Володи, Лиды и антоновца. Зима, идет снег. Серов, Пятов и Ничипорук исполняют приговор во дворе здания ОГПУ. Николай присутствует при расстреле: стоит в стороне курит.

ГНС: Вовку, Лиду и антоновца расстреляли в декабре 1925 года, по-моему, почти под новый год. Я слышал, что в Москве к подобным расстрелам систематически привлекались курсанты пулеметных курсов. У нас такого не было, обходились своими силами. Я против обыкновения пришел посмотреть на расстрел. Не то чтобы из-за какого-то особенного злорадства – я уже к тому времени не испытывал к Вовке и Лиде никаких эмоций. Они просто мешали мне, и я их устранил. Все могло сорваться в любой момент. Но получилось по-моему, наверное, потому, что я не пытался присвоить чужого, а только защищал свое. Святое дело. Правда история эта все же имела один отголосок.

Сцена 16: Перевод Николая из Тамбова.

Николай идет по коридору к Федорычу.

Рефреном звучит голос Николая в старости

ГНС: Несмотря на то, что недобитые антоновцы не унимались аж до 1940 года, особенно много работы в Тамбове не было. Это видимо знали и в Москве, поэтому в декабре к Федорычу пришла разнарядка на перевод нескольких сотрудников на более важные участки. Федорыч вызвал меня к себе на разговор.

Николай у кабинета Федорыча. Стучится, заходит.

Николай: разрешите войти! Вызывали.

Федорыч: да, входи, Николай. У меня есть новость для тебя. Из Москвы пришла разнарядка на сотрудника не ниже седьмой категории⁸. У тебя какая, кстати?

Николай: восьмая, на девятую документы не пришли еще.

Федорыч: Вот и отлично. Я думаю, там тебе и девятую и десятую присвоят. Будешь направлен в город Москву для дополнительной трехмесячной подготовки и последующего командирования в распоряжение Особого совещания ОГПУ для усиления управления концентрационных лагерей. Это в УСЛОН, на Соловки, я так понимаю. Что скажешь?

Николай: готов служить делу революции там, где это необходимо.

Федорыч: правильно отвечаешь, молодец. Конечно в лагере служба не сахар, но продвижение быстрее по службе, да и паек уси-

ленный. *(со значением)* Мой тебе совет – и семью сразу перевозки, как только обоснуешься.

Николай: разумеется! В какие сроки надо быть готовым?

Федорыч: ну пока тут одно-другое, запрос-ответ-решение ... не раньше февраля на курсы, а уж на место в конце лета, я думаю. Значит согласен?!

Николай: так точно! Разрешите идти?!

Федорыч: Да, иди. Завтра вечером с Серовым ко мне давайте с отчетом. Год закрывать надо.

Камера показывает Николая в старост, гуляющего в Петергофе. Он идет от большого каскада фонтанов по центральной аллее сворачивает налево.

ГНС: Федорыч после расстрела Володи на меня посматривал не то

чтобы косо, но как-то иначе, чем раньше: более внимательно и настороженно. Видимо он догадался о моих действительных мотивах, но раздувать историю было не в его интересах: хорош начальник, у которого под носом оперативники убивают друг друга. Поэтому, он воспользовался первым удобным случаем от меня избавиться. И дал понять это в своей обычной манере – ничего не сказав прямо, но, вместе с тем, и не оставив особенного выбора. Правда и мне это было выгодно, так как сулило повышение по службе.

Как тут не вспомнить изречение товарища Сталина: «У чекиста два пути - на выдвижение или в тюрьму». Он сказал это уже в 50-е годы, но верно это было абсолютно всегда: и в революцию, и в 20-е и в 30-е годы. В итоге через полгода я навсегда покинул Тамбов, но абсолютно без сожаления: у меня никого здесь не осталось, а все кто нужен, уезжали со мной. Я был молод, полон сил, и впереди ожидалось множество испытаний и свершений.

Часть вторая – СЛОН.

Сцена 17: Совещание и рассказ о СЛОНе.

Титры: июнь 1927 года. СССР. Архангельская область. Соловецкий лагерь особого назначения (СЛОН).

Совещание у начальника лагеря. Присутствуют весь руководящий и средний оперативный состав СЛОНа, включая Николая. Выступает начальник лагеря Александр Ногтев.

Ногтев: Товарищи. С удовлетворением могу сказать, что трудности не запугали упорных людей, не парализовали энергию Управления. Работали дружно, с подъемом, несмотря на всю тяжесть условий труда. Наша большая работа по выполнению всех заданий не осталась незамеченной...

Камера показывает крупный план Ногтева. Фото

Псевдоисторические кадры. Ногтев читает доклад, рефреном звучит голос Николая в старости

ГНС: Товарищ Ногтев – первый начальник СЛОНа и на тот момент практически единственный. Говорю практически потому, что на непродолжительное время они поменялись местами со своим первым заместителем Эйхмансом, который, к слову сказать, через год стал первым начальником ГУЛАГа.

Камера переходит на слушающих доклад сотрудников. Крупный план Эйхманса, фото

Продолжается доклад Ногтева, камера попеременно показывает то его, то кого-то из чекистов.

ГНС: Товарищ Ногтев был революционный кронштадский матрос, участник штурма Зимнего Дворца. Затем служил в Харьковской ЧК под руководством печально известного Ивана Саенко, который даже по революционным меркам прослыл людоедом и был расстрелян. Но Петрович уцелел и

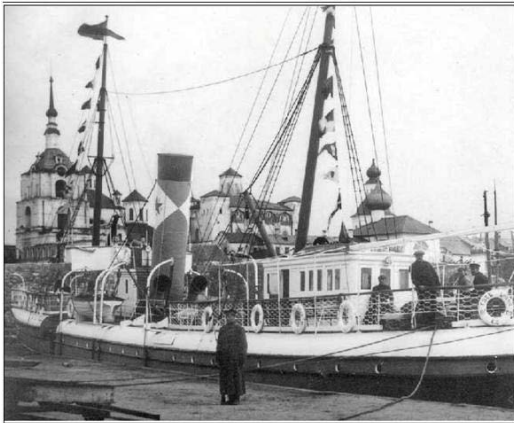
благополучно возглавил в 1923 году СЛОН. Он производил на первый взгляд впечатление человека простоватого и безобидного. Даже можно сказать душевного. Поддав и находясь в хорошем настроении, он с подчиненными был не груб, а заключенного мог даже иной раз освободить от работ или подбросить дополнительную пайку. Рассказывали, что в начале своей деятельности на посту начальника лагеря нередко мог, получив от родственников зека соответствующую сумму, и вовсе перевести того на почти что вольный режим.

Но к тому времени, когда меня откомандировали в СЛОН, такого уже и в помине не было. Возможно потому, что пил все больше и на фоне регулярного похмелья настроение было чаще неважное. А возможно потому, что опасался, что Эйхманс донесет на него в Москву насчет потери бдительности. Но порядки, сложившиеся в лагере во второй половине 20-х годов «либеральными» было назвать никак нельзя.

К моему приезду в СЛОНе был разработан целый комплекс мероприятий по физической и психологической обработке заключенных, которые в конечном итоге через год-два превращали любого вполне здорового человека в забитое испуганное существо, озабоченное только тем, чтобы выжить предстоящий день. Ни о какой контрреволюционной деятельности конечно уже, чаще всего, речи не шло.

Это были своего рода упражнения, к которым личный состав лагеря относился примерно также как к обязательной на военной службе утренней зарядке: любишь не любишь, а делать надо.

Псевдоисторические кадры, сопровождаемые рассказом Николая в старости. Каждое «упражнение» должно означать начало нового

эпизода длительностью не более 1 минуты.

ГНС: Упражнение №1 – перевозка заключенных. Тут нельзя не вспомнить о пароходе «Глеб Бокий», который перевез едва ли не основную часть всех заключенных.

Разумеется, никаких санитарных норм и норм безопасности не соблюдалось, поэтому значительная часть размещенных в трюме заключенных просто задыхалась. Точно никто не считал, но, мне кажется, их число иногда вполне могло доходить до 10%⁹.

Загрузка иногда задерживалась на сутки и более и люди сидели в трюме без воды, питья и главной возможности оправиться. Точно также бывало и с выгрузкой – сначала разгружали материальные ценности – потом уже выпускали заключенных.

Упражнение №2. Произвольный расстрел перед строем. Это было любимое развлечение товарища Ногтева и начальника оперчасти товарища Буйкиса. Варианта было два: либо они произвольно отбирали жертв при переключке – обычно это были те, кто смотрел независимо и показывал, что не боится, либо просто сзади строя стоял стрелок и открывал огонь наугад, убивая одного или двоих. Несмотря на то, что второй способ был более деморализующим, Ногтев и Буйкис чаще предпочитали расстреливать лично. Их норма обычно была 8-10 человек на прибывающую партию. Особенно Ногтев «любил» священнослужителей.

Кадры: Ногтев вытаскивает из строя батюшку, хватает его за бороду, задирает голову к небу и орет: «Ну, чего, опиум для народа, видишь своего бога?!»

ГНС: Дальше было в зависимости от настроения. Мог стакан водки налить, мог и пристрелить. Но если разобраться, то погибнуть в трюме «Глеба Бокия» или быть застреленными сразу по прибытии – это редкая удача. Потому что остальные «упражнения» были ничуть не лучше и предполагали большинству заключенных более мучительную смерть.

Упражнение №3. Посылка совершенно голых заключённых в баню при двадцатиградусном морозе на расстояние 1/2 км от барачков

9 Впоследствии в ГУЛАГе опыт СЛОНа в этой части был творчески развит: заключенных перед погрузкой кормили салакой и не давали пить. Смертность при перевозке возрастала при этом кратно, особенно в Дальлаге – см. в частности воспоминания Георгия Жженова.

Упражнение №4. Посылка заключённых в одном белье или совсем раздетых с одной командировки на другую, расположенных на расстоянии 5-6 км;

Упражнение №5. Выдача гнилого мяса;

Упражнение №6. Посадка заключённых в одном белье на колокольню церкви, расположенной на вершине горы Голгофа. Подобные посадки практиковались в зимнее время, причём заключённому связывались назад руки и привязывались отогнутые назад до крайнего положения ноги. В таком положении заключённые поддерживались до 48 часов.

Упражнение №7. Посадка заключённых на “жёрдочки”, т.е. узкие скамьи. Заключённого заставляли так просиживать по 18 часов в сутки, выдавая пищу через два на третий день. Ноги заключённого находились на весу и вызывали отёки конечностей...

Упражнение №8. Избиение заключённых до смерти.

Упражнение №9: Перенос камней или брёвен с места на место безо всякой практической пользы, часто «туда и обратно».

Упражнение №10: Громко кричать Интернационал по много часов подряд. Если хотя бы один заключённый останавливался, то двух-трех убивали, после чего люди стоя кричали, пока не начинали падать от изнеможения.

Ну и конечно расстрелы. На расстрелы назначались руководители не только оперативных, а вообще всех подразделений, включая вроде бы мирные профессии, вроде архива, отдела хоз. обслуживания или нашего транспортного отдела. При этом, если в Тамбове и впоследствии в Ленинграде к подобной мере прибегали только в случае необходимости исполнения большого числа приговоров, то в СЛОне это была идеология.

Либо стреляешь ты, либо – тебя. Строго говоря, при таком об-

ращении средний срок жизни залеченного и так не превышал 3-4 месяца. Но тут надо понимать психологию надзирателей, которые являлись главной опорой всей системы СЛОНа.

Это были не просто в большей или меньшей степени психи и садисты, которых, в общем-то, было в достатке и в обычных чекистских подразделениях по всему Союзу. Это лучшие из лучших, отборнейшие из отборных. Тут уместно вспомнить слова Дзержинского, сказанные им в 1924 г. в Москве, на съезде начальников секретных отделов:

«У меня одна школа находится на Лубянке, а другая на 65-м градусе северной широты и 36-м восточной долготы»¹⁰»

После цитаты из Дзержинского камера возвращается на совещание и показывает лица сотрудников ОГПУ слушающих доклад Ногтева, сидящий рядом с Николаем.

ГНС: Надзиратели СЛОНа – это либо чекисты, переведенные на повышение из других мест, выказавшие особое рвение в работе, либо те же чекисты, но посаженные в лагерь за злоупотребления и неосторожное душегубство. Из них была сформирована отдельная 9 рота. Режим у них был совершенно иной и в правах они приравнивались к вольнонаемным сотрудникам лагеря. Разумеется, формально заключенные чекисты чаще всего «с ружьем не ходили», а занимали административно-хозяйственные должности в лагере. Но обычно полный срок никто из них не отсиживал, их условно-досрочно освобождали и многие потом оставались в лагере и становились полноценными сотрудниками. После года-двух пребывания в лагере психика и тех и других менялась совершенно. Иногда казалось, что их интересовали только истязания и убийства. Во всяком случае, разговоры на службе и вне её были исключительно об этом. А об убийствах при попытке побега они месяцами могли рассказывать в любой компании, смакуя фактические подробности и выду-

10 Географические координаты СЛОНа
40

мывая несуществующее.

В общем, контингент подобрался еще тот. При этом, с хозяйственной точки зрения дела в лагере были поставлены из рук вон. А как иначе, если вся администрация, начиная от Ногтева и Эйхманса до начальников отделов была едва ли не ежедневно пьяна: от встречали комиссию проверяющих из Москвы (что подразумевало пьянку), то похмелялись после встречи комиссии, то справляли революционный праздник, то просто вспоминали, что в конце месяца остался не израсходованным спирт. Как говорится, было бы желание, а повод всегда найдется.

Псевдоисторические кадры: Николай отбирает заключенных для работы в конюшне.

ГНС: Разумеется, тут было не до разумного подхода к хозяйству. По прибытии меня очень быстро перевели из оперативного подразделения в хозяйственное: назначили присматривать за конюшней и организовывать транспортное обеспечение. Я обнаружил, что гужевой транспорт содержался в совершеннейшем бардаке. Должного ухода за лошадьми не было, кое-как справлялись с обеспечением транспортом высшего начальства, но не более того. Я взялся выправить дела, благо опыт ухода за животными успел приобрести: до гражданской войны почти половина нашего хутора работала на знаменитом Новотомниковском конезаводе, и мне часто приходилось помогать взрослым. Конечно, в первую голову наладили нормальный уход за лошадьми. Я написал со штрафных «комнадировок»¹¹ два десятка донских и кубанских казаков и скомплектовал из них службу конюхов и берейторов. Они работали на совесть, потому что, во-первых, это было лучше, чем неминуемый «загиб»¹², который их ожидал в «командировках», а, во-вторых, потому что занимались они привычным с малых лет делом.

Псевдоисторические кадры: извозчик поджидает пьяного начальника, сажает его в фаэтон, немного спустя начальник требует спирту извозчик дает ему фляжку.

11 На лагерном жаргоне – отдаленное место для исполнения работ. Обычно характеризовалось более суровыми условиями. Часто отправка на «командировку» носила дисциплинарный характер или преследовала целью физическое уничтожение заключенного «естественным» образом.

12 На лагерном жаргоне - смерть

ГНС: Также усовершенствовали снабжение начальства – это было нечто вроде внутри лагерной службы извозчиков: какой бы не был начальник прыщ на ровном месте, к нему был прикреплен персональный транспорт, который его на службу привозил, пьяного со службы забирал, следил, чтобы тот нигде не заснул по дороге и был доставлен домой в целости и сохранности. Третьим важным новшеством было обеспечение спиртом. Прикрепленные к начальству извозчики подбирались из числа непьющих, либо малопьющих ЗК (в основном старообрядцы либо татары и башкиры мусульманского вероисповедания), но спирт им выдавали, дабы подгулявший начальник мог «догнаться» не выходя из саней. Данная мера более всего прочего обеспечила мне благожелательное отношение со стороны почти всех сослуживцев, разумеется, кроме производственного отдела, которому транспорта не хватало категорически. Но ему не хватило бы его в любом случае. С другой стороны, должность накладывала и повышенную ответственность, особенно в случае прибытия разного рода высоких гостей. Собственно сегодняшнее совещание было посвящено именно этому, несмотря на отчетный доклад товарища Ногтева.

Камера снова показывает Ногтева, ведущего совещание

Ногтев: Итак, товарищи, на повестке дня у нас подготовка к встрече товарища Максима Горького, нашего пролетарского писателя. Не нужно объяснять, насколько важен для нашего лагеря этот визит, насколько он важен для всей страны. Поэтому, нам необходимо тщательно подготовиться.

Проверим себя: культурно просветительский отдел, товарищ Успенский. Что у нас с поручением товарища Эйхманса по «красным уголкам» и стенгазетам?

Успенский: Докладываю: «красные уголки» развернуты в полном объеме везде кроме 14 роты, там вышел казус – били заключенного неаккуратно. Но сегодня обещали все исправить. Стенгазеты в ротах выходят. Есть один вопрос – мы будем делать это только в управлении, или на командировках тоже?

Ногтев: нет, на командировки никого не повезем. Программа следующая - по прибытии едем в «биосад», потом банкет, на следу-

ющий день кирпичный завод, конюшни, коровник, централазарет. Вечером второго дня концерт, снова угощение и на утро третьего дня отбытие. В связи с этим - незамедлительно перебазировать всех неблагонадежных на отдаленные командировки, на маршруте сюрпризов быть не должно. Если людей не хватает, то укомплектуйте завод на время контингентом 9-ой роты, стукачами и вольнонаемными если не будет людей хватать. В лазарете – все выдать чистые халаты, проинструктировать, чтобы язык за зубами держали. Аналогично конюшня: Николай, под твою личную ответственность, а товарищ Френкель проконтролирует

Николай: так точно. За конюхов я спокоен, разрешите предложить заменить некоторых извозчиков на контингент из 9 роты. И еще – на время визита нам придется открепить транспорт от зам. начальников отделов. Просьба отнестись с пониманием, товарищи. Делегация большая, мы просто иначе не справимся.

Ногтев: да, действуйте. И еще, чуть не забыл - детская колония. Всех малолеток согнать в отдельный барак, выдать казенное обмундирование. Чтобы никто не бегал полуголым, и все были к приезду готовы. Товарищи Кромкуль и Дегтярев – это за вами. И на концерт – никого кроме 9 роты и стукачей не пускать. Товарищ Успенский это к вам. В общем работаем. Это все товарищи, совещание окончено.

Сотрудники расходятся. К Николаю подходит Френкель

Френкель (*говорит тихим внешне невыразительным голосом*): ну что ж, Николай Петрович, будем работать (*смотрит Николаю, прямо в глаза – взгляд очень неприятный, пронзительный*)

Николай (*не отводит взгляда, спокойно*): так точно Нафталий Аронович.

Сцена 18: Френкель.

Справка о Френкеле. Рассказ Николая сопровождается псевдо-историческими кадрами в соответствии с тем, о чем идет повествование. Заканчивается это арестом Френкеля.

ГНС: Надо признать, что Нафталий Аронович Френкель – личность уникальная, даже по меркам того времени и места где я оказался. Начать с того, что он вообще не был большевиком – ни «старым» ни «молодым». Вернее к 1929 году он, конечно, уже вступил в партию, но от этого ни на грамм не стал коммунистом.

Френкель с малых лет служил по торговой, а затем строительной части и к началу событий 1917 года фактически распорядился капиталами крупного землевладельца Юрицина. Стал миллионером. Познакомился со знаменитым одесским бандитом Мишкой-Япончиком, который взял его предприятие под свою «крышу». Правда революция быстро обратила миллионы Френкеля в прах. Но уже к 1921 году Френкель восстановил и преумножил свои богатства: на Юге России им была создан огромный криминальный трест, занимавшийся как типично уголовными промыслами (вымогательство, шантаж, контрабанду), так и производство поддельных импортных товаров, банковскими и валютными операциями, незаконной торговлей. Френкелю напрямую или через подставных лиц принадлежали пароходы, производственные артели, банки. В Одессе все было куплено: пограничная охрана, уголовный розыск, суды, даже ГПУ. В Москве тоже имелись обширные «полезные знакомства», вплоть до второго зам. председателя ОГПУ Генриха Ягоды (будущего первого комиссара НКВД).

ГНС: Но вероятнее всего предприятие Френкеля стало слишком крупным, чтобы долго оставаться вне поля зрения Москвы. К Дзержинскому стали поступать донесения, что в Одессе все так запутано, что просто невозможно разобраться, где чекист, а где налетчик; где обычный обыватель, а где контрреволюционер. Для выправления ситуации в Одессу был направлен член коллегии ОГПУ, начальник Секретного отдела Терентий Дерибас, который слыл абсолютно неподкупным.

Три месяца велась многоходовая спецоперация, в ходе которой Дерибас выяснял масштабы бедствия и всех участников треста. Он через посредников вступил в переговоры с Френкелем, требуя огромную взятку за прекращение разбирательства. Но в итоге в январе 1924 года была арестована вся верхушка одесской ЧК и все руководители треста, включая самого Френкеля. Суд был скорым, приговор ожидаемым. 14 января 1924 года коллегия ОГПУ вынесла Френкелю и его сподвижникам смертный приговор.

Псевдоисторические кадры: Френкелю зачитывают смертный приговор.

ГНС: А дальше произошло чудо, вернее даже целая череда «чудес»

Для только одного Френкеля смертная казнь была заменена десятью годами лишения свободы с отбыванием наказания на Соловецкой каторге. Прибыв в СЛОН, Френкель уже через три года получает досрочное освобождение и в 1927 году назначается начальником производственного отдела.

Сказать, что это было удивительно – это значит, ничего не сказать. И в 20-е и в 30-е годы часто сокращали сроки «оступившимся» чекистам и членам партии, или скажем, белогвардейцам, нужным советской власти и готовым с ней сотрудничать. Но чтобы отменили расстрел счетоводу и жулику, на котором как говорится «пробы ставить негде» - это было, пожалуй, единственный раз за всю мою

службу в органах. А может быть и вообще единственный раз в истории.

Псевдоисторические кадры: Френкель якобы на приеме у Сталина.

ГНС: Про Френкеля болтали, конечно, всякое. Что он скупал бриллианты для Ягоды, и потому его помиловали. Что он лично встречался со Сталиным и тот дал ему особой важности задание. Френкель, разумеется, ничего не комментировал, но при случае мог сделать загадочное лицо: что да мол, встречался. Но мне все же кажется, что причина взлета Нафталия Ароновича была гораздо прозаичнее. И с бриллиантами если и связана, то очень не напрямую.

Псевдо-исторические кадры – сыпнотифозная вошь. Кадры как хоронят турпы.

ГНС: Вместе с одним из пароходов на Соловки в 1927 году была завезена сыпнотифозная вошь, которая превратилась в бедствие острова. Лазарет не вмещал больных. Ежедневно умирало несколько десятков человек. Яма для свалки трупов на монастырском кладбище расширялась на несколько метров. Для борьбы с эпидемией нужно было принимать срочные меры. Санитарная служба советовала Управлению лагерей срочно строить бани. Инженеры запроектировали минимальный срок - 10-20 дней.

Френкель ходит по баракам отбирает работников и инвалидов. Выводит их на стройплощадку и строит их в две шеренги - матросы в одну, инвалиды в другую.

ГНС: Френкель по своей инициативе сделал проект самой большой бани со сроком реализации проекта 24 часа. И требовал для этого всего-то пятьдесят человек, и ставил два условия: первое - людей для строительства он отбирает сам, второе - горячая пища и спирт должны быть поставлены четко в назначенное им время.

Далее получив добро от начальства, он отобрал тридцать человек мо-

лодых кронштадтских матросов. Самых мастеровитых. Оставшихся двадцать человек потребовал из барака для инвалидов. Умышленно отобрал самых убогих и немощных стариков. Френкель вывел людей на стройплощадку. Произнес перед ними короткую речь

Френкель произносит речь перед строем.

Френкель: За 24 часа мы здесь должны построить баню. Если не успеем, то и вас, и меня, и их, - Френкель указал пальцем на стариков, - расстреляют у одной стенки. Горячую и мясную пищу привезут сюда. Я распорядился, будет и по стакану спирта. А теперь начинаем.

Кадры строительства бани. Матросы приступают к работе. Инвалиды помогают, как могут. В конце монолога Николая - кадры когда баня уже готова.

ГНС: Надо сказать, что это было умно. Матросы знали, что от них зависит жизнь стариков. Под песню “Гибель “Варяга” они приступили к работе. Гвозди вбивали одним ударом молотка. Казалось, доски сами ложатся в предназначенное им место. Старики помогали чем могли - подносили инструмент и перекачивали небольшие брусья. Строительными работами Френкель руководил профессионально. Распоряжения отдавал четко и толково. Баня строилась одновременно по всем направлениям. Еще не собраны были стены, а уже устанавливались банные котлы. Приступили к кровле и тут же установили печь и сушилку.

Второе условие Френкеля было тоже выполнено. Доставили густые наваристые щи, хлеб без меры и спирт. Обедали в две смены. Работу закончили на три часа раньше срока. В лазарет отнесли только нескольких замерзших ночью стариков. Начальство распорядилось выдать всем еще по дополнительному стакану спирта. А Нафталия Ароновича попросили зайти “для сурьезного разговору”. Из кабинета Эйхманса он вышел начальником производственного отдела СЛОНа.

Снова кадры диалога Френкеля и Николая. Они прощаются, Николай уходит Френкель смотрит некоторое время ему вслед.

Сцена 19: Семейный совет.

Николай дома стоит у комода смотрит себе под ноги и думает.

ГНС: Френкель, если честно, в тот момент меня сильно беспокоил, если не сказать, пугал. Он был на голову умнее всех прочих начальников в лагере, быть может даже вместе взятых. Прочие начальники были садисты и для меня полностью понятны, этот был такой себе на уме – его нельзя было отнести ни к одной известной мне категории начальства. Но дело не в категориях, а в том, что он проявлял нездоровый интерес ко мне и Нине.

Входит Нина.

Николай: ты чего такая бледная?

Нина: тошнило весь день. Видимо, у нас получилось на сей раз, но сейчас плохо, очень плохо.

Николай (*улыбается, обнимает целует жену*): Нинка! ... ну наконец-то!! Хоть одна радостная новость. А то я уже черти что думал: где застудил может чего.

Нина (*вымученно улыбаясь*): нет, не застудил. А ты отчего мрачный? Что-то случилось?

Николай: да Френкель этот из головы не идет. Чувствую какую-то угрозу. Помнишь он давеча все тебя рассматривал да ещё про бриллианты говорил ...

Нина: да помню. Он кстати еще потом приходил на следующий день, когда тебя не было. С цветами. Противный он. Что-то вынюхивает.

Николай: Вот-вот. Точно ты сказала. Мне кажется, он клинья к тебе подбивает кроме всего прочего.

Нина: ой, Коль, ну ты просто как Отелло! Да нет, когда мужчина интересуется женщиной это видно. Тут другое.

Николай (*то ли притворно, то ли всерьез*): Отелло!? Это кто еще?! По какому делу проходит? Иностранец? К вам Нина Алексеевна, как я посмотрю, несознательные элементы так и липнут!!

Нина: ой, Николай Петрович, это дело было закрыто больше чем 300 лет назад. Дознаватель Уильям Шекспир вёл. Я вас ознакомлю с материалами дела, вот только книги придут с пароходом. А то ты темный у меня совсем – надо самообразованием тебе заниматься.

Николай (*улыбается*): хорошо, Нина Алексеевна, подозрения с вас сняты полностью. Кстати, а поесть в этом доме дадут?

Нина: да, все готово, садись.

Садятся за стол. Николай ест, Нина сидит за компанию.

Неина: не хочу тебе портить аппетит – просто чтобы не забыть: Френкель в разговоре сказал как будто между прочим, что в Тамбове о тебе справлялся.

Николай: Скверно всё это. Что ему надо? Да и к слову сказать, вещи твои задержатся. Следующим парходом Горький приезжает. С делегацией.

Нина: а с ним кто будет?

Николай: ориентировали что Бокий, Александров и еще Погребинский. Кипешь вообще поднялся нешуточный. Ногтев даже пить бросил временно.

Нина: а Бокий – он же дворянин кажется?

Николай: да, бывший. А что?

Нина (*усмехается*): дворян, как и чекистов бывших не бывает. Ничего, просто мне кажется, что по поводу Френкеля надо с Бокием вопрос решать.

Николай (*смотрит на Нину внимательно, говорит с некоторым раздражением*): Нина Алексеевна, идея в теории хорошая, но на практике трудно выполнимая. Я не могу же подойти к Бокию и сказать (*передразнивает интонацию беспризорника*) Глеб Иванович, помогите сироте: бандит и барыга Френкель жить мешает, на честь жены моей покушается.

Нина (*слегка обиженно*): Николай Петрович, как вы могли подумать, что я вас на такое буду подговаривать. Вы меня просто за дуру набитую держите.

Николай (*смягчаясь*): ну ладно-ладно, сразу и обижаться. Просто с товарищем Бокием ухо надо держать особенно остро. Известно кто из них: он или Френкель, еще больше беспокойств нам обеспечит в случае чего. Ладно, где наша не пропадала. Придумаем что-нибудь.

Нина: а бал будет?

Николай: не бал, прием. Будет. Концерт, потом банкет и танцы.

Нина: Николай Петрович на прием меня возьмете?! Я буду себя хорошо вести. Честно-честно. У меня и платье есть приличествующее случаю.

Николай (*улыбается*): Всенепременно, Нина Алексевна! Вы только там ведите себя хорошо: как и подобает бывшей дворянке, осознавшей историческую правоту пролетарской революции.

Нина (*хочет ещё что-то сказать в том же духе, но меняется в лице, вздыхает*). Ой, Коль я пойду. Нехорошо мне опять. Ты тут сам тогда, а Глаша потом уберет

Николай: ага. Я скоро.

Нина уходит. Николай доедает ужин, подходит к комоду, достаёт из ящика игрушку (курочек), пару раз качает её и кладет обратно. Затем выходит из комнаты.

Рефреном играет граммофон, композиция «Ты больная с постели вставала»

Сцена 20: Встреча Горького. Глеб Бокий.

На пристани все начальство лагеря встречает пароход «Глеб Бокий» с Максимом горьким на борту. Николай в числе встречающих. По трапу спускаются Максим Горький, Надежда Пешкова и Глеб Бокий. Они садятся в фаэтоны, Николай, не выходя на первый план, распоряжается: организует подвоз гостей.

Камера делает стоп-кадр на Глебе Бокии, садящимся в фаэтон.

ГНС: Глеб Бокий – это, как и Френкель, уникальная личность, но совершенно иного рода.

Дворянин, интеллигент, разносторонне образованный человек, но вместе с тем, член партии с 1900 года, активный участник всех русских революций, а впоследствии – один из самых активных деятелей ЧК во время гражданской войны.

Глава особого отдела Восточного, а затем и Туркестанского фронта,

организовавший систему подавления басмаческого движения, в результате которой Туркменистан и Узбекистан на время обезлюдили (в отдельных местностях было уничтожено до 2/3 населения).

Сыграл ключевую роль в создании СЛОНа, а впоследствии – и ГУЛАГа. Член особой «тройки» коллегии ОГПУ, которая вынесла несчетное количество смертных приговоров. Начальник Специального отдела при ОГПУ, который занимался самым широким кругом вопросов: от создания систем шифрования и радиоперехвата, до организации психологических экспериментов и попыток поставить на службу делу мировой революции оккультные и магические знания.

Хотя Специальный отдел формально входил в структуру ОГПУ, на самом деле он был именно что «при ОГПУ» - Бокий подчинялся напрямую в Полибюро или Совнарком, чаще всего не ставя в известность руководство ОГПУ и не согласуя с ним свои доклады. И если Менжинский, занявший пост руководителя ОГПУ после смерти Дзержинского, относился к этому спокойно (возможно ввиду того, что имел сходное происхождение и воспитание), то его заместители, и особенно Ягода были этим крайне недовольны.

Однако Бокий имел колоссальное влияние как в партии, так и в ОГПУ и потому его самостоятельность терпели. Более того, Глеб Иванович Бокий чувствовал себя настолько уверенно, что позволял себе достаточно жестко подшучивать над товарищами по партии.

Далее следуют кадры, иллюстрирующие «шутки»

ГНС:

Шутка №1. В 1922 году Бокий заключил пари с Литвиновым, что украдет из его сейфа в Наркомате иностранных дел документы. Литвинов приставил к двери часового, но уже на утро спецкурьер привез дипломату его бумаги. Будущий нарком иностранных дел не прислал Бокию коньяк, а написал жалобу Ленину.

Шутка №2. Спецотдел Бокия постоянно перехватывал секретные сообщения одного и того же содержания «Пришлите пожалуйста ящик водки». Связь осуществляли два источника сигналов, один из них был передвижным. Специалисты Глеба Бокия вычислили что отправителем шифровок был Генрих Ягода, развлекавшийся с жен-

щиной на теплоходе. Бокий решил пошутить и поступил в соответствии с инструкцией: информация была передана в Особый отдел. Выехала пеленгационная машина, а за ней «воронок» с вооруженной группой захвата. Вскоре особыты ломались в дверь «базы», откуда уходили спиртные напитки, а также в каюту своего непосредственного начальника, застав того в интересном положении¹³.

Камера возвращается к посадке Бокия в фэтон. Стоп-кадр «завершается», Бокий помогает Горькому и Надежде Пешковой подняться на коляску, они уезжают.

ГНС: нетрудно догадаться, что ни Ягода, ни его выдвиненцы не испытывали к Бокию никаких теплых чувств. Но как заведено в органах: работа - прежде всего. И во время визита светоча пролетарской литературы ни о каком выяснении отношений речи конечно идти не могло. Все демонстрировали небывалое дружелюбие и единение.

Сцена 21: Поездка Горького по острову.

Николай в старости в Петергофе: сидит отдыхает в беседке оперившись на палку. Фото беседки

ГНС: в приезд Горького мне пришлось изрядно побегать. Гости желали осмотреть не только конюшню: там то, как раз все было готово и содержалось в порядке, невзирая ни на каких проверяющих. Буревестник революции желал осмотреть все объекты, чтобы потом подгото-

вить очерк. Его можно понять, но я, честно говоря, умаялся: ведь в мои обязанности входило обеспечение транспортом, а состав делега-

13 Источник - http://www.solovki.ca/camp_20/butcher_bokii.php.

Шутка номер два переписана, мною не вполне по источнику, но так для целей съемок будет интереснее.

ции постоянно менялся: кто-то из сотрудников лагеря добавлялся к кортежу кто-то отставал. В общем, я три раза вызывал «подкрепление» в виде дополнительных экипажей. Но могу сказать со всей ответственностью: транспортный отдел в грязь лицом не ударил. Чего нельзя сказать об остальных.

Обязательно в числе чекистов должен быть Матвей (Мотя) Погребинский (на фото с Горьким)

Псевдоисторические кадры: Горький вместо с Бокием осматривает Секирку. Фото персонажей. Рефреном голос Николая в старости

ГНС: Биосад, детская колония, конюшни и штрафной изолятор на Секирке (Секирной горе, где располагались одиночные камеры и карцеры) прошли отлично.

Просматривая контрольный журнал начальника Секирки, Алексей Максимович даже сделал приписку, которой потом вся рота гордилась невероятно.

А.М. Горький и М.С. Погребинский

Далее идет условная страница ревизионного журнала:

Исходная надпись ревизора: «При посещении нашел надлежащий порядок»,

Приписка Горького, возникающая как бы сама собой: «Сказал бы, — отличный».

И роспись.¹⁴

ГНС: Секирка понравилась и невестке Горького Тимоше Пешковой.

Кадр – портрет Тимоши Пешковой и цитата из её воспоминаний:

«Все едем на «Секир-гору». Оттуда открывается изумительный вид на озеро. Вода в озере холодного темно-синего цвета, вокруг озера — лес, он кажется заколдованным, меняется освещение, вспыхивают верхушки сосен, и зеркальное озеро становится огненным. Тишина и удивительно красиво»

Надежда Александровна (Тимоша) Пешкова

Далее дается панорамный вид с Секирной горы.

Рефреном голос Николая в старости.

ГНС: Здесь я абсолютно согласен с Надеждой Александровной. Без пьяных надзирателей и воплей избиваемых заключенных Секирка просто преобразается. Товарищи

поработали на славу. Но не везде удалось сработать так же чисто.

Псевдоисторические кадры – Горький осматривает медчасть.

ГНС: Мелкие шероховатости возникли при посещении медчасти. Увидев сестер в новых белых халатах, которые были сплошь «каэрки» (то есть политические, а не уголовники), стоящих с напряженными злыми лицами, Горький буркнул что-то вроде «что вы выстроились как на парад, я хочу видеть вашу настоящую жизнь». Но для ясности тему замяли – начальник медчасти латыш Дегтярев сделал вид, что не понял и подложил рассказывать своё. В общем, как говорят в футболе, момент был заигран.

Горький заходит в фойе Соловецкого театра без сопровождения сотрудников ОГПУ. Заключение из числа obsługi театра (7-10 человек) бросаются к нему с записками. Среди заключенных Горький видит Юлию Данзас

ГНС: А вот по приезде в театр случился явный прокол. Сопровождающие то ли замешкались, то ли недосмотрели, но получилось так, что Горький вошел в фойе театра совсем один. К нему сразу же устремились политические ЗК, которых как назло в фойе было полным полно. Как потом выяснилось, среди них была и Юлия Данзас, фрейлину последней императрицы и праправнучка секунданта Пушкина на его дуэли с Дантесом, которую Горький еще до своего отъезда за границу в начале 1921 года назначил директором Петроградского Дома ученых.

Юлия Данзас смотрит на Горького, он некоторое время смотрит на неё, потом отводит взгляд, не говоря ни слова отворачивается к стене, подставляет «лодочкой» руки. Заключение молча кладут в них записки. Так продолжается минуту или две: камера выхватывает на секунду лица заключенных. Они разные: молодые, старые, мужчины женщины, в них надежда на спасение. Каждый из них быстро отдает записку и как тень исчезает в глубине фойе

Камера показывает Николая, который незаметно наблюдает эту сцену, но не вмешивается. Наконец Горький прячет в карман записки. В дверях появляются Бокий, Тимоша и других сопровождающие. Горький быстро справляется с собой и вся группа идет в зал.

На Юлии Данзас делается стоп-кадр. Рефреном звучит голос Николая

ГНС: Кстати сказать, Горький потом вытащил эту самую Юлию Данзас из тюрьмы и помог уехать за границу. То есть не бросил. Правда тетка была на редкость «везучая»: она переехала во Францию, но вскоре ей пришлось бежать уже от фашистов. В 1940 году она перебралась в Ватикан, где и умерла через два года.

Стоп кадр заканчивается, показывают Николая, который вслед за делегацией проходит через фойе в зал.

ГНС: сегодня я, честно говоря, не могу объяснить, почему тогда сразу не вмешался и не разогнал зеков. Но все в итоге обернулось к лучшему. Да и потом – подвиг, не замеченный начальством подвигом, как известно, не является.

Поэтому я решил доложить начальству, а потом уже начинать махать руками и орать матом.

Горький проходит в зал на почетное место начинается концерт. Играются первые акты из увертюры «Севильского цирюльника», потом идет текст их очерка Горького, читаемые его голосом. На сцене в соответствии с текстом появляются музыканты, акробаты, чтецы и т.д.

Горький: Концерт был весьма интересен и разнообразен. Небольшой, но хорошо сыгравшийся «симфонический ансамбль» исполнил увертюру из «Севильского цирюльника», скрипач играл «Мазурку» Венявского, «Весенние воды» Рахманинова; неплохо был спет «Пролог» из «Паяцев», пели русские песни, танцевали «ковбойский» и «эксцентрический» танцы, некто отлично декламировал «Гармонь» Жарова под аккомпанемент гармоники и рояля. Совершенно изумительно работала труппа акробатов, - пятеро мужчин и женщина, - делаая такие «трюки», каких не

увидишь и в хорошем цирке. Во время антрактов в «фойе» превосходно играл Россини, Верди и увертюру Бетховена к «Эгмонту» богатый духовой оркестр; дирижирует им человек бесспорно талантливый. Да и концерт показал немало талантливых людей¹⁵.

Сцена 22: «Бал».

Приём у начальника лагеря после концерта. В зале гости: это делегация, приехавшая с Горьким, и сотрудники лагеря с женами. Из заключенных присутствуют только небольшое число избранных стукачей, «оступившихся» партработников и чекистов из 9 роты, а также оркестр.

ГНС: важно было поговорить с Ногтевым, до того как он «накидается». Что мне, в общем, удалось сделать: Горький немного опоздал на банкет.

15 Приводится по источнику http://home.mts-nn.ru/~gorky/TEXTS/OCHST/SU/SU_5.txt

Николай подходит к Ногтеву:

Николай: Александр Петрович, можно на пару слов.

Ногтев: Да, Коль, чего?

Немного отходят от стола, чтобы никто не слышал

Николай: докладываю, накладка вышла. Когда в театр входили, сопровождение отстало и Горькому зеки записок насовали с жалобами вероятнее всего.

Ногтев (*яростно, но тихо*): Блядь! А ты куда смотрел!? Почему допустил!

Николай: я случайно увидел – пошел проверить, где и сколько народу, чтобы транспорт подавать. Решил шума не поднимать – хоть это целиком Погребинский виноват, а скандал все равно бы был. Нам зачем?

Ногтев (*остывая*): ну вообще-то, да. Правильно поступил, извини (*снова в сердцах*) Ох уж эти начальники – нихера нормально сделать не могут.

Николай: есть предложение.

Ногтев: слушаю.

Николай: сейчас записки эти, наверное, у него в багаже. Вряд ли он будет в кармане носить их. Мы завтра с утра пока мероприятия будут, багаж то пощупаем, и изымем. Как будто и не было их. Или при загрузке на пароход.

Ногтев: дело говоришь. Сейчас же с Буйкисом подберите помощников и завтра изымайте.

Николай: так точно.

Ногтев: все иди.

Ногтев отходит что-то говорит Буйкису, Буйкис с Николаем выходят из зала.

ГНС: в общей сложности, пока мы с Буйкисом отбирали проверенных уголовников, я пропустил самое интересное.

Приём в разгаре. Нина и Тимоша Пешкова стоят и весело болтают.

Тимоша: очень у вас тут селедка вкусная. Никогда такой не ела. Да и вообще славно тут у вас.

Нина: тут скучно по большей части. Вы же гости. А уедете опять тоска. Знаете, о чем я больше всего тут мечтаю?

Тимоша: о чем?

Нина: Танцевать! У нас тут танцевать нормально умеют только «каэры», но с ними нельзя понятное дело. Муж у меня не умеет, а сослуживцы его тоже. Был один опер у нас, но перевели его в прошлом году.

Тимоша: ну вот что-что, а танцы мы объявить можем легко и прямо сейчас. (*смеется*) дел-то на копейку – не война же.

Нина (*тоже смеется*): а танцевать с кем? Они же тут пьяные уже: ноги оттопчут да наряды попачкают

Тимоша: Ну, Мотя Погребинский сносно танцует ... и Глеб Ива-ныч умеет точно!

Нина: ой ... я его боюсь! Он же такой большой начальник.

Тимоша: какая ерунда! Это там у себя он начальник, а тут власть целиком и полностью наша. Сейчас все устроим. Пойдем!

Женщины подходят к группе мужчин, в которой стоят Горький и Бокий

Бокий: Тимоша, как вам отдыхается?

Тимоша (*напуская притворно серьезный вид*): вы знаете, Глеб Иванович, я недовольна. У вас ту какая-то пьянка, а не праздник. Мы вот с Ниной Алексеевной подумали и решили взять власть в свои руки. Потому что вы сейчас опять напьетесь и чего доброго «Интернационал» включите. А мы хотим танцы, вальсировать хотим и непременно кружиться. Поэтому! (*надевает лежащую на столе чекистскую форменную фуражку и становится в грозную позу «руки в боки»*). Мы объявляем вам, что берем власть в этом здании в свои руки!

Следует небольшая пауза, уже изрядно пьяные чекисты не понимают что происходит, и не знают, как реагировать. Лица у них определенно глупые. Наконец, Бокий улыбается и говорит

Бокий (*улыбаясь*): Товарищи, если я правильно понимаю, мы присутствуем при насильственном захвате власти.

Тимоша: Совершенно верно, Глеб Иванович! Вы как всегда все правильно понимаете. Итак (*торжественно*), властью данной мне партией и революцией постановляю. Первое: оркестр играет вальс.

Второе: товарищи Бокий и Погребинский на время звучания вальса поступают в особое распоряжение. Моё и Нины Алексеевны для осуществления непрерывного вальсирования ...

Тимоша сбивается серьезного тона и начинает заразительно смеяться. За ней начинает смеяться Бокий, а затем и все остальные – до них дошло, что это была шутка.

Бокий (*отсмеявшись*): ничего не поделаешь, придется танцевать. Но вообще это бесчеловечно – я больше 25 лет не танцевал. (*оркестр начинает играть вальс «Осенний сон»*) Нина Алексеевна, прошу вас (*приглашает Нину на танец*)

Нина танцует с Бокием, Тимоша с Погребинским.

Нина: Тимоша – просто прелесть!

Бокий: Безусловно, но вы должны решительно мне пообещать, что никому не расскажете о моем позоре.

Нина: не скромничайте, у вас были отличные учителя.

Бокий: еще бы, моя троюродная тетка по отцу была преподавателем танцев в Санкт-Петербургском Елизаветинском институте благородных девиц. Она муштровала нас с братом всякий раз, когда гостила у нас.

Нина (*притворно ужасаясь*): Какой кошмар! Вы, наверное, сопротивлялись как могли.

Бокий: Само собой, но силы были неравны. Кстати говоря, она научила меня различать мелкие нюансы. Вот вы явно учились у педагога Харьковской школы, судя по тому, как держите руки. А так как малороссийского акцента у вас нет, рискну предположить, что вы происходите из дворян Тамбовской либо Орловской губернии.

Нина вспыхивает

Бокий (*довольный произведенным впечатлением*): Не бойтесь. Я же не Ногтев, и вы не «каэрка». Ваш муж кстати ...

Нина: Он заведует транспортом.

Бокий: А помню-помню, Николай. Нормальный парень. Деревенский правда совершенно. Вы счастливы?

Нина (*после небольшой паузы*): Вполне. Но ... знаете, я тогда тоже должна вас попросить никому не рассказывать ... здесь конечно мне тяжело.

Бокий: Ну да, возможностей разнообразить досуг тут немного.

Вы же молоды, наверное, хочется блистать, развлекаться.

Нина (*потупясь*): особенно танцы! (*сменяет тон на более серьезный*) Да и не в этом дело. Тут атмосфера непростая - все вечно друг друга в чем-то подозревают. Старые работники еще ничего, а вот новые ... особенно этот Френкель. А я переживаю – Коля у меня человек, безусловно, честный и исполнительный, но ему с лошадьми проще. Он делает все как положено, и к начальству не бегаёт. Вы только не подумайте, что я жалуясь.

Бокий: Да нет, Нина Алексеевна, вы именно жалуетесь, причем виртуозно (*смеется*). Но я вас не могу осуждать за это: товарищ Френкель действительно сложный человек, но ему поручена очень важная работа в интересах страны и дела партии. Из этого мы должны исходить. А вашему горю помочь все-таки можно, я постараюсь сделать всё, что в моих скромных силах. Но не ждите быстрого решения. И вот еще что (*значительно*): я потребую от вас за это серьезную плату!

Нина (*не сумев скрыть испуг*): плату?!

Бокий (*смеется*): Вы мне будете должны еще один танец.

Танец завершается, Нина приседает в легком реверансе. Они Бокием проходят мимо оркестра и подходят к столу. На Нину при этом смотрят две пары глаз. Во-первых, это Николай, который вернулся в зал и не понимает что происходит. Во-вторых, это Андрей – один из музыкантов оркестра, смотрит на Нину влюбленными глазами. Нина, не замечает Андрея, а Николаю украдкой делает жест: подносит палец к губам.

Далее все присоединяются к праздничному столу, о чем-то оживленно разговаривают. Рефреном звучит голос Николая в старости.

ГНС: по здравом размышлении поступок Нины был, конечно, глупым и рискованным, но тут нам просто повезло. Бокий тогда находился в особо неприязненных отношениях с Ягодой, и осадить Френкеля, которого не без основания считали человеком Ягоды, было вполне уместно. Как говорится: мелочь, а приятно.

В дальнейшем вечер продолжался в том же русле: Нина танцевала с Погребинским и второй раз с Бокием, причем Глеб Иванович все же наступил ей на ногу, да так, что она весь следующий день едва

могла ходить. Но, надо сказать, повеселились на славу. Да и Бокий на просьбу Нины среагировал немедленно.

Банкет в самом разгаре. Бокий разговаривает с Френкелем.

Бокий: Нафталий Аронович, откровенно говоря, первоначально я был скептически настроен к вашей идее, но теперь понимаю что она и своевременна, и чрезвычайно полезна. Поэтому, хочу сказать вам, что с моей стороны ваши предложения получать в ЦК самую горячую поддержку.

Френкель (*довольный, но старающийся сдерживать эмоции*): Спасибо, товарищ Бокий. Для меня это очень важно знать.

Бокий: Ерунда, не благодарите. Я, прежде всего, твердо стою на интересах революции, а свои личные амбиции и симпатии при принятии важных решений убираю. Я ведь очень уважал и безмерно уважаю и сейчас Ленина, но однажды мне пришлось не просто проигнорировать его просьбу, а поступить строго наоборот.

Френкель: я не знал этого. Очень интересно.

Бокий: в двадцать первом году были выявлены хищения в Гохране. В числе прочего там был арестован некто Яков Шелехес, за которого просил лично Ленин. Но я не счел возможным. И оказался в итоге прав. Ильич сначала обижался, но потом все же согласился с моими доводами.

Френкель: и что стало с Шелехесом?

Бокий: расстреляли, натурально. Это же вы, Нафталий Аронович, у нас уникам в своем роде. Не всем так везет (*неприятно улыбается*) и не всякий раз.

Френкель (*смотрит на Бокия внимательно*): это точно. Везет тому, кому везет.

Бокий: я вот о чем хотел поговорить. Есть тут у вас парень толковый (*ищет взглядом Николая, найдя, окликает*): Коля подойди к нам на минутку (*Николай подходит*). Я давно за тобой, Коля приглядываю, ты здесь сколько уже?

Николай: три года без малого

Бокий: ну вот, времени было достаточно. Я вам товарищи так скажу – для реализации плана, который предлагает Нафталий Аронович необходимо максимальная мобилизация всех сил и ресурсов. Здесь в СЛОНе люди собраны, безусловно, преданные, но не у всех есть необходимая хозяйственная сметка. У Николая она есть, свой

участок содержит образцово. Так что товарищ Френкель, теснее кооперируйтесь и работайте совместно. Невзирая на должности, звания и прочее. Я буду по мере сил вам тоже содействовать, но чтобы никто не нервничал, лучше, если помощь будет опосредовано через Николая. А то, Нафталий Аронович, вы же знаете Генриха – он обидчивый.

Френкель: разумеется, Глеб Иванович. Обязательно будем кооперироваться. *(смотрит с плохо скрываемым раздражением на Николая)*

Оркестр начинает играть джаз, камера дает общий план, вокруг Горького собираются слушатели, он что-то рассказывает. Рефреном звучит голос Николая в старости.

ГНС: Разговор этот был со всех стороны примечательным. Бокий, разумеется, не собирался никак участвовать в планах Френкеля и Ягоды. Он просто хотел их позлить, и даже не для того чтобы выполнить просьбу Нины, а просто из-за своего характера. Более того, я почти уверен в том, что Бокий на следующий день уже забыл о моем существовании. Но Френкель получил вполне внятный сигнал – от меня нужно держаться подальше. И это сработало. Впрочем, месяц спустя эта история имела продолжение.

Сцена 23: Отъезд Горького.

На пристани перед пароходом делегация чекистов провожает Горького. Присутствуют все, включая Николая.

Горький благодарит чекистов за прием, говорит речь. На заднем плане грузится багаж Горького. Камера показывает крупный план двух носильщиков – это уголовники, которым Николай и Буйкис дали задание выкрасть записки. Далее идут кадры, как уголовники обыскивают багаж и ищут чемодан с записками.

Рефреном при этом продолжает звучать разговор Горького с чекистами.

Горький: Товарищи. Я сердечно благодарю вас за теплый прием и поучительную экскурсию, которая еще больше убедила меня в том, что «Соловецкий лагерь» - это крайне важный элемент перековки преступников и несознательных элементов и формирования нового человека призванного строить светлое коммунистической завтра. Образно гово-

ря, «Соловецкий лагерь» следует рассматривать как подготовительную школу для поступления в такой вуз, каким является трудовая коммуна в Болшеве¹⁶. Если б такой опыт, как эта колония, дерзнуло поставить у себя любое из «культурных» государств Европы и если б там он мог дать те результаты, которые мы получили, там был бы поднят такой шум о достижении своём в деле «реорганизации психики преступника», что лопнули бы все медные трубы¹⁷. Мы же скоромно молчим о своих достижениях, но я намерен исправить это положение.

Уголовники находят нужный чемодан, вынимают оттуда записки в холщовый мешок и кладут жестяную коробку из-под конфет. Быстро закрывают чемодан и ретируются¹⁸.

Горький: И я хочу от всей души приветствовать усилия работников Соловецкого лагеря и пожелать им дальнейших успехов!

Все хлопают, оркестр играет прощальный марш, делегация во главе с Горьким поднимается по трапу. Корабль отдаёт швартовые. Делегация стоит на палубе, провожающие на пристани. Уголовники незаметно подходят к Николаю и передают ему мешок с записками, изъятыми у Горького. Показывают крупным планом лицо Николая – он доволен собой и тем как развиваются дела.

ГНС: в некотором отношении это был знаменательный день. Не только потому, что получилось разобраться с записками. Как ни крути, а визит Горького на Соловки вошел в историю. А, кроме того, лич-

но я очень многих из тех, кто был в тот день на пароходе и на пристани видел, едва ли не последний раз в жизни. Всех вместе так уж точно.

Далее камера делает стоп-кадры, останавливаясь на каждом из членов делегации. Реальное фото на корабле вот.

16 Подробнее о коммуне <http://korolew.livejournal.com/6495.html>

17 Источник - http://home.mts-nn.ru/~gorky/TEXTS/OCHST/SU/SU_5.txt

18 Есть свидетельства- (<http://www.lebed.com/2007/art5221.htm>), что чемоданы сначала украли потом вернули, но для экономии времени решил сделать подмену.

Рефреном звучит голос Николая в старости

ГНС:

(стоят на пароходе)

Горький Алексей Максимович. В 1932 году окончательно перебирается из эмиграции в СССР. Правительство предоставило ему бывший особняк Рябушинского на Спиридоновке в Москве, дачи в Горках и в Теселли (Крым). Горьким создаётся множество газет и журналов: книжные серии «История фабрик и заводов», «История гражданской войны», «Библиотека поэта», «История молодого человека XIX столетия», журнал «Литературная учёба», он пишет пьесы «Егор Булычёв и другие», «Достигаев и другие», роман «Жизнь Клима Самгина». Летом 1933 года в составе группы писателей проехал по только что открытому Беломоро-Балтийскому каналу, после чего под его редакцией вышел сборник статей «Канал имени Сталина». Умирает 18 июня 1936 года при не вполне выясненных обстоятельствах. Во всяком случае, на Третьем Московском процессе 1938 года бывшему начальнику НКВД Генриху Ягоде было предъявлено обвинение в отравлении Горького и его сына, а среди подсудимых были три лечащих врача Горького: Казаков, Левин и Плетнёв.

На похоронах, в числе прочих, гроб с телом Горького несли Молотов и Сталин.

Пешкова Надежда Александровна. После смерти Горького осталась жить с его семьёй в особняке Рябушинского. Молва приписывала ей многочисленные романы, в первую очередь с Ягодой, Тухачевским, Алексеем Толстым. Однако, все её попытки вторично выйти замуж оборачивались трагически: потенциальных мужей арестовывали, но её саму не трогали. Говорили, что это было негласное указание самого Сталина: он якобы ухаживал за ней, но потом почему-то передумал. Впрочем, это все, конечно слухи. Факты состоят в том, что Тимоша практически на голом энтузиазме создала музей Горького, который существует в Москве до сих пор. Умерла своей смертью 10 января 1971 года.

Бокий Глеб Иванович. До своего ареста и расстрела оставался в должности начальника Спецотдела при ОГПУ/НКВД. После реорганизации ОГПУ в НКВД присвоено звание комиссара госбезопасности 3-го ранга.

Расстрелян 15 ноября 1937 года. Говорят, что поводом для включения в расстрельный список послужила случайно оброненная в разговоре фраза «Что мне Сталин, меня на эту должность Ленин поставил».

Погребинский Матвей Самойлович. Основатель и начальник Болшевской трудовой коммуны для беспризорников. С января 1930 г. - начальник Башкирского обл. отдела ГПУ - председатель ГПУ Башкирской АССР, с августа 1931 г. - полпред ОГПУ в Башкирской АССР, с июля 1933 г. - полпред ОГПУ//начальник УНКВД Горьковского края (с февраля 1937 г. - Горьковской области). После реорганизации ОГПУ в НКВД присвоено звание комиссара госбезопасности 3-го ранга. Застрелился 4 апреля 1937 года в г. Горьком после ареста Генриха Ягоды. Говорят что это произошло прямо посреди совещания. Узнав об аресте Ягоды он извинился, вышел в туалет и там пустил себе пулю в лоб.

(стоят на берегу)

Ногтев Александр Петрович. С весны 1930 г. смещен с поста начальника СЛОНа, посажен в тюрьму, исключен из партии. В 1932 году выпущен из тюрьмы, поставлен управляющим трестом Мосгортопа. Восстановлен в партии. В 1938 г. Снова арестован и сослан в Норильсклаг, с 1944 г. на поселении в Красноярском крае. В последние годы жизни — директор треста Главлес Наркомата лесной промышленности. Умер в 1947 году.

Эйхманс Федор (Теодор) Иванович. В 1930 году назначен первым начальником ГУЛАГа, правда, пробыл он им меньше 3-х месяцев. Далее до 1932 года был начальником Вайгачской геологоразведочной экспедиции ОГПУ. С 1932 года и до самого ареста служил у Бокия в спецотделе, занимался шифрованием и организацией работы с заграничными представительствами СССР. Арестован вместе с Бокием. Расстрелян 3 сентября 1938 года.

Успенский Дмитрий Владимирович С весны 1930 года – начальник УСЛОНа. Далее продвигался в системе ГУЛАГ, занимал различные посты. В 1940–1950-е гг. начальник Заполярного лагеря и управления Сахалинского ИТЛ, подполковник внутренней службы. С 1952 г. персональный пенсионер. Умер в 1989 году.

Зарин Владимир Георгиевич - начальник 1-го отделения УС-ЛОН, член бюро партколлектива УСЛОНа. В 1930 г. приговорен коллегией ОГПУ к 10 годам лагерей. Дата смерти точно не известна.

Стоп-кадры заканчиваются, пароход отплывает от пристани. Звучит музыка: Федор Шаляпин исполняет «Раскинулось море широко».

Вечер того же дня. Камера показывает каюту Горького. Горький открывает свой чемодан, где лежали записки, обнаруживает, что вместо записок там находится жестяная коробка. Он открывает коробку - там пепел. Горький садится, закуривает, думает. Потом начинает писать. Рефреном продолжает играть песня Шаляпина

Далее показывают кадр с портретом Горького

«Я не в состоянии выразить мои впечатления в нескольких словах. Не хочется, да и стыдно было бы впасть в шаблонные похвалы изумительной энергии людей, которые, являясь зоркими и неотомимыми стражами революции, умеют, вместе с этим, быть замечательно смелыми творцами культуры...

*Из очерка Максима Горького о Соловках
Очень хочется видеть Вас поскорее, чтобы поделиться с Вами тем, о чем думаю».*

Из письма Максима Горького Генриху Ягоде

Сцена 24: Нина и Андрей.

Андрей подходит к дому Николая и Нины. Нина дома, расставляет в шкафу посуду – её видно из открытого окна. Андрей подходит к окну

Андрей: Здравствуйте!

Нина: Ой, вы меня напугали. Здравствуйте. А вы кто?

Андрей: Я – «каэр», кто же еще. Меня зовут Андрей Борисович Голубев. Скажите, а вы случайно не Нина Мещерская?

Нина (*смотрит испуганно*): не понимаю ...

Андрей: не бойтесь меня я не провокатор. Вы меня просто не

помните, я друг вашего брата Вадима. Я вас видел совсем маленькой на благотворительном балу, который давала ваша матушка перед империалистической войной. Там еще Рахманинов играл.

Нина жестами показывает Андрею, чтобы он замолчал и зашел в дом. Андрей заходит. Далее сцена в комнате.

Нина: я не могу поверить

Андрей: мир тесен, Нина Алексеевна. Мы ушли с Вадимом на фронт, он погиб в 1915 году.

Нина: правильно. Говорите тише, умоляю. Услышит экономка, донесет.

Далее разговор идет приглушенно почти шепотом

Андрей: да. К вам приезжал потом Сережа, Сергей Иванович Мирский, наш одноклассник, теперь он совсем лысый. Он передал вашей матушке личные вещи и письма.

Нина: да я помню. Я потом их читала много раз.

Андрей: Я был ранен и потому не смог с ним приехать. Он мне рассказывал, что вы необыкновенно похорошели. Теперь я могу лично в этом убедиться.

Нина: нашли время для любезностей! вы давно здесь?

Андрей: с 1923 года. Мне в некотором смысле повезло – я попал сюда в числе первых заключенных, еще когда Бокий хотел тут устроить особую коммуны

Нина (*удивленно*): что-что он хотел?

Андрей: Бокий хотел собрать в одном месте все несознательные элементы и изолировать их от остального населения. Но при этом, не мешать внутри жить как им заблагорассудится. Что-то вроде трудовой коммуны в Болшево, которую они создали для беспризорников. Первый год так примерно и было. Но ... сами видите, во что это выродилось.

Нина: да уж. Андрей Борисович, вам нельзя здесь появляться. У вас срок истекает когда?

Андрей: в следующем году. Но могут быть сюрпризы. Правда, я служу в театральном оркестре, играю на кларнете, поэтому нас особенно не трогают. Но по той же причине могут и добавить срок: вдруг играть станет некому.

Нина: могут запросто. Так зачем же вы пришли?

Андрей: честно сказать – это глупость чистой воды. Я видел, как

вы вчера танцевали с Боким, и захотел вас увидеть. Зрелище было одновременно жуткое и великолепное. Жуткое – в части Бокия и остальных, великолепное – из-за вас.

Нина: вот именно – глупость! прекратите немедленно. И уходите скорей. Знаете за кем я замужем?

Андрей: да, знаю. Возможно, это прозвучит излишне резко, но упырь еще тот.

Нина: упырь не упырь, а то, что я сейчас с вами разговариваю, а не уехала к богу на бал вместе со всеми моими родными, оставшимися в живых после гражданской войны, это целиком его заслуга.

Андрей: вы его любите?

Нина: вам какое дело?! Да и причем тут любовь. Андрей Борисович, мне очень приятно ваше внимание, но выкиньте это из головы. Вы погубите и себя и меня. Идите немедленно, а то я вас сдам в участок: господи, какой участок ... ну неважно. Уходите, слышите. Дорогу сюда забудьте! И храни вас бог!

Андрей: Да вы правы. Простите меня. Прощайте.

Уходит, незаметно оставляя на подоконнике цветок. Нина стоит у окна проверяет, действительно ли ушел Андрей, потом замечает цветок. Улыбается и ставит его в вазу.

Сцена 25: Разговор Николая и Френкеля.

Титры: полтора месяца спустя. Август 1929 года.

Николай идет по конюшне – контролирует, как его подчиненные ухаживают за лошадьми. На выходе из конюшни сталкивается с Френкелем, который его там поджидает.

Николай: Нафталий Ароныч, приветствую. Чем обязан?

Френкель: привет, Николай. Поговорить хочу.

Николай: прямо здесь?

Френкель: да, в управлении не хочется. Разговор серьезный. Есть просьба: пусть все останется между нами.

Николай: само собой.

Френкель: прогуляемся (*идут к левадам*): Я, Коля, только что из Москвы. Для нас есть новости. Одна как обычно хорошая, другая плохая. Плохая состоит в том, что Ногтев перегнул палку. Несмотря на твои подвиги с записками, где-то еще просочилась информация и к нам очень скоро приедет комиссия Фельдманом и Сольцем. Веро-

ятнее всего Ногтева уберут, может даже посадят ненадолго. Расстреляют то вряд ли. Эйхмансу также ничего не угрожает, может быть ещё Диме Успенскому. А вот по остальным вопрос как говорится открытый.

Николай: даже не знаю что сказать. Я на себе никакой вины не чувствую.

Френкель: Коля, ну причем тут вина. Ты как маленький. Ситуация располагает к обнаружению вины. Поэтому через месяц самое позднее через два здесь будет комиссия, которая не только лагерь «разгрузит» и досрочно кого-нибудь освободит, но и накажет многих.

Николай: А хорошая новость какая?

Френкель: Хорошая новость состоит в том, что мой план относительно повышения экономической эффективности лагерной системы одобрен на самом верху. В течении года будет реорганизация и начнем работать по-новому.

Николай: по новому?

Френкель: по-новому. Посуди сам: у нас сейчас хозяйство организовано из рук вон. Ты вот просто выполняешь свои обязанности, содержишь конюшни в порядке и уже чуть ли не звезда. Хотя просто делаешь свою работу как положено.

Николай: так и есть.

Френкель (*воодушевляясь*): ну вот! А что творится в остальных подразделениях? Бардак и бестолочь. Я пока готовил доклад для начальства, посмотрел оперативные материалы. За последние два года на загиб пошло почти 10 тысяч человек. При том, что в лагеря прибыло 80-90 тысяч. Из умерших них 6-7 тысяч были вполне работоспособные, которые могли бы приносить пользу. Глупо, Коля, крайне глупо.

Да большинство этих ЗК прожили бы на стройке в среднем 3-4 месяца, максимум полгода, но польза была бы. Это в любом случае лучше, чем бревна перекачивать бесцельно и Ногтеву за водкой бегать. Мы вот часто с тобой ругались по транспорту. А если разобратся - из-за чего? Из-за того, что 2/3 голов забирают на обслуживание личных нужд разного начальства.

Николай: ну не две трети, половина на самом деле. Две трети - это когда комиссию какую-нибудь встречаем.

Френкель: да не суть важно. По совести, там и четверти бы хватило за глаза. И таких примеров масса. (*решительно*) Надо менять систему!

Николай: Нафталий Аронович, целиком вас поддерживаю. Но ... зачем вы мне все это рассказываете. Я не строитель, я оперативник был до того как сюда перевели.

Френкель: Это, Коля, я знаю. А затем говорю, что люди мне толковые нужны. Тут мастеров морды бить и стрелять навалом, а вот чтобы головой соображать – это уже хуже. Я ведь тебя проверял неоднократно. И то, как ты повел себя с Бокием – меня это устроило.

Николай: не понимаю, о чем вы

Френкель: ну только дурочку не валяй! Объясню, чтобы не было больше вопросов: меня почему-то считают склочником, но все проверки, которые я иногда себе позволяю, имеют целью только одно: понять, на что человек способен. Я не собирался и не собираюсь тебя сажать и отнимать твою жену, которой ты так дорожишь. Хотя это вовсе не трудно сделать. И Бокий тебя защищать не будет никоим образом. Мне просто надо было понять, как ты поведешь себя в сложной ситуации. Я вижу, что ты повел себя рискованно, но в целом правильно. Поэтому теперь я могу тебе сделать интересное предложение.

Николай вопросительно смотрит на Френкеля

Стройка, Коля, это не только и не столько техника, материалы и люди, хотя без них конечно никак. Это в первую очередь мозги. Если они на месте, то все остальное с трудом, но решаемо. Когда начнется большая стройка, все должно быть готово. То есть должны быть подобраны специалисты: инженеры, техники, технологи, геодезисты, геологи и т.д. Причем нужно их будет много и одновременно. Но насколько я знаю московское начальство, дело будет обстоять следующим образом: они создадут новое управление в ОГПУ и нагонят туда бесполезного народу. Всяких профессиональных революционеров, раскрытых шпионов, проштрафившихся надзирателей. То есть тех, от кого шуму много, а толку мало. А когда я начну их гонять, пойдут жаловаться в ЦК и писать доносы. То есть работать опять же некому будет. Поэтому мне нужно вдумчиво, тщательно и главное - заблаговременно осуществлять подбор людей. Которые способны работать.

Николай: и вы хотите, чтобы я это делал?

Френкель: совершенно верно! На лету мысль схватываешь. На стройке ты не то чтобы бесполезен – тебя учить надо. А так я организую твой перевод в крупный город, ты там будешь мне контингент подбирать, наблюдать за людьми заблаговременно. И когда будет необходимо, мне дать информацию, чтобы я мог первым себе отобрать нужных специалистов. Чтобы их до смерти не забили случайно или они в чем-нибудь ненужном не сознались.

Николай: два вопроса имеются. Первый – как отбирать контингент? И второй – на каком основании сажать? Должна быть начальственная директива и все такое прочее.

Френкель: помнишь, в прошлом году было «шахтинское дело» (*Николай кивает*). Там расстреляли 11 человек, а посадили порядка 80-ти. Ну вот, уверяю тебя, очень скоро таких дел будет не просто много, а очень много. И будут давать в основном сроки, а не расстрелы. Одним словом, надо подготовиться. А как распознать хорошего работника я тебе скажу. Есть два основных правила. Первое: если поет как соловей на совещаниях, то, как правило, делать ничего не умеет. Бывают, конечно, исключения, но о них все знают – тут уже его репутация подскажет. Мне нужны хорошие инженеры и технологи, а они, как правило, косноязычны и ничего кроме своей работы их не интересует. И второе: обращай внимание на то, что в конторе происходит в случае аврала. Кем дыры затыкают на самых критичных участках, того и надо брать. Все просто (*улыбается специфической неприятной улыбкой*)

Николай: в целом понятно. Я также конюхов и берейторов себе подбирал. Ну, еще дополнительное требование, чтобы не пьющие.

Френкель: Вот видишь, я в тебе не ошибся. В случае с инженером – пусть пьет. Они нужны на два три года, максимум лет пять, потом тут смену воспитаем внутри. Так что, по рукам? (*протягивает руку для пожатия. Николай пожимает руку, Френкель непринужденно морщится*). Ну, вот и отлично! Пойду я, дел еще много. Насчет перевода – я думаю будет это либо Ленинград, либо Киев. В Киеве правда есть у меня человек на примете, не говорил с ним ещё. В общем, месяц-два и жди перевод.

Френкель уходит. Николай задумчиво смотрит ему вслед, закуривает.

ГНС: Насколько я знаю, Френкель никому никогда руки не пожимал. Во всяком случае, старался этого не делать. Человек он был, безусловно, со странностями, противоречивый. Его почти никто не любил, даже из тех, кто с ним работал, возможно, потому, что своих сотрудников почти никогда не выгораживал. Но при этом, он если что-то твердо обещал, то исполнял. Причем неважно кому обещал: Сталину, Ягоде, Ногтеву, мне или зеку на стройке. Говорил мало, но всегда почти по существу. И редко оказывался неправ. Так и в моем случае: через три недели я получил назначение в управление ОГПУ по Ленинграду и Ленинградской области, подписанное Ягодой.

Сцена 26: Николай покидает Соловки.

Псевдоисторические кадры: Николай с Ниной в числе пассажиров парохода. Пароход отходит от причальной стенки

ГНС: 15 сентября 1929 года мы навсегда покинули Соловки на все том же «Глебе Бокие»

А в октябре 1929 года на Соловки зачастили комиссии: сначала приехала комиссия по линии прокуратуры («совести партии» Сольца), которая сняла Ногтева. А потом карательная - юридического отдела ОГПУ под началом Фельдмана.

Псевдоисторические кадры: расстрел чекистов.

ГНС: Как потом рассказывали, комиссия Фельдмана приговорила к расстрелу 300 человек, в основном из числа низшего управленческого звена: десятников и зам. командиров рот. Это были в основном проштрафившиеся чекисты, получившие условно-досрочное освобождение и ставшие в лагере. Причем в основе своей до того как стать чекистами они успели побывать белогвардейцами. Так что Фельдман с одной стороны и приказ начальства выполнил, проявил строгость, а с другой – выявил контрреволюционный элемент, и классовое чутье оказалось на высоте.

15 октября 1929 года всю ночь расстреливали. Команда состояла из 5 человек: четырех охранников и начальника культурно-просветительной части Успенского. Это была общая практика: даже если ты служил а архиве или в столовой, периодически тебя привлекали к расстрелам. Я участвовал в таком 3 или 4 раза, но у нас не было

такой массовости. Расстрелять за ночь впятером 300 человек – это нагрузка.

Псевдоисторические кадры: Успенский пьяный над раковиной, поднимая ноги, поочередно моет голенища сапог, залитые кровью.

ГНС: Они, скорее всего, были пьяные и попадали не слишком точно. Поэтому к утру, когда похоронная команда пришла закапывать трупы, многие могли быть еще живы.

Псевдоисторические кадры: досрочно освобожденных заключенных грузят на пароход «Глеб Бокий». Последний кадр - среди заключенных мелькает лицо Андрея.

ГНС: Комиссия Сольца, кроме того, несколько «разгрузила» лагерь, освободив (помимо традиционных уголовников и бывших партийных работников) несколько сот наиболее безобидных заключенных. Правда эпидемия тифа, которая началась сразу после отбытия комиссий, к зиме следующего 1930 года «разгрузила» лагерь значительно серьезнее: за зиму умерло около 20 тыс. человек. А «либерализм», установленный в лагере новым начальником Зариным, назначенным после Ногтева и Эйхманса, продержался всего около года. Осенью 1930 года Зарина сняли с должности и посадили на 10 лет. И все вернулось на круги своя. Но нас с Ниной это уже не коснулось никоим образом – нас ждал Ленинград, новая жизнь и новые испытания. Времена наступали непростые, впрочем, других нам почти и не досталось.

Часть третья – Ленинград. 1930-1941.

Сцена 27: «Липач».

Николай в старости гуляет по Петергофу. С трудом поднимается по лестнице к фонтанам. Стоит, смотрит на скульптуры. Фото вот:

Рефреном звучит голос Николая в старости.

ГНС: «Каждый способен придумать план, который не сработает» - кажется, так звучит один из «законов Мерфи». Это в полной мере описывает ситуацию, которая сложилась после моего приезда в Ленинград.

Псевдоисторические кадры: Николай входит в управление ОГПУ на Гороховой, поднимается по лестнице, входит в отдел кадров, подает бумаги о переводе. Кадровик предлагает сесть, внимательно смотрит на Николая, потом изучает бумаги, заводит кадровое дело. Рефреном звучит голос Николая в старости

ГНС: Когда я ехал в Ленинград, имея на руках приказ о переводе за подписью Ягоды, мне казалось, что все необходимые двери будут для меня открыты, и я смогу наконец-то вернуться к оперативной работе, по которой, правду сказать, соскучился. Но все оказалось сложнее. В Ленинграде я впервые попал в действительно большую организацию, где служащих было несравнимо больше, чем в Тамбове или в СЛОНе, а разнообразного начальства вообще не счесть. Причем место службы было престижное, и потому каждый из начальников норвил поставить на любую свободную должность своих людей. Из-за этого на каждого вновь прибывшего смотрели сначала с позиций: чей ты выдвиженец? А потом уже на профессиональные навыки, если дело

вообще до этого доходило.

Еще очень некстати пришлось смена начальства. Приказ о моем назначении согласовывал Станислав Адамович Мессинг, бывший начальником ОГПУ Ленинградского военного округа еще с 1923 года. Хотя он был (как почти все руководитель НКВД) в непростых отношениях с Ягодой, но на оперативную должность в соответствии с командировкой меня назначил. Но буквально через пару месяцев Мессинга перевели в Москву, и в начале 1930 года Ленинградское ОГПУ возглавил новый начальник – товарищ Медведь

Псевдоисторические кадры: Николай в числе прочих сотрудников на совещании у Медведя. Медведь что-то сердито говорит подчиненным.

ГНС: Медведь был старым большевиком, подпольщиком, соратником Дзержинского, уже возглавлявшим Петроградский ВЧК и побывавший замом Московской ВЧК. Ягоду он очень не любил, называл «липачем» (от выражения «гнать липу») - это могло означать что угодно: от прямой фальсификации дел до простого преувеличения своих заслуг перед начальством). Соответственно, автоматически «липачами» являлись все люди, когда-либо рекомендованные Ягодой, в том числе и я. Поэтому на оперативной должности я долго не задержался. Весной 1930 года меня перевели в Петергоф, зам. начальника конюшен с понижением категории.

Камера показывает Николая в старости в Петергофе. Он спускается по лестнице от фонтанов, походка и лицо выдает волнение. Нервно дергает головой а-ля Броневой.

ГНС: Сказать, что это было обидно – значит, ничего не сказать. Я и сейчас не могу до конца спокойно вспоминать об этом. Но, как говорится, сделано - не воротишь. Я не держал зла на Медведя, потому

что на его месте поступил бы, наверное, ровно также, учитывая его взаимоотношения с Ягодой. Так или иначе, мы с Ниной на время переехали в Петергоф, с которым судьба меня связала долгие годы. Там у нас и родился Мишка в апреле 1930 года.

Псевдоисторические кадры: Николай встречает Нину из роддома. Берет на руки младенца, улыбается, смеется. Потом они садятся в служебный автомобиль и уезжают. Рефреном звучит голос Николая в старости

ГНС: надо признать, что мое понижение в должности позволило мне больше внимания уделять семье. И те без малого 4 года, которые мы прожили в Петергофе, оказались едва ли не самыми спокойными и счастливыми на много-много лет вперед.

Сцена 28: Великий перелом.

Исторические либо псевдоисторические кадры (если не наберется исторических): Промпартия, Беломорканал, Дмитровлаг.

Эпизод первый процесс Промпартии. Николай сидит в кинозале и смотрит кинохронику http://www.youtube.com/watch?v=ahObJ_DP188. Рефреном – голос Николая в старости.

ГНС: Между тем Френкель оказался прав: в стране развернулась большая стройка, которая была поручена ОГПУ. Аккурат перед началом стройки стали в массовом порядке арестовывать техническую интеллигенцию. В 1930 году проведены аресты трех групп специалистов. Первая включала инженеров и ученых, вторая - известных аграрников, третья бывших меньшевиков, работавших в хозяйственных и научных учреждениях. Соответственно ОГПУ “сконструировало” три подпольные антисоветские партии - Промышленная, Трудовая крестьянская партия и Союзное бюро меньшевиков.

Самым громким был процесс Промпартии, который завершился в декабре 1930 года расстрелом пяти ведущих инженеров. Процесс широко освещался в прессе, был даже выпущен специальный фильм, где, пожалуй, впервые перед широкой публикой предстал прокурор Вышинский. Несмотря на тщательную подготовку и то, что главный обвиняемый профессор Рамзин прекрасно сыграл свою

роль, без накладок не обошлось. Так организатором заговора был назван бывший миллионер Рябушинский, который скончался в Париже примерно за два года до момента, на который в ОГПУ было назначено возникновение Промпартии. Но в СССР никто и знать не знал таких подробностей, а кроме того, вполне возможно это было сделано специально, чтобы за границей не поднималось лишнего шума.

Но сразу после расстрела академиков и видных хозяйственников начались отраслевые дела Промпартии, по которым арестовали более 2000 человек инженерно-технического персонала, но большинство из них были вовсе не расстреляны, а направлены в инженерные подразделения ГУЛАГа

Эпизод второй: Беломорканал.

Кадры вот отсюда <http://www.youtube.com/watch?v=csWO09ZyfJQ>
<http://documentaryfilm.ru/2011/02/26/dokumentalnyj-film-onlajn-stroitelstvo-belomorkanala/>

Большая стройка не заставила себя долго ждать. В конце 1931 года началось строительство Беломоро-Балтийского канала, который без преувеличения сказать стал символом эпохи. Строительство длилось меньше 20 месяцев: в рекордно короткие сроки было построено более 100 сложных инженерных сооружений, проведены земляные работы объёмом 21 млн. кубометров, проложено 37 км искусственных водных путей и 2,5 тысячи км железнодорожных путей (в основном это был перенос Мурманской железной дороги, которая мешала проведению земляных работ).

Строительство велось без современной техники практически вручную. Но идея Френкеля о производительном труде заключенных нашла блестящее применение. Сам Френкель стал начальником работ Беломорстроя ОГПУ в должности заместителя начальника ГУЛАГа. Под его началом постоянно находилось от 100 до 120 тысяч человек.

Он создал продуманную систему, основанную на принципе «кто не работает, тот не ест». Норма питания заключенных (т. н. «пайка») зависела от фактической выработки: чем меньше «каналоармеец» вырабатывал, тем меньшим была его пайка, а за ударный труд пайку, наоборот, увеличивали. Правда, харчи были не то чтобы очень уж сытные. Обычный паёк заключённого-строителя составляли

500 грамм хлеба и баланда из морских водорослей. Поэтому «каналоармейцы» мерли с заводной регулярностью.

Далее идет портрет Френкеля и цитата:

«От заключенного нам надо взять все в первые три месяца, а потом он нам не нужен!».

ГНС: В самом деле: средний срок продуктивной работы «каналоармейца», работающего на тачке составлял 1 месяц, далее следовали либо инвалидность, либо смерть от перенапряжения или несчастного случая. На земляных работах все зависело от времени года: летом можно было продержаться и полгода, а зимой человек сгорал за 2-3 недели. Плохое питание, холод зимой, комары и мошка летом (неизвестно еще что хуже) – в общем, СЛОН в этом отношении можно было считать курортом.

Далее – документальные кадры (3-4 штуки) наподобие вот этого. Рефреном голос Николая в старости

ГНС: Официальная статистика ОГПУ сообщала, что за время постройки Беломорканала умерло 12 с небольшим тысяч человек, причем 80% из них - в 1933 году во время аврала перед завершением стройки. Я все же думаю, что на самом деле умерших было побольше: тысяч 20-25, но никак не 30 или даже 50, о которых говорят сегодня. Впрочем, точное число установить уже никак невозможно.

После окончания строительства согласно той же статистике были освобождены 12 с половиной тысяч заключённых, и сокращены сроки для почти 60 тысяч. Впрочем, из последних многие почти сразу же были переброшены в Дмитровлаг на стройку канала «Волга-Москва», которая была на самом деле гораздо масштабнее Беломорканала.

Снова кадры хроники с путешествием Сталина.

<http://documentaryfilm.ru/2011/02/26/dokumentalnyj-film-onlajn-stroitelstvo-belomorkanala/>

ГНС: Летом 1933 года Сталин, Ворошилов и Киров совершают прогулку на катере по новому рукотворному водному пути. Вернувшись, Киров рассказал, что Сталин отозвался о канале критично: мелкий и узкий, а также охарактеризовал его как бессмысленный и никому не нужный. Правда это не помешало вручить начальникам Белбалтлага строителям канала 6 орденов Ленина. Свой орден получили Френкель.

Николай выходит со службы и идет в театр Комедии. Ждет у подъезда Нину, они входят в театр.

ГНС: Конечно, орден Ленина мне не светил ни при каких обстоятельствах, но то, что от своего перемещения я больше проиграл, нежели выиграл – это неоспоримый факт. Впрочем, нет худа без добра. Я хотя бы к 30 годам досконально узнал, что такое театр, потому что Нинка таскала меня на разные спектакли едва ли не каждую неделю. А в промежутках - пилила меня, что мы мало посещаем культурные мероприятия. Но на самом деле это было совершенно правильно - культурно развиваться нужно. Другое дело, что театры я не так чтобы очень любил, впрочем, музеи любил еще меньше. А когда начинался сезон, то все театры, конечно, отставлялись побоку, и я при любом удобном случае бежал на рыбалку. А они уж в этом случае с Мишкой ходили в свой ТЮЗ и кафе-мороженное.

Сцена 29: Встреча Нины и Андрея.

Сентябрь 1934 года. Нина с сыном на спектакле «Конек-горбунок» в ТЮЗе в старом здании на Моховой.

Мишке 4 года. Заканчивается первое действие. Все хлопают. Антракт.

Мишка (*зачаровано*): Мам, а откуда там музыка?

Нина (*смеется*): снизу у сцены яма есть. Там сидит оркестр – дяди и тети. Они играют.

Мишка: пойдём посмотрим!

Нина: хорошо, только надо торопиться, а то они все уйдут на перерыв.

Мишка бежит к оркестровой яме, Нина

спешит за ним. Подсаживает Мишку, тот с любопытством заглядывает в оркестровую яму. Нина тоже заглядывает и почти лицом к Лицу сталкивается с Андреем, который встал, чтобы уходить на антракт.

Нина: вот где сидит оркестр ...

Андрей: здравствуйте, Нина Алексеевна

Нина (*смущается, долго молчит. наконец выдавливает из себя*):
Здравствуйте ...

Андрей: Вижу, вспомнили меня. (*обращаясь к Мишке*) ой, а кто это у нас такой большой? Как тебя зовут?

Мишка (*тоже сначала смущается, потом собирается с духом и серьёзно отвечает*): Михаил!

Андрей: очень приятно, а меня Андрей!

Мишка (*недоверчиво*): А вы музыкант? Точно?

Андрей: правда. Я на кларнете играю.

Мишка (*не снижая градуса недоверия*): а если вы музыкант, то почему все ушли, а вы остались?

Андрей (*смеется*): Не успел просто. Я дальше всех от выхода сию

Мишка (*торжествующе*): а, может быть, вас туда не пускают просто!?

Андрей: Конечно пускают. Хочешь я тебя проведу после спектакля, покажу что там за кулисами?

Нина: мне кажется это лишнее!

Мишка: Хочу-у-у-у!! Мам, ну, пошли, сходим. Ну, маааам ...

Андрей: В самом деле, Нина Алексеевна, приходите. Там у нас интересно. Можно посмотреть машину для сцены и кукол. Сразу после окончания подходите сюда, я вас проведу.

Нина: ну что вы ...

Мишка: Мы обязательно придём. Правда, мам?

Звонит звонок, Нина и Мишка отправляются на свои места.

Потом следуют кадры, как Андрей водит Мишку и Нину по театру, Мишка бегает и везде лазает, Нина и Андрей идут, разговаривают. О чем – не слышно, но видно, что Нине приятно внимание Андрея. Рефреном звучит голос Николая в старости

ГНС: В тот раз они задержались из театра больше чем на час. Я естественно волновался, но оказалось, что Мишку водили за кулисы. Он был в восторге и весь вечер потом захлеб рассказывал о том, что увидел. Нина наоборот неохотно поведала мне про Андрея, в основном, понятное дело, по причине того, что он сидел в СЛОНе.

Кадры дома у Николая и Нины. Они сидят за столом заканчивают ужин. Мишка носится вокруг, лазает под столом успевая при этом рассказывать о том, что видел в театре.

Нина: Коль, ну на самом деле – что в этом такого. Он же не беглый, не бандит какой.

Николай: да это понятно. Плохо то, что он как ты говоришь почти родственник. Друг брата. Значит, в случае чего могут и к тебе вопросы возникнуть. К нам, то есть.

Нина мрачно молчит. Небольшая пауза.

Мишка (*весело кричит из-под стола*): пап, а мне там еще дали поносить шлем пожарного!

Нина: Да, ему по грудь он пришелся ... Ты думаешь всё так серьезно?

Николай: пока нет. Но мне кажется: что-то нехорошее наверху назревает. Тут вчера в управление ездил – все какие-то нервные, что-то шепчутся. Они то в принципе всегда там с выпученными глазами бегают, будто только что Зимний взяли, но тут что-то особое. Объяснить не могу. Одним словом, чуйка¹ у меня беспокойная на этот счет.

Нина: Ох уж чуйка это твоя. Так как нам быть?

Мишка (*все еще возится под столом*): пап, а я стих выучил. Вот послушай (*читает быстро и монотонно*):

Идёт бычок, качается, Вдыхает на ходу: — Ох, доска кончается, Сейчас я упаду!

Николай: (*улыбается*): ну что же ты его под столом читаешь? Выходи на табуретку, будь мужчиной! ... Вот что Нинка, как в следующий раз пойдете с Мишкой в театр, пригласи-ка ты своего этого музыканта к нам в выходные. Чаю попьем, поговорим. На рыбалку ходим. Он вообще рыболов?

Нина: я даже не знаю. Наверное, нет.

Николай: самое главное о человеке и не знаешь! Я вам бабам поражаюсь иногда. Главное чтобы брюнет и голос красивый. Эх

Нина (*смеется*): почему сразу брюнет? Вовсе необязательно. А ты со своей рыбалкой с ума совсем сошел. Ну что она тебе о человеке скажет?

Николай (*довольный, что разговор свернул на любимую тему*): вот не устаю я удивляться, какие же некоторые люди бывают непонятливые! Да на рыбалке человек как на ладони. Порыбачь с ним пару раз, да послушай, что он потом про это в компании порасскажет и весь характер налицо. Все сильные и слабые стороны. Все изъяны. Врет или не врет, болтает или не болтает, о чем думает. Шпиона на рыбалке можно вычислить, если он конечно не слишком матерый!

Нина (*смеется, но не слишком весело*): хорошо, Коль, приглашу. Только ты его не очень то ... а то я тебя знаю – проснется в тебе оперативник опять.

Мишка (*кряхтя, вылезает из под стола*): а я не хочу на рыбалку! Я хочу с дядей Женей и Викой на лошадаках, как в прошлый раз.

Николай: хорошо, Мишань, я спрошу. Если дядя Женя соберется, тебя определим с ними. (*Нине*) Не переживай, жена. Я людям зла без причины не делаю.

Нина (*вздыхает*): что-то ты меня тоже заразил. Непокойно на душе как-то стало. Только не понятно отчего. Мишка, пошли зубы чистить и спать

Уводит сына.

Сцена 30: Снова рыбалка. Николай и Андрей.

Николай и Андрей на рыбалке на прудах в Петергофе. Николай удит рыбу, Андрей стоит поодаль смотрит. Они о чем-то говорят. Рефреном звучит голос Николая в старости.

ГНС: Клевало в тот день так себе. К тому же Андрей оказался вовсе не рыболов и вежливо скучал. Правда, после того, как я перешел к сути дела, всю скуку как рукой сняло.

Николай: А тебя когда посадили?

Андрей: в 1923 году. На фоне борьбы с контрреволюционными элементами.

Николай: ну понятно. Мы с Ниной на два года позже познакомились.

Андрей: вы её тоже арестовывать пришли?

Николай (*помедлив*): нет, ну зачем. Разнарядка, конечно, была, но не до такой же степени. Но надо заметить, все познается в сравнении. Сейчас ситуация гораздо хуже. Всем кого забрали, начиная с 1929 года, дают гораздо большие срока, и кроме того – то, что делается сейчас в ГУЛАГе ... СЛОН курортом покажется. Даже с учетом вечно пьяных Ногтева и Эйхманса, а также фокусов Бокия.

Андрей: каких фокусов?

Николай: разных. Помнишь китайца, второй баней заведовал?

Андрей: помню, зарезали его. Говорили еще, что начальник ИСО Борисов распорядился.

Николай (*усмехается*): эх, сколько не мутили, не скрывали, а все равно все всё знают. Конспираторы! Дело только в том, что Борисов не сам распорядился. Ему из Москвы пришло указания от самого Бокия: убить китайца но так чтобы никто не знал.

Андрей удивленно поднимает брови.

Николай: вот и я, Андрюш, о том же. Где Бокий, а где китаец? Завбаней, который и сидит то неизвестно за что, и русский язык то кое-как выучил только в лагере. Нет, я, конечно, китайцев не так чтобы сильно люблю – они у нас на Тамбовщине в гражданскую покуражились знатно: не дай бог никому такое пережить. Но то были стрелки, а этот – ну никак он не причастен ни к чему. Мирный человек, на КВЖД работал. Ну понятно, вместе со всеми с КВЖД взяли его. Но все равно – ну глупость убивать зав. баней, тем более что парил он исключительно хорошо. И занимается этим (заметь!) – целый член коллегии ОГПУ, начальник спецотдела Глеб Бокий. Бред, понимаешь! И это еще на самый вопиющий случай.

Андрей: а вы откуда знаете про Бокия?

Николай: Борисов у меня спирт занимал – надо было исполнителя премировать. Свой то, он по обыкновению вылакал в первую неделю, а у меня осталась заначка. Он и записку показывал. Я к чему все это тебе говорю: с таким начальством легкой жизни не предвидится никому. И дальше будет только хуже. И ты, как отсидевший, да еще и по «казру» – первый на кого обратят внимание в случае чего. Просто сейчас все внимание на инженеров, строителей, технарей

словом. Но как только достроят основные объекты – опять возьмутся за вас.

Андрей: зачем вы мне все это рассказываете, Николай?

Николай: потерпи, сейчас поймешь. Я знаю примерно, что ты скажешь – я ни в чем не виноват. Хорошо, а был ли ты виноват, когда тебя первый раз сажали? За белых воевал, за Махно?

Андрей: нет, я после первой мировой не воевал вообще. Нагнулся в окопах, не хотелось больше.

Николай: ну вот видишь! Ты не пор большому счету не враг революции. Не был ни с Деникиным, ни с Врангелем, а тебя посадили. А я тебе больше скажу – сейчас начали потихоньку сажать всех, кто перешел на сторону красных и в принципе честно служил все эти годы. Вернее началось это гораздо раньше. Я бы сказал, что первой ласточкой в 1929 году, был Слащев, которого правда застрелили².

Андрей: ну тогда можно сказать, что первой ласточкой был Котовский или Фрунзе ...

Николай (*меняя тон на жесткий*): а вот об этом, Андрей Борисович, я вам категорически не советую нигде даже и заикаться. Потому что это как раз будет форменная контрреволюционная деятельность. Заявляю вам это вполне официально.

Андрей: я вас понял, Николай Петрович.

Николай (*смягчаясь*): так-то лучше! Продолжим тем не менее. Нас должна волновать, прежде всего, наша собственная судьба, а не Котовского. Я не буду скрывать – мне как работнику НКВД не забраняется иметь контакты с каэром, пусть и перековавшимся. Но на это все же косо смотрят, особенно если я принимаю его дома и имею неслужебные взаимоотношения.

Андрей: Вы хотите сказать, что для меня двери вашего дома закрыты? Зачем же вы тогда меня пригласили?

Николай: подожди ... клюет ...

Николай вскакивает, подсекает, вытаскивает рыбу

(*разочаровано*) Тьфу, опять мелочь. Сегодня что-то не очень денек. Так вот: ничего такого про закрытые двери я не говорил. Я просто к тому, что если тебя завтра арестуют, то это не обрадует ни тебя, ни меня. Верно ведь?

Андрей (*горько усмехается*): разумеется.

Николай: ну вот. Поэтому чтобы этого не произошло – надо предпринять определенные меры.

Андрей (*удивленно*): какие меры?

Николай: я тут подумал: а что если завербовать тебя? Если ты агент, то тебя никто не тронет, поскольку ты работаешь на органы.

Андрей (*дав волю прорывающемуся гневу и презрению*): вы мне предлагаете стать стукачом! Хочу вас уведомить, что в лагере я на это не пошел!

Николай (*спокойно и чуть насмешливо*): ой, вот только не надо изображать лицом дворянина. Я тебе в двух словах расскажу, что такое есть агентура НКВД и парадоксы планирования. Начинается с того, что в Москве всякие фантазеры пишут ежегодно, что нам, в данном случае в Ленинграде, надлежит завербовать столько-то агентов и посадить столько-то несознательных элементов. Все бы ничего, но чем они там руководствуются при определении этих цифр, я даже предположить не могу. На мой взгляд, по части каэров все опасные, потенциально опасные, а также вполне безопасные уже сидят. Но план есть план, и он каждый год хоть немного да растет. Так или иначе, партия во главе с товарищем Сталиным знает что делает (*Андрей при этих словах иронично улыбается, но Николай. в свою очередь, смотрит на Андрея, и начинает говорить со стальными нотками в голосе делая при этом серьезное лицо, как в случае с Фрунзе.*). Повторяю – дело партии приказать, а наше дело исполнять. Мы и исполняем. (*смягчая тон, переходя на более нейтральный*). По факту, конечно, иногда получается глупость: примерно четверть завербованной агентуры вообще не пишет никаких донесений, а еще примерно половина – пишут доносы друг на друга в целях что-нибудь выгадать: начальника с должности снять, соседа по коммуналке уплотнить и на освободившуюся площадь въехать, ну и так далее. Но в данном случае нам это на руку. Мы обставим дело так, что ты работал со мною еще в СЛОНе – теперь это уже никто не проверит никогда, закрыли Соловки в том году. Работал добровольно по убеждениям. Это важно. И сейчас мы с тобой встретились, и ты согласился возобновить сотрудничество.

Андрей (*приглушенно, но твердо*): я не буду писать доносы. Не сумею.

Николай (*усмехаясь*): научу. Замечу: правильно написанный донос еще никому не повредил. Все на самом деле просто: ты, к при-

меру, находишь в оркестре у себя или среди соседей одинокого с неважным здоровьем человека. Есть у вас такие, кто помирать собрался уже.

Андрей: ну есть ... скрипач. Один живет. Врачи сказали, что сделать ничего не могут счет идет на недели.

Николай: ну вот и отлично. Как только он окончательно сляжет, но ещё не умрет, пишешь что угодно – что он сочувствовал, что у него собирались подозрительные люди, что в разговорах с тобой он упоминал тех, с кем ты сидел в лагере – опять же приведи пример тех, кто уже загиб. Пока донос рассмотрят, пока что глядишь он уже и умер. Но тебе плюс поставят. Я со своей стороны найду, кому тебя поручить, чтобы опер был не слишком старательный, и не слишком тупой одновременно. Есть у меня на примете один – товарищ Мордюков. В служебном рвении не замечен и, если я ничего не путаю, курирует как раз культурные объекты. Я с ним поговорю. Заодно проверим, не является ли твой скрипач агентом и ещё не писал ли на тебя кто-нибудь доносов.

Андрей (*удивленно*): на меня?

Николай: а ты думал! У вас в оркестре минимум 3-4 стукача должно быть. Просто если меньше, то значит это недоработка ответственного и ему пиздюлей в форме служебного взыскания должны выписать. Я думаю что, учитывая твоё прошлое, на тебя в основном все и писали.

Андрей ошарашено молчит

Да ладно-ладно, не переживай. Если захочешь, потом тебе их почитать дадут. Много нового для себя откроешь. А так - живи спокойно, работай. Но пописывать не забывай. Только не переусердствуй, чтобы дело не вышло слишком громким, а то отдадут высокому начальству и будут разбираться по существу. И часто не пиши – ну 1-2 раза в год. Чтобы не вызывать подозрений. Специально тобой никто интересоваться не будет, но как говорится береженого ...

Андрей: это невозможно.

Николай: да с чего ты взял?! Очень даже возможно. Пойми, я же добра тебе желаю, в воду толкаю, а ты на берег лезешь. Мы живем в сложное время ...

Андрей (*с сарказмом*): но интересное ..

Николай (*с досадой*): да будет уже острить ... Факт в том, что ты

сейчас под угрозой, а я хочу тебе помочь

Андрей: зачем?

Николай: правильный вопрос. Отвечаю: во-первых, у меня есть служебный интерес. Мне нужно восстанавливать свои позиции – надоело тут за лошадаками смотреть, хочется настоящей работы. А во-вторых, у Нинки мать месяц назад умерла. Последний родной человек. Осталось только здесь в Ленинграде одна троюродная тетка, но она противная, потому мы с ней не общаемся. Так что ты фактически единственный ... ну скажем так почти родственник. Нинку надо поддержать, одним словом. Я её очень хорошо понимаю: у меня самого всю семью вырезали антоновцы, никого вообще не осталось.

Андрей: сочувствую.

Николай: ну тут уж как говорится, сделано - не воротишь. Так что давай, Андрей Борисович, отбрось сомнения и начинаем работать. Само собой, болтать об этом не нужно, дело серьезное.

Камера дает общий план озера, затем он сменяется кадрами комнаты в доме Николая и Нины. Николай, Нина и Андрей сидят за столом, ужинают и оживленно болтают. О чем говорят не слышно, но у всех как будто бы хорошее настроение. Камера дает средний, а потом крупный план Нины. Она – само очарование. Андрей смотрит на Нину с любовью, но к ней примешивается страх, оставшийся от разговора с Николаем. Рефреном звучит голос Николая в старости.

ГНС: Андрей, разумеется, в конце концов дал согласие. Немалую роль в этом сыграл и тот факт, что у Мордюкова на него действительно было два доноса от сослуживцев по оркестру, которых он считал если не друзьями, то, как минимум, приличными людьми. Как только я дал ему них прочитать, дело пошло живее. Да и в отношении умирающего скрипача все сошло нормально. Мордюков после даже поставил мне поллитра в благодарность за помощь. Но в той истории с Андреем я допустил одну важную ошибку, о которой узнал много лет спустя и которую не могу простить себе до сих пор. Я неправильно оценил его мотивы. Мне казалось, что он боится за свою жизнь, а выяснилось, что ему нужна была не столько жизнь, сколько Нина. Но тогда я этого, к сожалению, не углядел.

Сцена 31: Убийство Кирова.

Николай гуляет по Петергофу. Стоит и смотрит на панораму,

размышляет.

*Потом идет вдоль берега, вид вот такой
Рефреном звучит голос Николая в старости.*

ГНС: Вообще вторая половина тридцатых годов была очень противоречивым временем. При всех ужасах, которые тогда происходили, в обыкновенной жизни ощущения были преимущественно светлые и праздничные. На улицах люди улыбались, смеялись. По-

сле страшного голода начала 1930-х, который загнул не только деревню, но и (пусть в значительно меньшей степени) большие города, ситуация начала выправляться и люди искренне радовались этому.

Много позже, уже в 1980-е годы, мне один психолог рассказывал, что таким образом люди старались стабилизировать психику. То есть если в реальности имеет место ужас и страх, то человек инстинктивно тянется к чему-то светлому и умиротворяющему. Оттого и фантастическая популярность фильмов Александрова, и на самом деле неподдельно счастливые лица, которые тогда можно было видеть на фотографиях, да и просто на улице. Людям хотелось радоваться и они это делали. Несмотря на то, что, особенно в годы большого террора по ночам тряслись от страха, утром они просыпались и улыбались.

Так мне сказал психолог, который, к слову, сам «большого террора» не застал, но человек был вроде бы неглупый. И, наверное, какая-то доля правды в его словах была. Но мне кажется, что очень небольшая. Если ты пережил сам это время, то восприятие, разумеется, совершенно иное.

Сегодня я объясняю себе это таким образом: осознавая 30-е годы, нельзя забывать о том, что им предшествовало. До этого были 15 лет полностью перевернувшие сознание людей. Война империалистическая плавно перетекла в гражданскую, попутно свирепствовала тиф и голод, от которых умерло едва ли не столько же, сколько погибло на фронтах. Человеческая жизнь в итоге стала цениться очень низко, а кроме того, те, кто выжил и преуспел в ходе революции, были, безусловно, самые удачливые, сильные и изворотливые и самые жестокие. И порядок, созданный ими, воспитывал таких же.

С 60-х годов борьба за власть и вообще место под солнцем происходит в более или менее гуманной форме, но тогда люди не вполне забывшие гражданскую войну друг с другом не церемонились. В период голода и за четвертинку хлеба могли запросто убить. Людей ели - сам в Тамбове ловил таких деятелей. А потом голод прошел, но скверные привычки у многих сохранились. И потому написать донос на сослуживца от какой-то мелкой обиды или на соседа по коммуналке, зная, что его расстреляют или надолго посадят – это получалось как-то само собой. Оттого и такой размах приобрели доносы. Вот собственно в чем суть «большого террора», его массовости

и бессмысленной жестокости. Но глупо было бы отрицать, что спусковым крючком к террору стали именно изменения в органах и не в лучшую сторону. Собственно говоря, произошло то, что всегда рано или поздно случается в любом коллективе: смена поколений. Молодые стали теснить «стариков», которые к тому же ещё перессорились между собой из-за власти. До середины 1930-х годов, пока органами руководил Менжинский, в силе были заслуженные чекисты, которых так или иначе выдвигал Дзержинский, и которые делали вместе с ним революцию. При этом, они были прежде всего коммунисты, а потом уже работники НКВД. Но постепенно на первый план выходили те, кто не застал революции и был предан лично Сталину, а не партии. У заслуженных чекистов Сталин, к слову сказать, тоже пользовался авторитетом, но все же не настолько огромным и не столь абсолютным, как у тех, кто о революционных событиях знал лишь понаслышке. Многие «старика» хорошо помнили о его реальных «успехах» и в обороне Царицына и в советско-польской войне, да и завещание Ленина для многих было не пустой звук. Помнили они и Троцкого, который, к слову сказать, потому и был выслан в 1929 году за границу, а не расстрелян, что пользовался огромной популярностью в партии.

Словом политические интересы Сталина полностью совпадали с интересами значительной части руководства НКВД. Сталину нужно было ликвидировать сто или двести своих противников в руководстве партии, Ягоде и его людям – может быть пятьсот или тысячу человек в руководстве и оперативном составе органов. Но суть в том, что в результате они запустили маховик террора, который в результате охватил миллионы людей по всей стране, большинство из которых никакой угрозы ни для Сталина, ни для кого либо вообще, не представляли. Но, по-моему, здесь вряд ли что-то можно было остановить или предотвратить.

Я уже, будучи на пенсии, наткнулся на одну цитату, приписываемую Чингиз-хану:

Стоп-кадр портрет Чингиз-хана, идет цитата

«Глядя на лошадиные морды и лица людей, на безбрежный живой поток, поднятый моей волей и мчащийся в никуда по багровой закатной степи,

я часто думаю: где я в этом потоке?» (Чингиз-Хан)

Далее кадры – Николай в старости едет в машине домой с прогулки.

ГНС: поток – это наиболее точное слово. Вся страна тогда оказалась в потоке, который многие может быть и хотели бы остановить, но не могли. А началось это с убийства Кирова.

*Далее кадры – кадры выступления Кирова на 18 съезде партии.
<http://dev.newstube.ru/media/ubijstvo-kirova-xronika-ch-b-krupskaya-na-18-m-s>” ezde-partii-s-m-kirov*

ГНС: Киров был порядочным человеком, и его все очень любили. Что собственно его и сгубило. Он был всецело предан партии и практически не имел врагов. Во всяком случае, к нему с одинаковым уважением относились Сталин, Бухарин, Зиновьев, Микоян. Более того, когда на 17 съезде партии Киров был единогласно избран тайным голосованием в члены ЦК. Сталин же прошел далеко не единогласно. Среди чекистов тогда ходили слухи, что против Сталина голосовали не 11 человек, как было объявлено официально, а гораздо больше, но сколько точно — никто не знал; называли приблизительную цифру — около 200. Тогда же группа делегатов обратилась к Кирову с предложением дать согласие на избрание его Генеральным секретарем. Киров категорически отверг это предложение делегатов, сказав, что *«в тот момент, когда страна только что начала успокаиваться и работать в полную силу, нельзя затевать смену партруководства»*. Одновременно он взял на себя миссию переговорить со Сталиным и высказать ему недовольство многих делегатов и, в частности, свое о его неправильном поведении: игнорировании коллегиальности в решении важнейших вопросов вопреки ленинским принципам и т.п. Вечером в день закрытия 17 съезда этот разговор Кирова со Сталиным как будто состоялся, но подробности не известны.

Псевдо исторические кадры – Николаев стреляет в Кирова. Фото Николаева (с женой Мильдой Драуле)

ГНС: Это было в январе 1934 года,

а в начале следующей зимы 1 декабря 1934 года в Смольном Киров был убит инструктором историко-партийной комиссии Института истории ВКП(б) Л. В. Николаевым. Это событие было впоследствии мифологизировано и настолько, что дальше и ехать некуда. Но если все же рассуждать профессионально, нельзя не отметить ряд крайне следующие обстоятельства.

Далее следуют псевдо исторические кадры, иллюстрирующие слова Николая.

Эпизод 1: Николаева задерживают в Смольном, но отпускают.

ГНС: Николаев, за несколько дней до убийства был задержан в Смольном с оружием и доставлен в управление НКВД (по одной версии, даже не один раз). Сам факт его задержания говорит о том, что его поведение в Смольном кому-то показалось подозрительным. Тем не менее, через несколько часов он был освобожден, и ему вернули оружие, из которого вскоре был убит Киров. Кроме того, в тот сектор Смольного, где произошло убийство (подъезд, которым пользовался Киров) по идее даже я, сотрудник НКВД, не задействованный в охране Кирова, по инструкции попасть не мог. А Николаева как-то пропустили.

Эпизод 2: убийство начальника охраны Кирова в открытой грузовой машине.

ГНС: Более чем странной была гибель старшего по охране Кирова, которого почему-то везли в Смольный на допрос в открытой грузовой машине. С автомашиной произошла авария, во время которой шофер и сопровождающие остались живы, а погиб только начальник личной охраны Кирова.

Эпизод 3: женщина пытается попасть на приём к председателю исполкома Леноблсовета Струпе в Смольном. Разговаривает с секретарем и уходит.

ГНС: Были и косвенные свидетельства, правда, не вполне надежного свойства. Примерно за месяц до убийства Кирова некто Волкова, штатный осведомитель НКВД пыталась попасть на приём к председателю исполкома Леноблсовета Струппе. Поскольку тот отсутствовал, она сообщила его секретарю, что недавно во время пребывания в доме отдыха НКВД она слышала разговоры пьяных чекистов о подготовке убийства Кирова. После возвращения из командировки Струппе пытался найти Волкову, но оказалось, что она

помещена в психиатрическую больницу. После убийства Кирова секретарь Струппе через Ежова передал эту информацию Сталину, от которого последовало распоряжение немедленно привезти Волкову в Смольный. Там с ней беседовали все члены правительственной комиссии. После этой беседы Волковой была предоставлена отдельная меблированная квартира, ей многократно выделялись денежные пособия и бесплатные путёвки в санатории и дома отдыха. Несмотря на очевидные нестыковки (причем тут облсовет) и в особенности психиатрическую клинику, в которую Волкову якобы поместили злобные сотрудники НКВД (почему не ликвидировали?), эта история вполне укладывалась в общую канву событий.

Эпизод 4: Медведь допрашивает начальника охраны Кирова.

ГНС: для меня основным аргументом в пользу спланированного убийства Кирова является мнение Медведя. При том, что наши отношения были весьма прохладными, его высочайший профессионализм сомнению не подвергался никогда и никем. Медведь после убийства еще несколько часов оставался начальником УНКВД, и имел возможность допросить начальника охраны Кирова, а также ряд других сотрудников УНКВД. А в начале шестидесятых годов я услышал от его родственника Дмитрия Борисовича Сорокина, в семье которого Филипп Демьянович встречал грустный для него 1935 год, что, оставшись после ужина вдвоем со своим родственником, Медведь сказал: «Если останешься жив, запомни: идейный вдохновитель убийства — Сталин, а исполнители — Ягода и Запорожец».

Портрет Запорожца

ГНС: Запорожец (настоящая фамилия — Гаркавы) был замом Медведя, которого назначили в 1932 году по настоянию Ягоды и который имел со своим начальником, мягко говоря, непростые отношения: по общему мнению, он должен был войти в курс дел и вскоре заменить Медведя. Однако в итоге получилось так, что после убийства Кирова заменили все руководство ленинградского НКВД сразу, и совсем не таким образом, как того ожидали.

Псевдоисторические кадры суда над Медведем.

ГНС: 2 декабря 1934 года по НКВД СССР был выпущен приказ о снятии с работы и отдаче под суд за допущенную халатность (в части организации личной охраны Кирова) начальника УНКВД Ленинградской области Ф.Д. Медведя. А уже 24 января 1935 года был проведен процесс Ленинградских чекистов. Медведя и его заместителей судила Военная коллегия Верховного суда — в здании НКВД, чуть ли не при закрытых дверях. Медведь и Фомин были осуждены каждый на три года, а Запорожец — на 10 лет.

Псевдоисторические кадры - разговор Медведя со Сталиным.

ГНС: Но процесс – это все же была формальность. Настоящий суд над Медведем вершил безусловно Сталин. В этой связи сохранилась история, достоверность которой проверить не представляется возможным, но она сама по себе крайне примечательна. Медведь в ожидании приговора содержался в Москве под домашним арестом. Говорят, что Сталин неожиданно вызвал его к себе и спросил: как следует поступить с ним? То есть с Медведем, который, дескать, не доглядел и допустил убийство Кирова. Вместо ответа Медведь показал на висевшей в кабинете карте на Колыму, как бы приговаривая себя к ссылке, и Сталина вполне устроил этот самоприговор. В ссылку на Колыму Ф. Д. Медведь уезжал с несколькими осужденными так же, как и он, на высылку работниками ГПУ-НКВД, в отдельном вагоне. На вокзале их провожала группа чекистов. На Колыме Медведь работал до 1937 года начальником одного из отделов управления лагерями.

А в 1937 году Медведя привезли в Москву, якобы на пересмотр дела, и расстреляли³.

Кадры: портрет Заковского.

ГНС: после убийства Кирова начальником Ленинградского УНКВД был назначен Леонид Заковский, который имел вполне устоявшуюся репутацию.

21 Приводится по источнику - <http://www.urantia-s.com/library/shreider/nkvd/2>

цию героя революции, и вместе с тем карьериста. Но именно с его назначением в моей личной карьере начались активные перемены. Впрочем, перемены начались во всей стране и такие что о них еще долго будут помнить.

Сцена 32: Снова Латыш.

Николай идет по коридору «Большого дома» (управления НКВД) на Литейном 4. Его окликают Латыш.

Латыш: Коля!! Здравствуй!

Николай: Янис Францевич, какими судьбами!!

Они горячо здороваются, обнимаются, проходят в кабинет Латыша. Рефреном звучит голос Николая в старости.

ГНС: совершенно неожиданно прямо в канун нового 1935 года я встретил в коридоре Управления старого знакомого по Тамбову – Латыша. Он, оказывается, прибыл вместе с Заковским и был назначен исполняющим обязанности начальника секретно-оперативного управления. Мы обнялись как старые друзья.

Николай и Латыш в кабинете

Латыш: Ну, рассказывай, как ты?

Николай: да в общем неплохо, но к оперативной работе не особо допускают. Конюшней заведу в Петергофе.

Латыш (*возмущенно*): как это не допускают?! Ты же прекрасный опер. Я же помню твою работу в Тамбове!

Николай: ну начальству виднее. Я не привык себя выпячивать – надо с лошадьми, значит надо. Но (*доверительно*) ... между нами говоря, тут атмосфера много сложнее, чем у нас была. Нет товарищеского духа, взаимовыручки.

Латыш: Знаю, вижу. (*значительно*) Мы тут порядок постепенно наведем. И людей как раз не хватает. Ты вот что – не вешай нос, и из города никуда не уезжай на этой неделе. Я о тебе поговорю с товарищами Заковским, представлю. Такой ценный кадр мариновать непозволительно. Тебе сколько лет то уже? Тридцать? А только лейтенант ГБ⁴ *Николай разводит руками – мол что тут сделаешь!*

Латыш: ну ничего, ничего. Сейчас работы будет много, очень

22 Звания в НКВД на 2 ступени выше соответствующего армейского звания. То есть лейтенант ГБ соответствует званию капитана в армии, старший лейтенант ГБ - майору, капитан ГБ – подполковнику и т.д.

много. И честные коммунисты очень будут востребованы. Уж капитана обещать не могу, но будешь хорошо работать – старшего лейтенанта получишь точно.

Николай: доверие оправдаю. Тут много надо чего поправить, на мой взгляд.

Латыш: ну вот и отлично! Жди вызова тогда.

Николай: Слушаюсь! (*меняя тон на неофициальный*) Там о Федорыче нашем ничего не слышно? Как он?

Латыш (*усмехается*): В Петрозаводске Федорыч. Он как стал в 1929 году замом по милиции, так и гоняет карманников и бандитов. Перевелся из Тамбова пару лет назад. Я недавно с ним говорил, предлагал сюда перебраться. Но отказался: шумно у вас говорит, старый стал, не хочу.

Несколько дней спустя Николай и Латыш в кабинете у Заковского. Заковский некоторое время беседует с Николаем, потом они жмут друг другу руки, Николай выходит. Рефреном звучит голос Николая в старости

ГНС: В 1938 году, когда Заковского расстреляли, многие поспешили облить его грязью, обозвать карьеристом и разложившейся сволочью. На 90% это были те, кто еще неделю назад угодливо ему улыбался. При этом как то все быстро забыли о том, что именно Заковский стоял у истоков ВЧК, был соратником Дзержинского и Петерса. Он участвовал в самых опасных операциях, в которых совершил много действительных (а не мнимых как Ягода или Берия) подвигов. Хрестоматийный случай: арест в 1918 году в Казани террористической группы «савинковцев», когда вдвоем они сумели арестовать более 10 человек. Таким образом, на момент своего назначения Заковский в плане заслуг мало чем отличался от того же Медведя. Но он был в полном смысле слова стрелок. Аналитической работы вести не умел, да и не хотел, а также с моральной точки зрения был вовсе не безупречен. Поэтому он также легко как в 1918 году отпускал нарушителей арестованных «под честное слово» (мало кто помнит, но такая практика на первых порах была в ВЧК), в 1935-1938 годах отправлял ни в чем не повинных людей на расстрел целыми семьями, включая малолетних детей. Для него не было правых и виноватых, возможно не было даже людей как таковых – это была очередная мишень. Он был не мозг, а орудие, послушное Хозя-

ину. Оставалось только нажать на курок.

Псевдоисторические кадры: сотрудники НКВД арестовывают партийных работников.

ГНС: «Выстрелы» не заставил себя долго ждать. Сразу же после убийства Кирова по всем крайкомам и обкомам партии была разослана специальная директива за подписью Сталина: «О необходимости усилить борьбу с правотроцкистами, являющимися шпионами и агентами иностранных разведок, совершившими злодейское убийство товарища Кирова». Такая же директива поступила от Ягоды, адресованная во все республиканские краевые и областные управления НКВД. Директивы предписывали выявлять и вычищать партийные организации и сов. учреждения от «троцкистов» и «зиновьевцев». Увольнять с работы, высылать, арестовывать. Чем больше, тем лучше. Доказательная база никого особо не волновала. Поначалу далеко не все начальники УНКВД на местах пошли по пути «раздувания», а позднее — прямой фальсификации дел на так называемых «троцкистов-террористов». Среди руководящих работников НКВД (до прихода к власти Ежова) было еще много старых чекистов, которые если и не саботировали усиление борьбы с липовыми троцкистами-террористами, то, во всяком случае, не проявляли в этом деле никакого энтузиазма. Но Заковский проявлял, потому что ему надо было решать свои карьерные задачи. Доходило до абсурда: многие люди были арестованы, высланы или расстреляны только за то, что имели несчастье быть однофамильцами убийцы Кирова Николаева.

Псевдоисторические кадры: сотрудники НКВД арестовывают бывших дворян.

ГНС: Разумеется, одними троцкистами дело не ограничилось. В начале 1935 года была проведена операция по выселению «бывших людей»: бывших дворян, фабрикантов, помещиков, офицеров, священников, в ходе которой с конца февраля по середину июня 1935 года было «изъято из г. Ленинграда и осуждено особым совещанием НКВД» около 24 тысяч человек. В основном они подлежали выселению, но были и аресты и расстрелы. В общем, как и

обещал Латыш, работы привалило много. Правда, не могу сказать, что шить липовые дела – занятие слишком уж приятное. Я таки сделался «липачом». Небольшим утешением могло служить только то, что занимался я все-таки дворянами, а не товарищами по партии и органам. Как говорится, с чистым сердцем.

Сцена 33: Андрей пишет доносы.

Март 1935 года. Николай сидит в кабинете. Вводят Андрея

Николай: (*развязано*) А-а-а. Доставили. Прекрасно. (*конвойный уходит, Николай меняет тон на нормальный*) Здравствуйте Андрей Борисович!

Андрей: Здравствуйте Николай Петрович. Что у вас тут происходит? Почему меня доставили под конвоем? Я в чем-то обвиняюсь? Я же вроде бы ваш агент.

Николай (*усмехаясь*): верно-верно. Хорошо, что вы тоже об этом помните. А знаете - ведь всё вышло, как я говорил. Вот полюбуитесь (*достаёт приказ*). Но, разумеется, это сугубо для служебного пользования: я вам его не показывал (*Андрей читает приказ*). Товарищ Заковский настоятельно требует усилить работу по выселению «бывших людей» из города Ленинграда и устанавливает план – в 10 000 человек. Перевыполнение приветствуется, невыполнение влечет за собой служебное взыскание.

Андрей (*заикаясь от волнения*): к-какой-то бред.

Николай (*назидательно*): это не бред, это политика. Слава богу, он по высшей мере плана не поставил, речь пока идет только о выселении.

Андрей: вы хотите меня выселить?

Николай (*переходит на фамильярный тон*): если бы я хотел тебя выселить или посадить, ты бы уже сидел, то есть ехал бы в столыпинском вагоне. Сейчас времена такие, что доказывать вину стало совсем не обязательно. Но я смотрю на перспективу. Завтра может все поменяться и то, за что сегодня повышают по службе, станет отягчающим обстоятельством. Поэтому нам надо подстраховаться. Для этого ты мне и нужен.

Андрей: я не понимаю.

Николай: все просто (*достаёт другую бумагу*): вот список тех, кого уже осудили или планируется осудить особым совещанием по

линии «бывших». Тут мало кому дали «вышку», в основном не активные контрреволюционеры, а сочувствующие. У них небольшие срока, и через пять лет большинство сможет освободиться. По линии моего отдела проходит около 400 человек. Но я решил подстраховаться: нужна оперативная информация. От каждого агента человек на 20-30. Иными словами - донос

Андрей: о чем?

Николай: ну о том, что в разговорах они сочувствовали контрреволюционерам, ругали советские порядки, ну и всё в таком духе. Мы должны создать доказательную базу: подтвердить документами, что в течении 1933-1934 годов велась непрерывная агентурная работа, и нынешний арест и высылка явились её логичным завершением. В соответствии с директивами партии и руководства Управления НКВД. Ну что-то в этом роде.

Андрей подавленно молчит

Николай (*делает глоток чая, после паузы продолжает*): сочинений писать не надо, короткая оперативная информация: тогда-то слышал от такого-то такое-то. Даты – произвольно. Проверять все равно никто не станет. То есть я напишу в двух протоколах допроса, что проверил, факт подтвердился. Образцы я тебе дам. Написать надо все сегодня, времени мало. Так что располагайся вот за этим столом (*показывает на соседний стол*), товарищ Боборыко все равно сегодня на чистке парторганизации «Кировского завода» от правотроцкистов, вернется только утром. И вперед – с песней (*неприятно улыбается, похоже на хищный оскал*). Да, забыл совсем – троцкистов никаких не припутывай, это отдельная история. Старое доброе сочувствие контрреволюции, не более того.

Андрей: я не могу ...

Николай (*перебивает*): да перестань! А я могу? Я вот дома уже третий день не был – все с делами с этими. Сплю по 3-4 часа. Потому что есть такое слова – НАДО! А тебе что – отработал и свободен.

Андрей: (*еле сдерживая злобу*) а меня когда арестуют? В следующий раз, когда пришлют повышенное плановое задание?!

Николай (*заводясь*): Андрюш, воздержись, а! я понимаю - у всех нервы. Я кстати свое слово держу твердо. Иначе ты бы сейчас уже путь держал как бывший завсегдатай СЛОНа к любимому тобою

Френкелю. На строительство Байкало-Амурской железной дороги. Если по дороге не помрешь, то на месте долго тоже не задержишься. У него люди там живут в среднем по три месяца, надеюсь, помнишь об этом. А ты в тепле в достатке и на свободе. И потом – ты теперь, как и я, тоже часть органов.

Андрей: я помню – вход рубль, выход два.

Николай: если бы два. Устарели твои сведения. Выход теперь стоит столько, что и не скопить вовек. Так что надо эмоции отставить и работать. Чаю тебе сделать?

Андрей (*обреченно*): если возможно.

Николай: ну вот и славно (*насмешливо*) сию минуту (*поднимает трубку, звонит в буфет*): Надюшь, нам бы еще два чая. Будь добра! (*Андрею*) бери тех, кто на второй и третьей странице. И группируй максимум по 3-4 человека. Я к тому, что двадцать рыл в один донос не нужно. Там красным подчеркнуты те, кого расстреляли. Про них пиши побольше и посочнее. Ну, в общем, не маленький сообразишь.

Андрей пошатываясь переходит за соседний стол, обхватывает голову руками. Николай погружается в бумаги, кому-то звонит. Небольшая пауза. Входит буфетчица приносит чай. Рефреном звучит песенка «Крутится вертится шар голубой» из к/ф «Юность максима». Полный текст вот:

*Крутится, вертится шарф голубой,
Крутится, вертится над головой,
Крутится, вертится, хочет упасть –
Кавалер барышню хочет украсть!*

*Где эта улица, где этот дом?
Где эта девица, что я влюблён?
Вот эта улица, вот этот дом,
Вот эта девица, что я влюблён!*

*На все я готов, я во власти твоей,
Умру от тоски, коль не будешь моей!
Любил я, люблю, вечно буду любить.
Зачем же меня понапрасну томить?*

Сцена 34: Андрей приходит к Нине. Любовь.

Следующее утро. Служебная квартира Николая и Нины в Петергофе в двухэтажном доме. Андрей приближается к дому. На нем нет лица. Он всю ночь писал доносы, а под утро напился. Подходит, стучит в дверь.

Рефреном продолжает звучать песенка (окончание):

*В саду под скамейкой записку нашёл:
«Свиданье в двенадцать!» Я в десять пришёл.
Минуты за годы казались мне,
Вдруг шорох раздался в ночной тишине.
Я ночи пройденной забыть не могу,
С тех пор еженощно встречались в саду.
И в вечной любви мы клялися вдвоём,
Луна и скамейка свидетели в том.
Крутится, вертится шарф голубой,
Крутится, вертится над головой,
Крутится, вертится, хочет упасть –
Кавалер барышню хочет украсть!*

Нина: кто здесь?

Андрей: Нина Алексеевна, это я. Откройте!

Нина: Андрей Борисович! Что с вами? Вы здоровы?

Андрей: здоров, просто пьян как зюзя. Можно пройти?

Нина: Конечно.

Андрей проходит в дом. Камера показывает комнату Нины и Николая. Мишка спит в соседней. Андрей сидит на стуле. Нина стоит.

Нина: Андрей, что с вами? Никогда вас таким не видела

Андрей: простите мне мой вид и вторжение. Я просто ... просто не знаю как мне быть. Я был сегодня ночью у Николая ... меня привезли к нему.

Нина: За что? Что вы натворили?

Андрей: за то, что я подлый человек, стукач. Поделом мне.

Нина (*удивленно смотрит на Андрея*): как это может быть?

Андрей (*нервно, сбивчиво*): выслушайте меня. Николай завербовал

меня осенью. Помните тогда мы ходили с ним на рыбалку. В общем, он сказал, что так будет всем безопасней и что я как бывший дворянин

Нина (*с горькой усмешкой*): бывших не бывает.

Андрей: да, он, по-моему, так примерно и сказал. Бывших не бывает. Так вот я как дворянин и вдобавок з/к всегда буду первый кандидат на арест. А вместе со мной и вы, поскольку может всплыть ваше происхождение. Поэтому, сказал он, лучше, если я буду осведомитель. Тогда меня не тронут. И вот вчера меня действительно не тронули. Но я написал доносы на 40 человек. Которых теперь точно вышлют. Хотя их и так бы выслали. Они теперь сажают и выселяют из города всех бывших дворян, священников.

Нина (*сухо*): затеяли очередное людоедство

Андрей: это слово тоже мне пришло в голову. В общем, Николай действительно сдержал слово – я на свободе, но ... как же я его ненавижу. Сильнее только себя.

Нина: Узнаю Колю. Он, разумеется, ничего заранее не знал, а даже, скорее всего, наврал вам просто так. Но у него феноменальное чутье на опасность. Звериное просто. А вы, Андрей Борисович, почему на это согласились?

Андрей: вообще-то из-за вас

Нина удивленно поднимает брови

Андрей: вы сейчас опять будете на меня ругаться, но я вас, правда, очень люблю. Мне не страшно умирать, страшно не увидеть вас. Я думал, что таким образом я смогу чаще вас видеть и не вызывать подозрений.

Нина (*вздыхает, закрывая лицо руками*): Андрей Борисович, вы понимаете, что если он узнает об этом, то убьет и вас и меня. И кроме того, вы придумали редкую глупость – никто агентов на дом раз в неделю не приглашает.

Андрей: ну откуда мне было знать. В СЛОНе например было такое.

Нина (*отнимая руки от лица*): ну в СЛОНе чего только не было. А теперь вы, как и я - его собственность.

Андрей: я не понимаю.

Нина: а чего тут понимать? Вы думаете, я вышла за него замуж по большой любви?!

Андрей: откровенно говоря, да. Я не очень хочу в это верить, но

иного объяснения найти не могу.

Нина (*горько усмехаясь*): вы как маленький, честное слово. Мишка у меня вот такими же глазами смотрит наивными. Но ему 4 года, а вам, наверное, уже 35 или 36

Андрей: тридцать восемь.

Нина: а всё как дети. Правду говорят, что мужчины по уму равны пятилетнему ребенку. Так вот, чтобы было понятно. Коля поставил меня перед выбором – либо я выхожу за него замуж, либо он расстреливает меня и всю мою семью. У них там в очередной раз активно боролись с контрреволюцией. Я естественно выбрала первое. Уже скоро 10 лет как мы вместе, за это время он ни разу не поднял на меня руки. Но у меня нет ни малейшего сомнения в том, что если я попытаюсь от него уйти, или просто дам повод подумать о том, что у меня кто-то есть, кончится это весьма плачевно. «Я вещь» – так, кажется, было у Островского в «Бесприданнице»? Вот я и есть вещь. Его вещь. И вы теперь тоже.

Андрей: я достану револьвер и застрелю его!

Нина: не смейте этого делать! Вам то, зачем погибать?

Андрей: я люблю вас. Я все равно не могу без вас жить.

Нина (*подходит к Андрею*): Андрей Борисович ... Андрюша ... забудьте думать об этом.

(*глядит Андрея по голове. Андрей целует ей руки, вскакивает и начинает обнимать Нину*) Вы что это! Прекратите сейчас же! С ума сошли. (*почти шепотом*) Я закричу! Мишка проснется

Андрей (*радостным шепотом в тон Нине*): ну и не кричите, зачем же его будить? (*целует Нину*)

Нина (все еще *отбиваясь, но больше для виду*): Отпустите меня! Насильник, пьяный еще (*нежно*) ...уголовник ...

Андрей и Нина сползают под стол, где занимаются любовью.

Далее идут кадры: Андрей уходит по дороге, Нина стоит у окна и смотрит ему вслед. Она растрепанная и счастливая. Пока Андрей удаляется, звучит рефреном голос Нины.

Нина: после этого, мы еще встретились целых два месяца. Два месяца, в которые уместилось едва ли не все мое счастье. Мы с Мишкой ехали в город, я оставляла его у тетки и мы шли с Андреем к нему, а потом еще немного гуляли, если погода располагала. Андрюшка был потрясающе нежным. И очень неосторожным. Я жутко боялась, что Коля

будет по своим делам мотаться по городу, и нас увидит. Но в тот момент у него было очень много работы и потому все обошлось. В конце концов, я поняла, что так продолжаться не может и еще то, что забеременела. Я точно знала, что это ребенок Андрюши и потому строго-настро-го запретила ему появляться у нас дома. Кроме того, Коле наконец-то присвоили очередное звание и дали квартиру на набережной Фонтанки. Так что мы уехали из Петергофа и наш роман еще и поэтому прервался. В феврале 1936 года у меня родилась Соня. Разумеется, после рождения ребенка мне было ни до чего, по меньшей мере, год или полтора.

Далее идут кадры: Андрей встречает Нину в театре на том же месте где и в первый раз – по разные стороны бордюра, отделяющего оркестровую яму от зрительного зала. Андрей ничего не говорит Нине, только прикладывает руку к сердцу, а потом палец к губам и быстро исчезает.

Нина: А осенью 1937 года я последний раз видела Андрюшу, когда мы пошли с Мишкой в театр. Он был нервный осунувшийся. Мы не смогли даже перекинуться парой слов – он быстро убежал, видимо чего-то боялся. Потом я через третьи руки узнала, что очень скоро его арестовали (как и многих тогда) и дали 10 лет без права переписки.

Сцена 35: Николай едет домой.

Николай в старости едет на машине из Нижнего парка к себе домой. Водитель на ходу переключает радиостанции, натывается на одну, где поёт БГ, песня «Почему не падает небо». Звучит следующий отрывок:

*Здесь дворы, как колодцы, но нечего пить;
Если хочешь здесь жить, то умерь свою прыть,
Научись то бежать, то слегка тормозить,
Подставляя соседа под вожжи.*

*И когда по ошибке зашел в этот дом
Александр Сергееч с разорванным ртом,
То распяли его, перепутав с Христом,
И узнав об ошибке днем позже...*

Николай (*водителю*): Леш, что это ты такое нашел?

Водитель: Это «Аквариум». группа такая. Борис Гребенщиков. Вам не нравится?

Николай: да, переключи (*ворчливо*) Я конечно не большой знаток, но после Шаляпина и Утесова как то это несерьезно всё выглядит. Уж последние 40 лет так точно. Поищи лучше на новости.

Алексей переключает на новости.

Голос диктора: *по сообщению нашего корреспондента вчера 23 сентября 1993 года в 22.00 в здании Верховного Совета открылся внеочередной (чрезвычайный) X съезд народных депутатов. По распоряжению правительства в здании были отключены телефонная связь и электричество. Участники съезда проголосовали за прекращение полномочий Ельцина и поручили исполнять обязанности президента вице-президенту Александру Руцкому. Съезд назначил основных «силовых министров» - Виктора Баранникова, Владислава Ачалова и Андрея Дунаева.*

Напоминаем, причиной такого решения Верховного совета явилась телевизионное обращение президента Российской Федерации Бориса Ельцина к гражданам России 21 сентября 1993 года, в котором он обнародовал Указ о прекращении полномочий народных депутатов Российской Федерации. Через 30 минут после телевизионного сообщения Ельцина по телевидению выступил председатель Верховного Совета Руслан Хасбулатов. Он квалифицировал действия Ельцина как государственный переворот. Мы следим за развитием событий

Николай: Леш, а что в Управлении говорят?

Водитель: Да они в режиме наблюдения. Обстановка все время меняется, поэтому не высовываются.

Николай: как это говорится-то ... «в связи с постоянно меняющейся оперативной обстановкой я, конечно, имею личное мнение по данному вопросу ...»

Водитель (*смеясь, заканчивает*): «но я с ним не согласен!»

Николай: (*усмехается*) точно так! (*мрачнеет, меняет тон*) а вообще конечно тут плакать в пору.

Тот же день, поздний вечер. Николай в старости сидит в своем доме у камина в кресле. Курит папиросу, думает. Потом немного ходит по комнате. Рефреном – голос Николая в старости.

ГНС: Можно сказать, что мне не повезло: хотя я и прожил долгую жизнь и в трудные времена не раз избежал многих опасностей, но я дожил до разрушения того, что строилось на моих глазах, и ради чего были принесены без преувеличения огромные жертвы. Мои сослуживцы, которые этого не застали, наверное, оказались счастливее меня. Сейчас, когда в стране творится черт знает что, невольно возникает вопрос: когда и что пошло не так? Я много думал об этом и теперь склоняюсь к выводу, что корни нынешних событий притаились именно в конце 30-х годов, в «большом терроре», как его называют сегодня. У террора были вполне понятные причины: Сталину было необходимо заменить всю партийную и чекистскую верхушку, чтобы упрочить свою власть и к слову сказать, дисциплинировать управленцев. Но аукнулось это аж через 50 лет и совершенно неожиданным образом. До поры до времени все было более или менее нормально. Вышколенный аппарат работал как того требовал Хозяин, но беда в том, что Хозяина не стало, а те, кто пришел к власти не обладали самым главным – они не представляли, что делать дальше. Система ждала нового Хозяина, время шло, а он не появлялся. А страх поселившийся в коридорах власти в 30-е годы многим и в 70-е мешал осмысленно действовать. И в результате «отцы-командиры» и сами состарились и впали в маразм, и смену себе нормальную не воспитали. Зато повылазили болтуны и идиоты, которых та же система многие годы невольно воспитывала: инициатива и принципиальность, мягко говоря, не поощрялись, а даже наоборот. Это кроме всего прочего отучало делать что-либо полезное: и в итоге когда власть все же выпала из рук старшего поколения, подхватить её стало просто некому. Поэтому страну сами же вручили американцам. У тех до сих пор глаза от удивления навывкате, но они уже осваиваются – по телевизору начались разговоры о неизбежности краха социализма и о том, что США победили в холодной войне. Ну, что сказать, примерно также они «победили» во второй мировой. Впрочем, мне сегодня уже нет большого дела до американцев – я почти уверено, что они свое ещё получают, просто случится это немного позже. Горько сознавать другое: я, как часть этой системы не выполнил свою задачу. Не смог сберечь, защитить, хотя вроде бы и приложил для этого все усилия. Это действительно поражение, но не в какой-то там «холодной войне», а в деле революции. Это моя вина перед теми, кто честно служил и погиб за её

идеалы, где бы это ни произошло: на войне или в мирное время, которое иногда выдавалось пострашнее влнного. Но, если быть честным до конца, - даже дослужившись до генерала КГБ, шансов кардинально что-то изменить у меня, наверное, не было. Как тут не вспомнить Чингисхана: кто я в этом потоке?! История перемалывала и не таких.

Сцена 36: Ежовщина.

Дет нарезка кадров про Ежова - например, отсюда http://www.youtube.com/watch?v=I4DE_QA6B98, или отсюда http://www.youtube.com/watch?v=MmdRogY_s70.

Рефреном звучит голос Николая в старости

ГНС: Ежов, откровенно говоря, был, как сейчас говорят, идеологическим работником, при этом малообразованным и совершенно не разбиравшимся в специфике работы НКВД. После революции он был политруком, потом занимал посты в партийных органах в Средней Азии, после четырнадцатого съезда партии стал работать в ЦК. То есть человек без профессии, но с огромной энергией.

Стоп-кадр или портрет Ежова: цитата

«Я не знаю более идеального работника, чем Ежов. Вернее не работника, а исполнителя. Поручив ему что-нибудь, можно не проверять и быть уверенным — он всё сделает. У Ежова есть только один, правда, существенный недостаток: он не умеет останавливаться. Иногда существуют такие ситуации, когда невозможно что-то сделать, надо остановиться. Ежов — не останавливается. И иногда приходится следить за ним, чтобы вовремя остановить...» Иван Москвин

Далее – продолжение хроники.

ГНС: Надо сказать, что русский народ данному феномену нашел более емкое определение: *заставь дурака богу молиться, он и лоб расшибет*. Карьерный взлет именно Ежова был во многом стечением обстоятельств, но вместе с тем, логика в этом решении была: Сталину для борьбы за власть нужен был человек безгранично преданный и исполнительный, который дословно исполнял бы все приказы и не

пытался вести собственную политическую игру. Ягода для этой цели не подходил – он хотя и был предан Сталину, но слишком много знал, в том числе о Кирове, и о частной жизни «отца народов», которая, по правде сказать, мало соответствовала создаваемому образу мудрого, бескорыстного и бесконечно нравственного вождя. Кроме того, были и дополнительные обстоятельства: НКВД в 1935 году допустил ряд оперативных промахов, крупнейшим из которых был побег из под ареста комкора Гая-Гая (героя революции, популярного едва ли не больше Чкалова и Буденного), его сильно не любило подавляющее большинство среднего и низшего нач. состава НКВД – словом, все обстоятельства сошлись таким образом, что руководство НКВД надо было менять. Но замену нашли в партии и это, на мой взгляд, было главной ошибкой.

Псевдоисторические кадры: газеты с портретами Ягоды и Ежова,

ГНС: Назначение Ежова наркомом НКВД вместо Ягоды в сентябре 1936 года для многих стало неожиданным. Ягода казалось бы блестяще провел Первый московский процесс, на котором были осуждены Зиновьев и Каменев, но при этом буквально через месяц был переведен на должность народного комиссара связи. На первых порах все было мирно и даже благостно: страницах центральных газет были помещены огромные портреты Ежова и Ягоды и большие статьи, посвященные обоим. Большинство старых чекистов были убеждены в том, что с приходом в НКВД Ежова мы вернемся к традициям Дзержинского, изживем нездоровую атмосферу и карьеристские, разложенческие и липаческие тенденции, насаждаемые в последние годы в органах Ягодой. Но очень скоро выяснилось что вместе с атмосферой планировалось изжить практически всех старых чекистов. Что и было сделано довольно быстро.

Начали с выдвыженцев Ягоды, в марте 1937 года одним из первых крупных работников органов был арестован наркомвнудел Белоруссии Молчанов.

Стоп-кадр: портрет Молчанова и годы жизни:

Молчанов Георгий Андреевич

Рождение: 3 апреля 1897

Арест: 4 марта 1937

Расстрел: 9 октября 1937

Рефреном голос Николая в старости

ГНС: Ему было предъявлено в качестве обвинения отсутствие должной борьбы с троцкистами. На самом же деле основной целью было выпытать у него компрометирующие материалы на Ягоду, в подчинении которого он долгое время работал.

Допросы Молчанова по поручению Ежова вел Владимир Фельдман, который лично избивал Молчанова, пытаясь выбить у него показания о правотроцкистской деятельности Ягоды, работавшего пока ещё наркомом связи.

Ирония судьбы состоит в том, что в бытность мою в СЛОНе именно Фельдман был тем самым особоуполномоченным ОГПУ, которого как огня боялось лагерное начальство, и комиссия под его председательством отправила в тюрьму и приговорила к расстрелу не одну сотню прощтрафившихся чекистов. Как говорится - жизнь внесла свои коррективы.

*Стоп-кадр: Ягода,
Гёнрих Григорьевич Ягóда
(урождённый Енох Гершенович Иегуда)
Рождение: 20 ноября 1891
Арест: 5 апреля 1937
Расстрел: 15 марта 1938
Рефреном голос Николая в старости*

ГНС: Как только из Молчанова были выбиты показания о том, что Ягода возглавлял некий правотроцкистский центр и подготавливал террористические акты против Сталина и Ежова, Ягода был арестован и объявлен «врагом народа». В официальном сообщении прямо-таки в стиле Иоанна Грозного было написано, что «Ягода «отрешен» от должности наркома связи» ввиду обнаружения антигосударственных и уголовных преступлений. Его берегли до 1938 года – до Третьего Московского процесса, на котором его судили вместе с Бухариным и потом уже расстреляли.

*Стоп-кадр: Троцкий.
Цитата:
«Если б кто-нибудь сказал, что Геббельс является агентом римского папы, это звучало бы гораздо менее абсурдно, чем утверждение, что Ягода являлся агентом Троцкого».*

Рефреном – голос Николая в старости

ГНС: К моменту суда над Ягодой Троцкий еще был жив и среагировал на это довольно остроумно. Разумеется в СССР этого тогда никто не мог услышать, но в истории реплика осталась.

*Стоп-кадр: Фото сподвижников Ягоды
Рефреном голос Николая в старости*

ГНС: Разумеется, против Ягоды сразу же выступили его сподвижники: Агранов, Фирин, Кацнельсон, Леплевский, Реденс. Разумеется, им это не помогло – почти никто из них не пережил Ягоду больше чем на год.

*Стоп-кадр: Фото основателей ЧК
Рефреном голос Николая в старости*

ГНС: равно как и основателям ВЧК: Бокию, Уншлихту, Петерсу, Беленькому, Тлиссеру – они все были арестованы в 1937 году и расстреляны с 1938 по 1941 год. Надо заметить, что Беленького и Тлиссера расстреляли уже поле снятия Ежова, при Берии. Сразу после арестов Ягоды и оставшихся в живых «отцов-основателей» из органов стали вычищать латышей, евреев, поляков, и к 1940 году их количество снизилось практически до нуля. Я, кстати говоря, придерживаюсь мнения, что это не было осознанной политикой, а скорей борьбой групп. Все знали о «людях Ягоды», «латышах», но были и «украинцы», «северокавказцы», «туркестанцы» (чекисты,

служившие во время гражданской войны соответственно на Украине, Северном Кавказе, в Туркестане и Сибири). Между ними существовала определенная конкуренция, но и Менжинский, и потом Ягода использовали её во благо общего дела, а Ежов, скорее всего, по собственной глупости превратил это во взаимное истребление.

Стоп-кадр: Ежов.

Цитата:

«Везде я чистил чекистов. Не чистил их только лишь в Москве, Ленинграде и на Северном Кавказе...»

Рефреном голос Николая в старости

ГНС: Сам Ежов во многом опирался на кадры, переведённые с Северного Кавказа, чистка НКВД там была действительно минимальной. В остальном сказанное не вполне верно. В частности в Ленинграде всюю старался Заковский, один из немногих комиссаров госбезопасности первого ранга, которые сохранили свою должность до конца 1937 года.

Псевдоисторические кадры: совещание у Ежова.

Сначала идет рефреном голос Николая в старости, потом прямой диалог

ГНС: Вскоре после ареста Ягоды и некоторых его бывших подчиненных «тормозивших борьбу с троцкистами», Ежов созвал в Москву на совещание всех полномочных представителей НКВД республик, краев и областей. Согласно рассказу Заковского, свою речь на совещании он начал примерно следующими словами.

Камера показывает Ежова крупным планом, потом переходит на средний.

Ежов: Вы не смотрите, что я маленького роста. Руки у меня крепкие — сталинские. — (*протягивает вперед обе руки, как бы демонстрируя их сидящим*) — У меня хватит сил и энергии, чтобы покончить со всеми троцкистами, зиновьевцами, бухаринцами и прочими террористами, — угрожающе сжал он кулаки. (*делает паузу, подозрительно взглядывается в лица присутствующих*) — И в первую очередь мы должны очистить наши органы от вражеских

элементов, которые, по имеющимся у меня сведениям, смазывают борьбу с врагами народа на местах. *(снова выразительная пауза)* Предупреждаю, что буду сажать и расстреливать всех, не взирая на чины и ранги, кто посмеет тормозить дело борьбы с врагами народа.

Далее достает листок читает. Рефреном голос Николая в старости.

ГНС: После этого Ежов стал называть приблизительные цифры предполагаемого наличия «врагов народа» по краям и областям, которые подлежат аресту и уничтожению. Это была первая наметка спускаемых впоследствии — с середины 1937 года — официальных лимитов в определенных цифрах на каждую область. Услышав эти цифры, все присутствующие так и обмерли. На совещании присутствовали в большинстве старые опытные чекисты, располагавшие прекрасной агентурой и отлично знавшие действительное положение вещей. Они не могли верить в реальность и какую-либо обоснованность названных цифр.

Ежов: Вы никогда не должны забывать, что я не только наркомвнудел, но и секретарь ЦК. Товарищ Сталин оказал мне доверие и предоставил все необходимые полномочия. Так что отсюда и сделайте для себя соответствующие выводы.

ГНС: Заковский говорил, что когда Ежов закончил свое выступление, в зале воцарилась мертвая тишина. Все застыли на своих местах, не зная, как реагировать на подобное. предложения и угрозы Ежова. Вдруг со своего места встал полномочный представитель УНКВД Омской области, Эдуард Салынь.

Салынь *(спокойно)*: Заявляю со всей ответственностью, что в Омской области не имеется подобного количества врагов народа и троцкистов. И вообще считаю совершенно недопустимым заранее намечать количество людей, подлежащих аресту и расстрелу.

Ежов *(обрывая)*: Вот первый враг, который сам себя выявил!

Все подавленно молчат. Рефреном голос Николая в старости.

ГНС: Остальные участники совещания были совершенно подавлены всем происшедшим, и более никто не посмел возразить Ежову. А Салыня арестовали несколько месяцев спустя – 10 августа 1937 года.

Псевдоисторические кадры: Каганович «громит» ивановскую парторганизацию с трибуны.

ГНС: но не надо думать, что репрессии казались только НКВД. В конце июля или начале августа 1937 года Сталин направил по республикам, краям и областям особоуполномоченных ЦК, чтобы наладить и обеспечить на местах выполнение его личных указаний об усилении репрессий и о полном разоблачении руководителей всех других партийных, государственных и хозяйственных организаций, которые, по мнению Сталина, в большинстве своем состояли из троцкистов, бухаринцев, зиновьевцев, рыковцев и т. п. Насколько помню, в Ленинград на помощь Жданову выехал Маленков; на Украину — Хрущев (который до этого вместе Л. М. Кагановичем принимал участие в чистке Москвы и области. В частности, в Моссовете остался в живых только председатель — Булганин, а все его заместители — Усов, Хвесин, Штернберг и другие — были расстреляны). В Грузии и Азербайджане «полномочными представителями» Сталина, которым было доверено провести уничтожение «врагов народа», были Берия и Багиров. В Ярославскую и Ивановскую области были направлены Каганович и Шкирятов. Полномочный представитель имел на руках план по расстрелу и на месте должен был решить с кого начать: с НКВД, парторганизации или с обоих концов сразу. Бывало по-разному. В ряде регионов все началось со смены руководства НКВД и только затем — партийного начальства. Или наоборот — сначала смена партийного начальника, а во вторую очередь уже смена чекистов, «проглядевших врага». В общем, ориентировались по ситуации. Но главным было выполнить план по выявлению троцкистов, потому что от этого напрямую зависела судьба самого исполнителя.

Псевдоисторические кадры: по ночной улице

едет «черный воронок». ГАЗ-11-73

Рефреном играет мелодия песни «черный ворон, черный ворон, черный ворон переехал мою маленькую жизнь».

ГНС: Но, разумеется, основная масса репрессированных в годы «большого террора» ни к верхушке партии, ни к верхушке НКВД отношения не имела. На одного начальника приходилось по 5-10 его подчиненных и просто обычных граждан. В 1936 году в СССР было арестовано чуть более 136 тысяч человек, из которых к высшей мере приговорили 1318 человек. В 1937-1938 годах арестовали полтора миллиона человек и к высшей мере приговорили почти 682 тысячи. Это в 10 раз больше чем за все 15 предыдущих лет. Расстреливали едва ли не каждого второго.

Сцена 37: Николай и Заковский. Арест Латыша

Начало августа 1937 года. Николай и Мордюков входят в кабинет Заковского. Там кроме Заковского присутствует его новый зам. Натан Шапиро-Дайховский

Николай: вызывали, Леонид Михайлович

Заковский: да, парни, заходите (*чекисты входят. Заковский встает из-за стола*). Вы сегодня будете нужны (*после паузы*) В непростое время выпало нам жить и работать, товарищи. Враг глубоко проник во все партийные и советские органы, и даже в НКВД. Много уже сделано, но мы должны врага уничтожить до конца (*решительно*). И мы его уничтожим! (*пауза: идет к столу, наливает воды из графина, пьет*). Наша работа по выявлению троцкистского и зиновьевского заговора в рядах органов приносит свои плоды. Я хочу вам представить товарища Шапиро-Дайновского, он будет курировать направление, которое до сегодняшнего дня ваш прежний начальник, оказавшийся перевертышем и троцкистским иудой.

Шапиро-Дайховский поднимается, пожимает руки Николаю и Мордюкову. Дальше идет разговор, Начальник ставит им задачу. Чекисты отдают честь и уходят из кабинета. Рефреном – голос

Николая в старости

ГНС: Наш новый начальник, опытный чекист, быстро ввел нас в курс дела: Латыш оказался троцкист и шпион, поэтому его надо немедленно арестовать. Он в данный момент находился в Стрельне на государственной даче, ордер на арест был подготовлен, нам требовалось доставить бывшего начальника в УНКВД.

Николай и Мордюков выходят в коридор.

Николай: поверить не могу!

Мордюков: вот так, Коля, вот так ... надо удвоить бдительность! Лишний раз убеждаюсь, что прав был товарищ Сталин, говоря о нарастании классово-борьбы (*после небольшой паузы*) Одно беспокоит - людей то совсем нет. У меня еще три допроса сегодня.

Николай: У меня тоже со вчерашнего дня один троцкист неподшитый остался. Вань, я думаю вот что. Я сам за ним съезжу, ты только машину мне дай. Скажем, что вызывают в управление то да сё. Он и не подозревает ничего. А ты пока что занимайся, я тебя потом сменю в ночную.

Мордюков: дело говоришь! Давай.

Николай на машине подъезжает к даче Латыша. Входит в дом. Латыш сидит за столом

Николай: Янис Францевич, добрый день.

Латыш (*невесело*): привет Коля (*смотрит на него и Николай понимает, что Латыш знает, зачем он приехал*). Братъ меня приехал?

Николай (*смутившись*): ... да. Заковский сегодня вызвал, там новый уже начальник на вашем месте. Еврей какой-то. Шапиро-Дайновский Натан Евнович

Латыш: понятно.

Николай: вы собирайтесь, я выйду если нужно.

Латыш: да не выходи, я стреляться не буду. Вещи собрал уже почти все. Папирос вот только нет.

Николай (*протягивает пачку «Беломорканала»*): вот возьмите. Может быть продуктов вам каких-то?

Латыш: Какие там продукты, разве можно в таком состоянии есть!

Николай и Латыш выходят идут к машине.

Николай: Вы не переживайте, может это ошибка. Разберутся.

Латыш (*печально*): Коль, к сожалению уже «разобрались». Вчера из Москвы Заковский получил директиву Сталина о применении

физических методов в отношении «врагов народа». До вас довести еще не успели, сегодня или завтра доведут. Так что тут все ясно. А твоя первейшая задача сейчас – не последовать за мной. Мало того, что я тебя выдвинул, так еще и вместе служили в Тамбове целых два года (*горько усмехается*). Чем тебе не троцкистская ячейка.

Садятся в машину. Машина отъезжает. Из окна на неё тревожно смотрит жена Латыша и его сын.

ГНС: от того, о чем говорил Латыш, меня спасло только то, что шить ему стали так называемое «национальное дело». Проще говоря, арестовывали всех без разбору латышей, служивших в органах и в партии. Самое поразительное, что в этом отношении больше всех старался Заковский: в прошлом простой латышский парень Генрих Штубис. Ленинградское УНКВД едва ли не первыми по стране отчиталось по «латышскому делу», да и в дальнейшем после перевода в Москву Заковский проявлял повышенную активность при аресте своих соплеменников.

Сцена 38: Технология репрессий

Псевдоисторические кадры. Утро. По городу едет ГАЗ-АА («буханка»). Условный кадр

Машина едет по улицам останавливается на углу одного из домов, примерно за 30-40 метров от нужного парадного. Из машины выходят

сотрудники НКВД, трое быстро идут в парадное, двое остаются контролировать окна и проходной двор. Через некоторое время из подъезда выводят арестованного, сажают в машину. Рефреном голос Николая в старости.

ГНС: Аресты вообще-то предписывалось проводить по ночам или ранним утром. По инструкции на задержание в городских условиях должно выезжать по 7-8 человек. Двое контролируют подъезд и окна, двое – лестничные пролеты, трое или четверо осуществляют задержание обыск и первичный опрос подозреваемого, причем один обязательно фотографирует. Но это по инструкции. По факту, учи-

тывая большое количество арестов, людей банально не хватало, и потому на задержание ездили иногда и по двое-трое. Кстати говоря, если в процессе ареста вдруг что-то шло не так, тебя же потом наказывали за нарушение инструкции.

Псевдоисторические кадры. Машина въезжает во двор тюрьмы.

Из нее выходят арестованные. Примерно вот такая мизансцена.

Рефреном голос Николая в старости

ГНС: Но, правду говоря, эксцессов было немного. Притом, что у многих было оружие, они скорее стрелялись сами, нежели отстреливались. Дело тут не в трусости: глупо говорить о том, что трусами были Тухачевский, Якир или заслуженные партийцы и опытные чекисты. В том-то было и дело, что начать борьбу с Ежовым и выше стоящими

людьми для них означало нанести удар в спину партии, чего они как честные коммунисты сделать не могли. Кроме того, если ты стреляешься сам или отстреливаешься, то подтверждаешь тем самым свою принадлежность к диверсионно-повстанческой, террористической организации. Бежать – тоже вариант не всегда удачный: в заложниках остается семья. Оставалось одно: задать единственный, бессмысленный вопрос, на который никто никогда не получил ответа: «За что?!». Многие верили что арест – это ошибка, что разберутся и все вернется на круги своя. Особенно умиляли в этом смысле доносившие друг на друга, которые потом могли сидеть в соседних камерах. У большинства в голове не укладывался тот факт, что его взяли по такому же доносу, какой он сам неделю-две назад написал на сослуживца или соседа. Пользуясь подобным шоковым состоянием подозреваемых, аресты обычно проходили спокойно.

Псевдоисторические кадры. Группу осужденных ранее чекистов вызывают из колонии якобы на пересмотр дела. Они выходят из вагона их встречает сотрудник НКВД провожает до машины – воронка. Воронки отъезжает.

ГНС: Но даже нарушение инструкции иногда не помогало – настолько огромны были задания. Поэтому приходилось идти на всякие ухищрения. Например, когда в конце 1937 года были спущены новые нормативы по расстрелам, абсолютно всем стало понятно, что такого количества троцкистов просто не собрать. Поэтому в ход пошли уже осужденные на небольшие сроки партийные советские работники и сотрудники НКВД. Им обычно сообщали через, что их реабилитируют и восстановят в партии и на прежнем месте работы. Люди, разумеется, верили и ехали безо всякой охраны. С хорошим настроением и планами на будущее. Говорят, что в некоторых областях их даже по прибытии угощали: накрывали стол, выпивали, а уже потом вели на заседание особой тройки, которая быстро выносила приговор.

Псевдоисторические кадры. Группу осведомителей вызывают в УНКВД, они сидят в коридоре. Они разного пола возраста, социального положения. Среди них Андрей. По одному агентов вызывают в кабинет и там арестовывают. Выводят с другого входа, поэтому никто из сидящих в очереди не знает, что их ждет.

ГНС: Аналогично поступали и с агентурой. Вообще это была колоссальная глупость – мы сопротивлялись до последнего. Но Заковский и Шапиро настояли, и едва ли не половина завербованных нашим отделом агентов в итоге были посажены и затем расстреляны. Возможно, это были не самые эффективные работники – но тут вообще нарушался принцип работы любой спецслужбы: агентуру не раскрывать и по возможности беречь. Впрочем, что уж говорить о нас, когда в это время бессмысленно громили и Разведупр, и резидентуры за границей.

Псевдоисторические кадры. Андрей входит в кабинет, за столом сидят Мордюков и Николай. Мордюков зачитывает постановление об аресте, Андрей растеряно смотрит на Николая, Николай делает вид, что не узнает его. Андрея уводит конвойный.

ГНС: спорить не полагалось – Москва спустила такие нормативы по высшей мере наказания, что любой сотрудник, выразивший вслух несогласие с линией партии, с большим удовольствием был бы отправлен сослуживцами вслед за арестованными на нары. Поэтому тут надо было быть особенно осторожным. Конечно у нас с Мордюковым было отвратительное положение: надо было посадить тех лю-

дей которых мы в течении нескольких лет вербовали, налаживали отношения. Кроме того, любая неосторожная реплика агентов могла выйти боком. Но Мордюков придумал правильно: мы горячо заверили начальство, что справимся сами и нам никто не нужен. Не подведем, выполним и все в таком духе. Потом отобрали из числа агентов классово чуждые элементы, фигурантов национальных дел, и всех более или менее подходящих под определение «враги народа». Затем вызвали их всех по оперативным каналам, заняли временно комнату для допросов с двумя выходами и ... просто по очереди зачитывали им постановление об аресте. Нам придали в помощь шесть вахтеров и «буханку» и буквально за сутки мы, таким образом, арестовали и препроводили в изолятор 117 человек. Кстати говоря, громко разорались только трое, остальные были в шоке и, по-моему, только в Крестах осознали, что произошло на самом деле. Но там уже за них плотную взялись дознаватели.

Псевдоисторические кадры. В тюрьме четверо дознавателей избивают задержанного. Один из них вошел в раж, лупит почем зря. Второй ухмыляется. Николай тоже участвует в избиении, но эмоционально «без души», делает ровно так, чтобы не выделяться.

ГНС: вообще-то должность официально называлась следователь, но у меня язык не поворачивается их так называть. Они ничего толком не спрашивали просто избивали арестованных до того состояния, когда он уже был готов подписать любой самооговор. Да собственно как иначе было поступать, когда никакого доказательного материала на большинство задержанных и не было. Вообще физическое воздействие применялось и раньше, но это были экстраординарные случаи. Я сам смог повернуть Володькино дело в Тамбове только потому, что в отношении участников антоновского мятежа правила гуманизма не действовали. А вообще, то ли с 1923 то ли с 1924 года действовало указание Дзержинского строго требовавшее даже голоса на арестованного не повышать, не то чтобы ударить. Конечно, избиения бывали, но вокруг подобных методов следствия в какой-то мере поддерживалась конспирация. Физическое воздействие применяли поздно вечером и ночью, когда технических работников в управлении не было, и вслух о методах допросов никто не говорил. Но после приснопамятной директивы Ежова летом 1937 года, в которой было указано, что работа органов по выкорчевке «врагов

народа» проводится слабо, что арестованные «враги народа» содержатся, чуть ли, не в санаторных условиях и допрашиваются следователями «в белых перчатках» все кардинальным образом изменилось. Избиения и пытки стали применяться уже вполне открыто, следователи и вахтеры ходили из своих кабинетов в камеры и по коридорам в любое время дня с резиновыми дубинками в руках. А по УНКВД ходила история о том, как сам сталинский нарком Ежов учил допрашивать арестованных. Об этом мне рассказал Виктор Ильин, следователь, которого к нам перевели из Москвы в начале 1938 года.

Идут кадры беседы Николая и Ильина, а потом псевдоисторические кадры, иллюстрирующие рассказ Виктора Ильина

Ильин: Николай Иванович – человек очень просто и демократичный. Он сам ходит по кабинетам всех следователей, лично знакомясь с тем, как идет работа.

Николай: И у тебя был?

Ильин: Конечно, был. Зашел, а у меня сидит подследственный. Спросил, признается ли, а когда я сказал, что нет, Николай Иванович как развернется и бац его по физиономии... *(с восторженным энтузиазмом)*. И разъяснил: «Вот как их надо допрашивать!»

Далее идут псевдоисторические или документальные кадры расстрела осужденных. Референсом Голос Николая в старости.

ГНС: Приговор и дальнейший расстрел обычно не заставляли себя долго ждать. С сентября по декабрь по ленинградскому УНКВД ежемесячно расстреливалось по 4-4,5 тысячи человек, а в целом за 1937

год таковых насчитывалось 19 с лишним тысяч человек⁵. Поскольку суды были загружены, в основном приговоры выносила особая тройка НКВД. Разнообразием обвинения не отличались – из 19 тысяч человек почти 4 тысячи составили «польские шпионы». Также набралось: около 2 тысяч латышских шпионов, примерно по тысячи

или полторы эстонских, финских, японских и немецких шпионов. Что характерно – немецких шпионов на тот момент было менее всего. Ну и более мелкие дела: бывшие сотрудники КВЖД, члены РОВС, заключенные ГУЛАГа, централизованно вывезенные этапом в Ленинград.

Приговоры чаще всего приводились в исполнение в Левашово, либо на Ржевском полигоне. Эти захоронения конечно по масштабам не дотягивали до московских Бутово и Комумнарки. Но тоже были не из последних. А вообще в каждом крупном городе сегодня есть старые мусорные свалки, гордо именуемые полигонами ТБО. Как правило, 90% из них в свое время были полигонами НКВД, на которых и осуществлялись расстрелы и использовались для захоронения расстрелянных.

Псевдоисторические кадры: в тюремной камере осведомитель обрабатывает жертву, склоняя его к даче признательных показаний.

ГНС: Но далеко не всех, кому вынесли смертный приговор, расстреливали сразу. Тех из руководящих работников, кто в результате побоев и морального давления соглашался сотрудничать с НКВД и склонять арестованных к самооговорам оставляли в живых, превращая их в «наседок» (внутрикамерных осведомителей), дарили отсрочку от расстрела. Такие «живые трупы», не подозревавшие, что им давно уже вынесен смертный приговор могли прожить еще полгода или год, но унести за собой в могилу несколько десятков человек. Обычно, конечно, речь шла о видных в прошлом советских, военных и партийных деятелях, которых невозможно было заподозрить в сотрудничестве в НКВД. Санкцию задержать расстрел важного осужденного руководство УНКВД запрашивало в Москве⁶.

Псевдоисторические кадры: на прием к Николаю стоят родственники осужденных. Потом кадры: Николай беседует с женщиной, крупным планом лицо женщины, потом лицо Николая, потом женщина уходит.

ГНС: Санкции на арест родственников осужденных также обычно получались у самого высокого начальства. Здесь не было четких правил – по ключевым заключенным многие вопросы решались лично Сталиным или Политбюро. Существовало однако негласное

указание: если семья не отрекается от арестованного, либо активно пытается выяснить его судьбу, то членов семьи рано или поздно тоже сажали или ссылали. Наиболее дальновидные перед арестом прямо говорили своим родственникам: никогда не пытайся выяснить мою судьбу. А некоторые даже советовали публично отречься от отца, мужа или брата, написать в газету. В той ситуации это было самое разумное, но по понятным причинам на такой шаг шли очень немногие. Что касается тех, кто пытался узнать, что стало с их родными, то инструкцией нам запрещалось говорить о том, что человек расстрелян, если только он не проходил по громкому делу, которое освещалось в газетах. Обычно отвечали, что арестованному назначено 25 или 10 лет лагерей без права переписки. И справки выдавать только устные. Данная практика юридически была закреплена уже Берией 11 мая 1939 года в приказе НКВД СССР № 00515 «О выдаче справок о местонахождении арестованных и осужденных». Тем же приказом было официально дано указание начальникам ЗАГСов в случае обращения к последним жен арестованных о разводе, *«учинять акты развода беспрепятственно, не требуя от заявителя никаких справок».*

Николай в старости сидит у камина и смотрит альбом с фотографиями.

Крупный план: групповое фото командного состава УНКВД на праздновании нового 1938 года. Среди них Николай.

ГНС: Едва ли не треть из тех, кто запечатлен на этом фото встречали свой последний новый год вне тюремных стен. Хотя «ежовщина» была в разгаре, но, я думаю, что даже самые недалекие его выдвигенцы понимали, что долго так продолжаться не может. И запредельная жестокость очень скоро выйдет боком им самим. Я не был осведомлен о тонкостях происходившего в Москве, а скорее доверял собственному чутью: иногда наступает момент, когда уже ясно – скоро это закончится. Не знаю, как объяснить: можно сказать, что от крови все устали. Вероятно, на свете у всего есть предел, в том числе и у террора. Другое дело, что до этого момента надо было ещё дожить.

Сцена 39: снова Федорыч.

Январь 1938 года. Николай после отпуска заходит в кабинет, видит Мордюкова, собирающего вещи.

Николай: привет, Вань. Ты куда это собираешься?

Мордюков (*значительно*): Утро доброе, Николай Петрович! Можешь меня поздравить – даже два раза. С присвоением звания капитана госбезопасности и назначением в Москву.

Николай (*разводит руками*): Ну, просто слов нет. Поздравляю Иван Матвеевич!

Мордюков (*также значительно*): Товарищ Заковский вчера назначен руководителем Московского управления, Вместо него будет теперь товарищ Литвин. Товарищ Шапиро-Дайновский со дня на день ожидает назначения в центральный аппарат. Меня Заковский забирает с собой в Москву. Сегодня последний день на службе.

Николай (*неопределенно усмехается*): Вот так в отпуск уйдешь и самое интересное пропустишь.

Мордюков (*доверительно, покровительственным тоном*): Да Коль ты со своей рыбалкой много пропустил. Мог бы, кстати, вместе со мной пойти на повышение. Я ведь тебя знаю как честного и ответственного работника. Но знаешь в чем проблема: не умеешь ты себя подать! Ведь подвиг, не замеченный начальством, подвигом не является (*смеется*). Потому и звания тебе задерживают, и в старших лейтенантах все сидишь, хотя, положи руку на сердце, капитана ты достоин не менее моего. Ну да ничего, это поправимо. Осмотрюсь там в Москве, перетащу тебя со временем.

Николай: Хорошо Вань. Договорились. Удачи тебе на новом месте

Пожимают друг другу руки

Мордюков: сегодня после вечернего совещания устроим отходную. Да, слушай, там у меня хвост остался – троцкист один, бывший зам. по милиции. Не в службу, а в дружбу: допросишь?

Николай: конечно, Вань, о чем речь. Где дело?

Мордюков: вот (*подает папку*)

Стоп-кадр: Мордюков смотрит на Николая, протягивая ему папку с делом.

ГНС: Ваня, конечно, был малый ушлый и интриган, но без чутья. Его планам не суждено было сбыться. Через два месяца после

перевода в Москву Заковского сняли с должности, а в апреле 1938 года арестовали. Ваня продержался на новом месте существенно дольше: его арестовали в июне или июле. Но расстреляли их, судя по всему, вместе – не позднее конца августа 1938 года.

Николай в тюрьме в кабинете следователя, читает дело.

ГНС: Это было одно из тех удивительных совпадений, которое случается раз в жизни. Я читал дело Федорыча, своего начальника по Тамбову. Он был арестован и уже три месяца содержался в Крепостях. Все упорно отрицал, поэтому били его как следует. Когда он появился передо мной, я его сразу не узнал: без зубов постаревший почти полностью седой.

Вахтер вводит Федорыча. Пока вахтер не уходит Николай молчит и делает вид, что не замечает арестованного. Когда вахтер закрывает дверь Николай поднимает глаза.

Николай: Привет, Федорыч.

Федорыч (*болезненно иурится, после некоторой паузы*): Здравствуй ... Коля, Николай П-П-Петрович.

Николай: за что тебя?

Федорыч (*нервно, сбивчиво*): в деле там все неправда. Я ни в чем не виноват. Шьют 58-ю. (*отчаянно*) Коля, помоги мне. Надо донести до товарища Сталина что здесь происходит!

Николай (*вздыхает*): эх, Федорыч. Повезло тебе, что я сегодня один. А то бы допрашивали тебя как обычно и даже больше (*переходя на шепот*). Слушай меня внимательно. Я сейчас буду стучать по столу палкой и кулаками, а ты кричи громко, будто бы я тебя бью. Другого выхода у меня нет. Только ори сильно, на совесть (*переходя на крик*) Ах ты блядь, сука фашистская еще и упираешься (*берет резиновую палку и бьет ей по столу*).

Федорыч громко стонет, в его глазах благодарность, практически слезы. Николай лупит палкой по всем предметам в кабинете: подоконнику, столу, стенам, периодически рыча и громко ругаясь. Так продолжается примерно минуту. Николай перестает стучать, подходит к телефону, набирает номер.

Николай (*в телефон*): Леночка, будь добра, принеси мне минут через пятнадцать чаю. Давай сразу два стакана что-ли. И пирожных. Да, эклеры – это отлично. Спасибо. (*полушепотом Федорычу*) сейчас я тебе дам почитать одну директиву товарища Сталина и това-

рица Ежова, чтобы ты глупых вопросов не задавал больше. Только орать не переставай! *(подходит к сейфу, отпирает замок, достает документ, протягивает Федорычу. Сразу же начинает орать)* Я тебя троцкистский выблядок, на чистую воду выведу. Мразь! *(лупит кулаком по столу)*

Далее сцена переходит в режим псевдо-исторических кадров – Николай продолжает стучать по столу и стенам, ругается и кричит, Федорыч стонет. Но по мере того как он вчитывается в директиву о применении пыток на глазах у него появляются слезы и крик становится непритворным. Рефреном голос Николая в старости.

ГНС: так мы изображали побои минут пятнадцать или двадцать. Но Федорычу судя по всему даже большие страдания чем все побои принесло чтение директивы Сталина. Он как и многие коммунисты до последнего времени верил, что Сталин и руководство партии не в курсе того что происходит в НКВД. И тем сильнее был для него моральный удар.

Буфетчица приносит чай. Опять кадры идут нормальные, цветные.

Николай: Леночка, благодарю *(Федорычу, презрительно)* На, вот, пей, а то еще подохнешь!

Буфетчица уходит.

Федорыч *(растеряно)*: что же делать, Коль? Никогда не думал что такое возможно.

Николай: ты пей чай-то, пей. *(понижив голос)*. Я думаю, скоро это должно кончиться. Максимум полгода навряд ли год. Не спрашивай, откуда я это знаю, чутье. Помнишь, как в Тамбове, когда был самый ужас в 1921 году? *(Федорыч кивает)*. Я тогда вдруг понял: пройдет полгода и все наладится так или иначе.. Тут такая же история. Но эти полгода или год будут страшные. И в этом здании не многие опера их переживут благополучно. А о вас уже говорить нечего *(тоже отпивает чай из стакана)*. Теперь крепко запоминай. Первое – писать жалобы бесполезно. Они попадают обратно к нам, и ими подтираются либо вахтеры, либо некоторые следователи предлагают это сделать самим жалобщикам. Второе – чтобы выжить ты должен заниматься самооговором. Наговаривай на себя как можно больше

и вообще на всех: приплетай кого угодно, чтобы дело твое забрали в Москву. Тогда тебя, скорее всего, перестанут бить и попытаются раздуть какой-нибудь громкий процесс. Смело оговаривай всех латышей, евреев, поляков и немцев с которыми работал. Их уже либо расстреляли, либо сделают это в ближайшее время. То же самое меньшевики и бывшие дворяне.

Федорыч: Коль, ты всерьез хочешь меня купить на такую дешевую уловку. Скажи еще, что партии нужно, чтобы я оговорил как можно больше троцкистов.

Николай (*вздыхает, с некоторой обидой*): Федорыч, ты можешь, конечно, мне не верить. Я б на твоём месте тоже с трудом поверил. Но пойми: с точки зрения карьеры мне в моем нынешнем положении все равно будешь ты жить или нет. Даже более того – чем быстрее ты замолчишь, тем мне спокойнее. Я просто помню, каким ты был работником, как мне помогал уму разуму обучаться и точно знаю, что не мог ты ничего плохого советской власти сделать. Но ... времена такие.

Федорыч (*всхлипывает*): Ладно, п-прости. Нервы у меня ни к черту.

Николай: понимаю всё. Так вот – самооговор должен быть просто чудовищным. И как у графа Толстого – романом в нескольких томах. Чтобы каждый раз ты выдавал следователю новую порцию откровений. Они тебя после третьего четвертого эпизода беречь будут как зеницу ока в надежде на выдвижение по службе. Только не уставай выдумывать. О достоверности показаний не заботься – чем абсурднее, тем лучше. У нас тут «смело выдвигают способную молодежь»: все больше бывшие погранцы, да инструкторы по физкультуре. Они только бить и стрелять умеют, а в оперативном отношении нули круглые. Так что проверять никто ничего не будет. А там как бог даст. И еще вот что важно: со следующего допроса тебя, наверное, передадут другому следователю, либо будут допрашивать тебя группой. Там уже ни чаю никто не предложит, ни папирос, если не начнешь сотрудничать со следствием. Кстати, курева тебе оставить?

Федорыч: да.

Николай (*отсыпает папирос*): на вот, возьми. Решение тебе лучше принять прямо сейчас, пока чай не допил. Потому что тогда я смогу тебя прям сегодня или завтра в более или менее просторную

камеру перевести, рацион улучшить. Так-то у меня, наверное, тебя заберут – набегут тут любители выслужиться. Ну и напоследок – не в службу, а в дружбу – про тамбовские дела наши – молчи по возможности. Знакомца нашего, Латыша, уже арестовали и расстреляли, про него можно что угодно говорить. А так – не стоит языком мусолить (*выразительно смотрит на Федорыча*).

Федорыч: спасибо тебе, Коля ... Николай Петрович (*плачет*).

Николай (*усмехается*): ну, ладно-ладно, не за что пока. Там видно будет. Оправдать тебя вряд ли оправдают, но если расстрел заменят более мягкой статьей и сроком – это и будет твой шанс на спасение. Это всё, что я для тебя могу сделать. (*делает небольшую паузу*) ну так что – даю тебе бумагу?

Федорыч кивает. Николай достаёт чистую стопку бумаги. Открывает дверь, выходит в коридор. Там стоит курит капитан НКВД и между делом прислушивается к тому что происходит в кабинете Николая. Николай здоровается с ним, тоже закуривает.

Николай: привет, Тимур.

Капитан: ну как у тебя там дела? Что-то затихли вы, как будто и не на допросе.

Николай: да всё нормально, раскололся. Пишет сидит. Чай пьет.

Капитан: ну поздравляю. А у меня один тут упрямый сегодня попался – зубы выбили, ребра все переломали а все никак.

Николай (*равнодушно*): да, бывает. Вы уж там поднажмите. Ладно, пойду дальше работать. Успехов!

(*возвращается в комнату, закрывает дверь. Федорычу*): Чай еще будешь? И да, пирожные бери, ешь. Мне еще надо, кстати, в буфете домой парочку взять – Мишка просил.

Далее сцена снова переходит в режим псевдо-исторических кадров – Федорыч пишет показания, Николай смотрит за ним, звонит по телефону. Рефреном – голос Николая в старости.

ГНС: Когда я говорил все это Федорычу, я не был на сто процентов уверен в своей правоте. Но вышло ровно так, как я предположил. Федорычу вообще крупно повезло – его промурьжили в тюрьме три года, он даже встречался с Берией, когда тот заступил на должность наркома внутренних дел. Но и сам Федорыч сработал виртуозно – либо же воспринял мои слова буквально – написал почти что «Войну

и мир», где упомянул всех кого вспомнил по прежней работе, плюс еще половину следователей, которые били его на допросах. В итоге его осудили на 10 лет по статье 193/17-А (злоупотребление властью и преступная халатность). Он отсидел и был реабилитирован в 1956 году, вернулся в Тамбов, работал в автоколонне зам. директора. В общем можно сказать родился в рубашке. В 1965 году, когда мы оба были уже на пенсии, случайно встретились с ним в Москве, отлично посидели, вспомнили былое.

Псевдоисторические кадры – Френкель встречается со Сталиным.

ГНС: другим таким счастливым оказался мой знакомец по СЛОНу Френкель, который сделал к началу «большого террора» головокружительную карьеру: дослужился до дивизионного интенданта и ордена Ленина. Но в мае 1938 года его арестовали и приговорили к расстрелу. Попутно он лишился всех зубов и приобрел букет болезней, которые потом долго и безуспешно лечил. Однако, Френкель снова выжил. Подробностей никто толком не знает, но говорили, что приговор отменил сам Сталин ради того, чтобы Френкель организовал строительство ж/д путей для обеспечения армии в ходе советско-финской войны. Сталиным была сформулирована задача: зимой, при почти полном отсутствии автотрасс, складов, карт, технических проектов, построить три железные дороги — рокадную и две вспомогательные. На все это Френкелю отвели три месяца. Тот твердо пообещал, что 200 километров железной дороги будут построены. И выполнил – другой вопрос, какой ценой. В итоге в 1940 году по личному распоряжению Берии его освобождают. Под него создается Главное управление железнодорожного строительства НКВД СССР, он получает звание корпусного инженера и второй орден Ленина. Но разумеется это был уникальный случай. Я бы даже сказал: единственный в своем роде.

Сцена 40: от Ежова к Берии.

Николай в старости сидит в кресле на балконе своего дома, закутавшись в плед.

ГНС: Меня однажды спросили: как я смог выжить в ту пору. На самом деле никаких универсальных правил тут не существует. Мало быть честным и добросовестным: я знал полно кристально честных людей, которых арестовали только потому, что им не повезло родиться в «неправильной» семье или много лет назад служить под началом «неправильного» начальника. Но ошибкой было бы считать, что беспринципность, ложь и предательство гарантируют вам выживание. Особенно ярко это можно проследить на судьбе выдвиженцев Ежова.

Стоп-кадр: Заковский,

Леонід Михайлович Заковський (урожденный Генрих Эрнестович Штубис),

Рождение: 1894 год. (точная дата неизвестна)

Арест: 19 апреля 1938

Расстрел: 29 августа 1938

Рефреном голос Николая в старости

ГНС: Первым пошел в расход «Заковский». Он успел накуролесить и в Москве, но примечательно то, что он оказался последним латышом в органах госбезопасности и последним комиссаром госбезопасности первого ранга, получившим это звание из рук Ягоды.

Стоп-кадр: Люшков,

Генрих Самойлович Люшков

Рождение: 1900 год (точная дата неизвестна)

Побег в Манчжурию: 9 июня 1938

Расстрел: 19 августа 1945

Рефреном голос Николая в старости

ГНС: Люшков долго служил в центральном аппарате НКВД и даже был у нас в Ленинграде, когда расследовалось убийство Кирова. Но я лично с ним знаком не был. Его вскорости перевели на Дальний Восток и собирались

арестовать в мае 1938 года. Предчувствуя это, он решил бежать. И даже придумал способ, как спасти свою семью – выправил им документы на лечение в Западную Европу. Но за ним к тому времени уже серьезно следили и потому жену за границу не выпустили, а арестовали и расстреляли. Дочь отдали в интернат с другой фамилией. Сам Люшков бежал к японцам, и потом активно сотрудничал с ними. Не только в плане разоблачения репрессий и раскрытия государственных секретов, но, в частности, разработал план покушения на Сталина, за который японцы с энтузиазмом ухватились. Ранее по долгу службы на посту начальника отделения НКВД по Азово-Черноморскому краю Люшков нёс персональную ответственность и сам разрабатывал порядок и систему охраны вождя. Люшков возглавил террористическую группу из русских эмигрантов, которую японцы в 1939 году перебросили к советско-турецкой границе. Однако в группу был внедрён наш агент и переход через границу сорвался.

В августе 1945 года, через три дня после капитуляции Квантунской Люшков был приглашён к начальнику Дайрэнской военной миссии Ютаке Такэоке, который предложил ему покончить жизнь самоубийством (по-видимому, чтобы скрыть от Советского Союза известные Люшкову данные о японской разведке). Люшков отказался и был застрелен.

Стоп-кадр: Ежов

Николай Иванович Ежов

Рождение: 1 мая 1895

Арест: 10 апреля 1939

Расстрел: 4 февраля 1940

Рефреном голос Николая в старости

ГНС: Побег Люшкова был почти наверняка одной из формальных причин падения уже самого Ежова. Хотя в отношении первых лиц соблюдалась некоторая церемония. В апреле 1938 года Ежова назначили по совместительству наркомом водного транспорта, в августе 1938 года его замом был назначен Берия, и только через несколько месяцев в ноябре появился донос на Ежова, поданный начальником управления НКВД по Ивановской области Журавлёвым, 23 ноября Ежов написал в Политбюро и лично Сталину прошение об отставке. И потом еще 5 месяцев терпеливо ждал своей участи.

Стоп-кадр: Ежов-2

Рефреном голос Николая в старости

ГНС: Я не испытываю ни малейшей симпатии к Ежову. И из-за глупой политики, и из-за его выдвиненцев, и много еще из-за чего. Но нельзя не признать одного факта: перед лицом смерти он вел себя достойно. Он не выторговывал как Ягода жизнь, предлагая Сталину «случайно обнаруженные» бриллианты. Не устраивал истерик и не ходил под себя в ходе допросов, как Берия. Просил Сталина только не трогать мать, которой тогда было 70 лет. Его пытали на общих основаниях, но даже на суде он нашел в себе силы заявить:

К стоп-кадру добавляется цитата, дублируемая голосом Ежова
«На предварительном следствии я говорил, что я не шпион, я не террорист, но мне не верили и применили ко мне сильнейшие избиения. Я в течение двадцати пяти лет своей партийной жизни честно боролся с врагами и уничтожал врагов. У меня есть и такие преступления, за которые меня можно и расстрелять, и я о них скажу после, но тех преступлений, которые мне вменены обвинительным заключением по моему делу, я не совершал и в них не повинен... Я не отрицаю, что пьянствовал, но я работал как вол... Если бы я хотел произвести террористический акт над кем-либо из членов правительства, я для этой цели никого бы не вербовал, а, используя технику, совершил бы в любой момент это гнусное дело»

ГНС: Откровенно говоря, от силы процентов пять из арестованных может похвастаться подобным поведением, а среди большого начальства таких вообще были единицы.

Стоп-кадр: Фриновский

Фриновский Михаил Петрович

Рождение: 7 февраля 1898

Арест: 6 апреля 1939

Расстрел: 4 февраля 1940

Рефреном голос Николая в старости

ГНС: вместе с Ежовым судили и основных его сподвижников, первым из которых был Фриновский. Характерен факт, о котором знали все чекисты того вре-

мени. Когда Ежов получил указание свыше об аресте Ягоды и надо было направить кого-нибудь для выполнения этого приказа, первым вызвался именно Фриновский, которого за глаза звали не иначе как «ягодовский холуй». Он не только возглавил группу работников, ходивших арестовывать Ягуду и производить обыск в его квартире, но рассказывали, что он первым бросился избивать своего бывшего покровителя.

При всем том из «ежовской гвардии» Фриновский был единственным более или менее толковым оперативником. Вместе с Фриновским расстреляли всю его семью, включая 17 летнего сына, который тогда учился в 10 классе школы.

Стоп-кадр: Прочие ежовцы

Рефреном голос Николая в старости

ГНС: разумеется, по сложившейся традиции Берия вычистил всех людей Ежова из органов, прокуратуры, судов и т.д. Такие видные фигуры как Миронов и Евдокимов были осуждены вместе с Ежовым, а наш начальник Литвин, который пришел на смену Заковскому, не стал дожидаться ареста, и застрелился сам. После него начальником стал выдвигенец Берии (можно сказать – его правая

рука), грузин Сергей Арсеньевич Голидзе.

Идут кадры хроники с участием Берии, потом начинаются псевдоисторические кадры: Берия представляет Голидзе сотрудникам Ленинградского УНКВД, держит речь. Николай в числе слушателей.

Рефреном голос Николая в старости

ГНС: Берия сам был крайне неоднозначный человек, возможно, самый противоречивый из всех наркомов. С одной стороны, им были прекращены бессмысленные репрессии. Никто больше не спускал безумных цифр по расстрелам. С другой стороны – почти никто из невинно осужденных не был реабилитирован и отпущен на свободу. Берия часто лично встречался с некоторыми арестованными чекистами и обещал исправить все допущенные перегибы, но с другой стороны после таких встреч судьба большинства из них кардинально не менялась.

Пытки арестованных среди бела дня прекратились, но по ночам – продолжались. При Берии был взят курс на привлечение в органы молодежи с высшим образованием и «чистой анкетой», но нравы в руководстве подчас царили такие, что из них в итоге вырастали бездельники и интриганы, а не хорошие оперативники.

Ходили слухи, что Берия еще в 1920-е годы инсценировал покушения на самого себя. Не знаю, правда ли это, но такой поступок был бы вполне в его характере. Он как цирковой иллюзионист, напустил туману на деятельность органов ... но в конечном итоге какие-то весьма насущные вопросы не решались годами. Хотя если ему лично было что-нибудь нужно, или он твердо обещал Сталину: например, атомную программу, создание СМЕРШа во время войны, или поддержки спортивного общества «Динамо» - он мгновенно мобилизовывал весь свой организаторский талант (каковой у него, несомненно, был) и все делалось в сжатые сроки и с максимально возможным качеством.

Берия заканчивает выступление, начинает говорить Голидзе.

ГНС: Под статью ему был и Голидзе. Я даже не могу сказать – каким он был начальником. Плюс в том, что не расстреляли, присвоили звание капитана госбезопасности в 1940 году. Вроде бы он и его помощники следили за тем, что я делаю, но сказать, чтобы дотошно вникал в оперативную работу – не было такого. Не помогали, но и не мешали.

То есть хочешь работай, хочешь нет – главное не высовывайся и не мешайся начальству. Было ли это хорошо, по сравнению с безумием «ежовщины» - безусловно, да. Но если поставить вопрос иначе: стала ли наша работа при Голидзе соответствовать заветам Дзержинского? Ответ будет однозначным: нет.

Сцена 41: Сказка про фиолетового бобра.

Май 1941 года. Николай возвращается домой со службы. Дома застаёт картину: Мишка чуть не плачет, стоит возле Нины. Ему недавно исполнилось 11 лет. Рядом возится на полу Соня с куклой – ей 5 лет

Николай (*заходит, целует жену и дочку*): Здорово, родные! Вы чего тут?

Нина (*смеясь*): да вот тройку принесли за сочинение.

Николай: а чего смешного?

Мишка (*еле сдерживая обиду и слезы*) Вот именно ничего смешного нету. Учительница вообще сказала, что должна была двойку ставить, но не было ни одной ошибки, и потому поставила три. А мама смеется.

Нина: Коль, ты сочинение почитай

Николай: нет уж! Пусть Мишка сам вслух читает. А мы уж тут рассудим кто прав кто виноват.

Николай садится за стол, Соня забирается ему на колени. Нина уходит на кухню и через некоторое время приносит обед. В это время Мишка читает по тетрадке.

Мишка:

Сказка о фиолетовом бобре.

В некотором царстве, в некотором государстве жил веселый фиолетовый бобер. Однажды пошел он на качелях качаться. Качался-качался, и вдруг качели сломались. Упал бобер на землю и горько заплакал. И с горя стал он тут яму копать. Вдруг видит, что-то в яме шевелится. Посмотрел внимательно, а это личинка майского жука. «Ну – подумал бобер – Женюсь!!! А вдруг это заколдованная принцесса». Женился бобер на принцессе, и хотя это оказалась не принцесса иногда они были счастливы»⁷

25 Источник - http://vk.com/albums19696453?z=photo19696453_289315613%2Fphotos19696453

Все смеются.

Николай (*сквозь смех*): по-моему, отлично написано! А что учительнице не понравилось?

Нина (*также сквозь смех*): скорее всего то, что тема сочинения была про сказки Пушкина.

Все смеются с новой силой. Николай обнимает Мишку, успокаивает его. Соня балуется, висит у него на ремне. Рефреном голос Николая в старости

ГНС: только в конце весны 1941 года я, наконец, почувствовал, что жизнь стала налаживаться: прекратился аврал и нервы на службе, я стал больше бывать дома, общаться с детьми. Вроде бы все шло хорошо. Но 22 июня все это в один момент закончилось.

Стоп-кадр. Николай и дети застывают. Транслируется обращение Левитана о начале войны. <http://rutube.ru/video/38e59da99c9a574944c44c0948733c65/>

Далее начинает играть песня «священная война» и идут титры. Конец 3-ей серии.

Часть четвертая – Ленинград. 1941-1946.

Сцена 42: Мешок овса.

Последние дни июня 1941 года. Николай едет на машине в Петергоф. Он подъезжает к конюшням, на которых долгое время работал, здоровается с сотрудником. Они недолго разговаривают, потом уходят, далее кадры как они грузят в автомобиль мешок овса. Рефреном голос Николая.

ГНС: Когда надо действовать быстро – это по мне. Правильные решения приходят, что называется, сами собой. Война – это значит общая неразбериха и хаос. А в России им неизбежно сопутствует голод. Я уже один раз чуть не умер во время голода начала 20-х годов, поэтому наступать еще раз на те же грабли в мои планы не входило. Не помню уже точно когда: 24 или 25 числа я съездил в оборотку в Петергоф и запасся на черный день овсом. Расчет тут очень простой – овес долго хранится хоть зимой хоть летом, да и за его недостачу спрашивать никто не будет: конюшни со дня на день должны были передать Ленинградскому военному округу. А, кроме того, как показали последующие события, в условиях блокады это оказалось самое правильное решение.

Николай въезжает во двор своего дома на набережной Фонтанки, во дворе играет Мишка. Николай подзывает его, они вынимают мешок и какие то еще вещи из машины. С Мишкой подбегает девочка, немного погодя подходит её отец – железнодорожник.

ГНС: Это были последние относительно спокойные дни. Налеты еще были редки, и у многих сохранялась иллюзия, что ничего страшного не произойдет.

Железнодорожник: приветствую, Николай Петрович (*пожимают друг другу руки*)

Девочка: дядя Коля, здравствуйте!

Николай: Привет, Василий. Привет Зина!

Железнодорожник: что там слышно то?

Николай: Положение сложное. Мобилизация идет вовсю. У вас то, кстати говоря, как дело обстоит?

Железнодорожник: да уже почитай, что без выходных работаем. Отдыхаем, только когда пути разбомбили и проводить составы невозможно. Я завтра заступаю, на неделю. А там как получится.

Николай: Понятно. Ну удачно отдежурить, Вась! Мы пойдем тут по хозяйству. Мишка, ты все взял?

Прощаются. Потом идет стоп-кадр: Железнодорожник и девочка. Рефреном голос Николая в старости

ГНС: Вася, то есть Василий Никитич, погиб в конце августа 1941 года. Он вел один из последних составов с эвакуируемыми, который прорвался из Ленинграда до того, как немцы перерезали все подъезды. И в этот самый рейс его убило осколком прямо на рабочем месте, на маршруте. И состав бы обязательно сошел с рельсов, если бы не его дочь Зина, которой тогда только-только исполнилось 12 лет. Мишкина подружка и одноклассница. Она перехватила управление у умирающего отца (тот видимо её научил) и благополучно довела состав до ближайшей станции. Отец к тому времени уже скончался. Матери у них уже два года как не было, поэтому Зинку железнодорожники определили в детский дом в Ташкенте. После войны она в Ленинград не вернулась, да и не к кому тут уже было.

Сцена 43: Блокада.

Идут исторические кадры о блокаде в соответствии с тем, что рассказывает Николай. Рефреном – голос Николая в старости

Эпизод 1: Эвакуация

ГНС: между тем, события развивались стремительно. 29 июня 1941 года началась эвакуация женщин и детей, которая продолжалась до конца августа. Кроме жителей собственно Ленинграда, приходилось эвакуировать более 300 тыс. беженцев из-под Пскова и Новгорода, которые прибыли в Ленинград в поисках спасения от наступающих немецких войск.

Эпизод 2: Гитлер

ГНС: Первая атака на Ленинград группы армий «Север» состоялась в конце июля и 23 июля была остановлена в 100 км. южнее города. Через несколько дней Гитлер наносит визит в группу армий «Север», и устраивает разнос немецким генералам в связи с задержкой наступления. Он приказывает командующему Вильгельму фон Леебу взять Ленинград к декабрю.

Эпизод 3: Манергейм

ГНС: Немцы планировали активно взаимодействовать с финна-

ми при окружении взятии города. Но тут неожиданно для всех уперся маршал Маннергейм, несмотря на давление немецких генералов и тогдашнего президента Финляндии. Маннергейм отказался заходить за реку Свирь и вообще продвигаться далее спорных, территорий, перешедших к СССР в ходе советско-финской войны. Я не берусь судить о его мотивах: но вряд ли можно всё сводить к тому, что Маннергейм был верен присяге, данной Николаю Второму, и не мог помыслить о захвате Ленинграда. Так или иначе, Ленинград получил передышку на месяц, которой, правда, не успели толком воспользоваться.

Эпизод 4: кадры военной хроники

ГНС: 8 сентября фашисты достигли берегов Ладожского озера и кольцо окружения вокруг Ленинграда окончательно замкнулось. Так началась блокада продлившаяся 872 дня и унесшая полтора миллиона жизней мирных жителей. Неизвестно чем бы кончилось дело, не перебрось Гитлер за несколько дней до этого часть войск на московское направление, поскольку немцы готовили штурм города. Но и без этого положение было тяжелое.

Эпизод 5: Бадаевские склады.

ГНС: 12 сентября уничтожен пожаром самый большой продовольственный склад в Ленинграде — Бадаевский. До сих пор так и не удалось дознаться: произошло ли это в результате бомбардировки или пожара, может быть даже поджога. Ведь диверсантов после захвата Пскова немцы выбрасывали в Ленинград изрядное количество.

Эпизод 6: снова Гитлер.

ГНС: 19 сентября фашистские войска остановили в 10 километрах от города. А 22 сентября Гитлер заявил что «...мы не заинтересованы в сохранении жизни мирного населения». 8 ноября он высказался еще определеннее: «Ленинград должен умереть голодной смертью»

Николай в старости сидит у себя в особняке в Петергофе. Вечер или ночь (темно) включена настольная лампа, Николай курит, думает.

ГНС: Гитлеру не удалось реализовать свой план только потому, что все силы были напряжены и брошены на борьбу с врагом. Хотя, по совести говоря, тогдашний глава города Жданов весьма распустил партийную организацию. Мягко говоря, не на высоте оказался и Во-

рошилов, командовавший первое время Ленинградским фронтом. Поэтому осенью 1941 года мы были на волоске от того, чтобы потерять контроль над ситуацией как на фронте, так и в самом городе.

Кадры эвакуации. Отсюда: <http://smotri.com/video/view/?id=v1332415463e>

ГНС: Основных проблем было три. Во-первых, не должным образом проводилась эвакуация. Вернее сказать, никакого плана эвакуации на момент начала войны попросту не существовало, так как в захват или осаду немцами города никто особенно не верил. План эвакуации верстали «на коленке», тем не менее, в первые месяцы, пока была не перерезана железная дорога, удалось вывезти более полумиллиона человек. Правда, например детей часто эвакуировали в Ленинградскую область и в итоге из 395 тысяч вывезенных из города детей 175 тысяч вернулись обратно в блокадный Ленинград. Кроме того, многие взрослые не хотели уезжать из города и по законам мирного времени заставить их сделать этого никто не мог. А когда город был отрезан, то и возможности выехать не было. Более или менее организовано эвакуировались сотрудники предприятий (их покинуло город 164 тысячи человек) и ... неблагонадежные группы населения, которых принудительно эвакуировало НКВД: этнические немцы, финны, еще оставшиеся после всех чисток «каэры», которых набралось около 35 тысяч человек. Получилось так, что шанс на спасение был дан неблагонадежным, а о вполне лояльном мирном населении в должном объеме никто не позаботился. На мой взгляд, если бы все делалось рационально, то и детей можно было бы не возвращать, и дополнительно несколько сот тысяч человек эвакуировать в первые месяцы войны было бы реально. Что хоть немного, ног упростило бы ситуацию: к сентябрю 1941 года в городе осталось 2 млн. 887 тыс. жителей. В течение следующих двух с половиной лет полтора миллиона из них погибли, а почти миллион удалось вывезти на большую землю. При должной организации работ дополнительно можно было бы спасти до 400 тысяч жизней.

Кадры продовольственных очередей. Блокадные граммы

ГНС: Второе, о чем следует сказать – это снабжение продовольствием. К началу войны в городе не было создано достаточных запасов продовольствия и даже если бы уцелели Бадаевские склады,

голода было бы не избежать. При этом, уже во время советско-финской войны в городе наблюдались перебои со снабжением: население предусмотрительно вымело всё продовольствие с полок в магазинах. Однако, должного вывода партийные и советские органы из этого не сделали. Настоящий голод начался со второй половины ноября 1941 года. 20 ноября — в пятый раз населению и в третий раз войскам — пришлось сократить нормы выдачи хлеба. Воины на передовой стали получать 500 граммов в сутки, рабочие — 250 граммов, служащие, иждивенцы и воины, не находящиеся на передовой, — 125 граммов. Все остальные продукты почти перестали выдаваться еще в сентябре. Потом, с декабря 1941 года нормы стали постепенно расти, минимальная норма была установлена в 200 грамм, но, разумеется, этого было недостаточно, тем более часто при дефиците муки в хлеб часто клали что попало: до 50 % хлеба составляли практически несъедобные примеси, добавлявшиеся вместо муки: солод, овес и шелуха, а позже целлюлоза.

Кадры обессиленных людей. Рефреном и в паузах во время стоп-кадра звучит фрагмент из ленинградской симфонии Шостаковича

ГНС: Те, кто приехал в Ленинград из деревни после коллективизации, и застал голод начала 30-х годов были более подготовлены: запас в 50—60 кг муки и крупы были тем минимумом, который имелся у многих «новых» ленинградцев. Это обстоятельство, наряду с умением рационально расходовать продовольствие, приобретенное в годы тяжелой жизни в деревне, имело, по-видимому, критически важное значение в условиях блокады. Многие коренные ленинградцы, напротив, такой привычки не имели, и потому голод и лишения стали испытывать значительно раньше, чем выходцы из деревни.

Зимой 1941 года в день от голода умирало до 4000 человек. А всего за первую блокадную зиму погибло 780 тысяч ленинградцев и беженцев. Не только от голода, но и от холода – зима 1941/1942 года выдалась холоднее обычного, к тому же разрушенная система энергоснабжения могла работать только на 15% от своей мощности. Были зафиксированы и случаи людоедства.

Стоп-Кадр - цитата

Из докладной записки военного прокурора А. И. Панфиленко

21 февраля 1942 г.

В условиях особой обстановки Ленинграда, созданной войной с фашистской Германией, возник новый вид преступлений. Все [убийства] с целью поедания мяса убитых, в силу их особой опасности, квалифицировались как бандитизм (ст. 59-3 УК РСФСР).

С момента возникновения в г. Ленинграде подобного рода преступлений, т.е. с начала декабря 1941 г. по 15 февраля 1942 г., органами расследования за совершение этих преступлений было привлечено к уголовной ответственности:

- в декабре 1941 г. — 26 чел,*
- в январе 1942 г. — 366 чел.*
- за первые 15 дней февраля 1942 г. — 494 чел.*

В ряде убийств с целью поедания человеческого мяса, а также в преступлениях о поедании трупного мяса участвовали целые группы лиц. В отдельных случаях лица, совершавшие подобные преступления, не только сами поедали трупное мясо, но и продавали его другим гражданам...

... Из общего количества привлеченных к уголовной ответственности по указанной категории дел коренных жителей города Ленинграда (уроженцев) — 131 чел. (14,7 %). Остальные 755 чел. (85,3 %) прибыли в Ленинград в различное время. Из 886 чел., привлеченных к уголовной ответственности, только 18 чел. имели в прошлом судимости.¹

Псевдо-исторические кадры. Вполне сытые партийные работники, заседают. Заседание ведет зам. Жданова А.А. Кузнецов.

ГНС: при таком отчаянном положении населения партийный аппарат в целом не бедствовал: партийные и советские органы, даже на низовом уровне тягот голода в дни блокады на себе практи-

26 Источник - Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов, п.р. Н.Л Волковского, Изд-во «Полигон» 2005 г. с 679.

чески не ощущали. Более того, получение в блокадном Ленинграде сотрудниками Смольного и руководителями среднего партийного звена немислимых для простых горожан даже по меркам мирного времени продуктов: шоколада, зернистой икры, консервов, папирос и т.д. не считалось зазорным. Надо сказать, что в руководстве парторганизации это понимали, но не всегда вовремя предпринимали необходимые действия.

Прямая речь Кузнецова

Кузнецов: Я призываю партийный актив войти в положение граждан города, которые были подвержены серьезным психологически перегрузкам. Подчеркиваю, что проблемы быта не столь остры для партийных функционеров, ведь мы и лучше кушаем, спим в тепле, и белье нам выстирают и выгладят, и при свете мы². В трудных условиях снабжения продовольствием отдельные члены и кандидаты в члены партии не только не вели решительной борьбы со спекулянтами и мародерами, но и сами использовали эти трудности в целях личной наживы. Считаю недопустимым либеральное отношение к выявленным случаям спекуляций продовольствием, как со стороны правоохранительных органов, так и органов судебной власти.

Опять сцена переходит в режим псевдо-исторических кадров. Кузнецов продолжает выступать, камера показывает лица партактива (не всегда обремененные интеллектом и порядочностью). Далее показывают Кубаткина – начальника УНКВ, присутствующего на том же заседании. (фото – ниже). Рефреном голос Николая в старости.

ГНС: надо сказать, что товарищ Кузнецов, как, кстати говоря, и назначенный в августе 1941 года начальником УНКВД Петр Николаевич Кубаткин были одними из немногих, кто в полной мере осознавал всю серьезность положения, и кому мы обязаны тем, что удержать ситуацию в тылу все же удалось. Хотя за годы блокады в центральный аппарат НКВД с Литейного ушло столько негативной информации о ленинградских руководителях и об отношении к ним горожан, что их с лихвой хватило бы на десять «ленинградских дел». Горькая ирония судьбы заключается в том, что

в ходе «ленинградского дела» они оба были расстреляны в 1950 году, равно как и многие другие работники ленинградского обкома партии и УНКВД.

Псевдо-исторические кадры. Георгий Жуков проводит заседание штаба Ленинградского фронта. Рефреном голос Николая в старости

ГНС: если говорить о фронте, то сказать, что осенью 1941 года положение было тревожное – это ничего не сказать. Бездарное руководство Ворошилова и общая слабая дисциплина в войсках привели к росту пораженческих настроений. Были зафиксированы случаи «братания» и перехода на сторону противника. В частности, ряда военнослужащих второй роты 289-го артиллерийско-пулеметного батальона 168-й стрелковой дивизии, дислоцированной в Слуцко-Колпинском укрепрайоне. В этих условиях необходимо было принимать самые решительные и жесткие меры, и назначенный вместо Ворошилова Жуков это сделал.

Стоп-Кадр - цитата

Приказ военного совета ЛенФронта

5 октября 1941 г.

«...б) по всем изменникам, пытавшимся совершить предательство, завязывать переговоры с противником и перейти на сторону врага, открывать огонь без всякого предупреждения и уничтожать всеми средствами,

7) командиров и комиссаров подразделений, в которых будут иметь место предательское «братание» и измена, арестовывать и предавать суду военного трибунала,

8) ОО НКВД Ленфронта немедленно принять меры к аресту и преданию суду членов семей изменников родины...

13) все, кто попустительствует предателям и изменникам, будут беспощадно уничтожаться как пособники врага»

Псевдо-исторические кадры. Георгий Жуков осматривает позиции. В составе его сопровождающих – начальник ОО НКВД Ленфронта Куприн (фото ниже) и немного на втором плане – Николай. Рефреном – голос Николая в старости

ГНС: Разумеется, это было незаконно, выходило за пределы компетенции командующего фронтом и тому подобное. И вообще по методам напоминало «ежовщину». Но разница была в том, что ни у кого из исполнителей не возникало сомнения в целесообразности такого шага. За несколько дней до директивы Жукова, аналогичный приказ был издан Политуправлением Балтфлота. Более того, многое из того, что впервые было использовано на Ленфронте, впоследствии применялось на других фронтах, в частности, в ходе Сталинградской битвы. Цель была ясна и прозрачна – обеспечить дисциплину в войсках. Все для фронта, все для победы! Были четкие критерии истины, не надо было ничего выдумывать. Именно поэтому мне легко работалось в трибунале особого отдела НКВД Ленинградского фронта, куда меня направили в октябре 1941 года и в котором я прослужил всю войну, закончив её в Риге.

Сцена 44: Коньки.

Конец января 1942 года. Николай приезжает в город на побывку к семье. Входит во двор, там дворники складывают «бесхозные» трупы. Николай проходит через парадное поднимается по лестнице. Откуда-то слышно как играет музыка песни «Синий платочек». Стучит в дверь. Ему открывает Нина

Николай: Привет! Ну что вы там заснули? *(обнимает жену)*

Нина: Здравствуй, что же ты не предупредил? *(в комнату)*
Папа приехал!

Выбегают Мишка и Соня. Лезут обниматься.

Соня: Пап ты привез чего-нибудь?

Николай: конечно. Але-ап *(достает небольшой кулек с конфетами. Дети радостно разбирают конфеты)*. Но это еще не всё. Внимание! *(развязывает вещмешок и высыпает на пол не-*

сколько пар коньков.)

Николай (*обращаясь к Мишке*):
Тая с Вадиком выходят?

Мишка: да позавчера были.

Николай (*торжественно*): тогда объявляю всесоюзный турнир по катанию на коньках открытым. Четная сторона набережной Фон-

танки против нечетной. Все на каток пока налет опять не начался. А я прибуду через полчаса и ... (*делает паузу, достает из-за пазухи фотоаппарат*) будем фотографировать участников.

Дети радостно идут одеваться. Соня даже негромко визжит от восторга. Николай обнимает Нину.

Николай: ну здравствуй (*целует Нину. Нина напряженно молчит*) Ну что такое?

Нина (*еле сдерживаясь*): я думала, ты поесть принесешь. Мы тут опухли уже с голоду. А ты коньки эти ...

Николай (*вздыхает, терпеливо говорит, сдерживая эмоции*): Нинка пойми, ну никак. Думаешь, мне жалко вам?! Просто ... я только позавчера троих к стенке поставил за мешочничество и пораженческие настроения.

Нина: а вот Францевне муж масло привез, сахар и мясо позавчера. Она хвасталась, да и пахло на лестнице.

Николай: Францевна ... это которая в пальто таком, с желтым мехом?

Нина: да.

Николай: ну так я тебе расскажу. Меня от управления милиция почти до дома подвезла – у них вызов в наш район был. Ножом пырнули её у цирка час назад. Вон кстати, повезли уже (*показывает рукой в окно. Нина смотрит. Там на тележке мимо их окон по набережной везут женщину лицо накрыто покрывалом. Из под покрывала виден желтый воротник пальто*). Пошла менять наверняка сахар свой. Вот так и подумаешь сто раз. Я, к сожалению, не могу вам обеспечить охрану как у Жданова. А не зарежут, так арестуют ещё.

Нина (*не выдерживает плачет*): Коль, а я не могу видеть овес этот. И варишь его, тряпками все щели затыкаешь, трясешься со

страху – вдруг кто узнает. С ума схожу тут (*рыдает сильнее*)

Николай (*глядит жену по голове*): ну-ну, успокойся, что ты. Может все же эвакуировать вас? В хлебный город Ташкент? Пока по льду дорога есть.

Нина (*всхлипывает*): нет, Коль, без тебя не поеду. Там дорога непредсказуемая, да и не к кому ехать-то.

Николай: тоже верно. Где спокойнее теперь и не понять. Но не грусти Нинка, мне кажется, что скоро все пойдет на поправку. Обещали с марта нам в конторе пайки вернуть и приравнять к Смольному³. Да и снабжение налаживается кое-как. Овса то осталось ещё?

Нина: на месяц-другой ещё хватит. Снабжение снабжением, а бомбят с каждым днем все сильнее. Там на фронте что слышно то?

Николай: да крепко завязли. И мы и они. По правде сказать, потери большие, но продвижения нет. Мы высунемся с десантом – нас покروشат в винегрет, они полезут – та же история. Но я думаю, город не взять им. Чутье, понимаешь. Меня оно редко подводит.

Нина вздыхает

Николай: ты на улицу не хочешь? Я пойду пофоткаю Мишку с Соней. Обещал.

Нина: иди, я тут ещё по хозяйству.

Николай выходит из комнаты. Нина садится у окна и тихо плачет. В окно видно как катаются по замерзшей Фонтанке. Четверо катаются еще несколько человек стоят смотрят. Предположительное место – см. фото, у

стоянки катеров.

Далее камера приближается к катающимся детям. Они одеты примерно так (см. фото)

Дети веселятся, смеются, хотя вид у всех изможденный. Катаются с трудом, поскольку

28 в Ленинградском УНКВД спецпайки с началом войны сохранились только для высшего руководящего состава а для райотделов были отменены и снова введены только весной 1942 года

многие от голода не могут шевелиться. Нина смотрит из окна на мужа и детей. Николай щелкает фотоаппаратом, и каждое детское лицо фиксируется стоп-кадром. Рефреном звучит голос Нины.

Стоп-кадр №1: Вадик. 12 лет – катается на коньках

Нина: Как и многие другие ленинградские школьники помогал рыть окопы осенью 1941 и весной 1942 года. Погиб при артобстреле в конце марта 1942 года

Стоп-кадр №2: Тая (сестра Вадика). 9 лет – катается на коньках.

Нина: После гибели брата почти сразу же умерла младшая сестра

Таи, а в апреле 1942 года и мама. Два дня они лежали в соседних комнатах – Тая так ослабла, что не могла двигаться. Слава богу, их зашла проведать соседка и тем самым спасла Таю. Её выносили и эвакуировали летом 1942 года. После войны она вернулась в город к бабушке.

Стоп-кадр №3: трое ребят дошкольного возраста – стоят рядом и смотрят.

Нина: Игорек, Лешка и Машка – дошкольная мелкота с нашего двора. Летом 1942 детский сад в который они ходили попала авиабомба. Лешку и Машку убило на месте, Игорьку оторвало ногу. Его эвакуировали на большую землю в сентябре 1942 года. Его мама и бабушка с дедушкой умерли в конце 1942 года, а отец выжил и вернулся с фронта в конце 1944 года, также без одной ноги. Снова женился через год. Что стало с Игорьком, я точно не знаю, равно как и то: искал ли его отец или нет.

Стоп-кадр №4: Лиза – 10 или 11 лет. Стоит рядом и смотрит.

Нина: Лизка родилась в рубашке. В дом, где она жила, два раза попадали снаряды, но она осталась жива. Той же зимой 1942 года ее чуть не съели: ударили, у нее осталась на голове большая рана, но она каким-то чудом вырвалась от этих людей и сумела убежать. Но

Лизка не теряла оптимизма: каждый день ходила в школу, в библиотеку, а с 1943 года - в технический кружок, во дворец пионеров и на гимнастику. Примерно тогда войны Мишка отдал ей две пары тех самых коньков. Она выжила.

Стоп-кадр №5: дети Николая и Нины - Мишка и Соня.

Нина: У нас обошлось без смертей. Коле действительно выпи-сали в марте усиленный паёк, он договорился, что мне его оставляли в Управлении и голод нам по большому счету не угрожал. Сложно было с дровами, так как электричество и отопление восстановили только в 1944 году, но мы справились. Мишка рос ответственным, и очень мне помогал. Соню отдали в школу – они тогда работали круглогодично и там давали какое-никакое, но регулярное питание. Одним словом, бог миловал! Хотя Коля всегда ругался на меня, когда я поминала бога. Говорил, что жене коммуниста не следует бога помянуть.

Далее идут кадры: Николай выходит из дома. Во дворе грузовик – на него грузят «бесхозные» трупы. Николай мельком смотрит на грузовик и выходит на набережную Фонтанки. Идет в сторону Невского проспекта. Рефреном голос Николая в старости

ГНС: Шок от блокады вытеснил из памяти многих ленинградцев и страхи «большого террора» и все прочие события мирного времени. Вообще война многое поменяла – весь советский народ за короткое время стал другим. Это, в частности, было очень заметно в изменении характера дел, которые разбирались в трибунале.

Сцена 45: Трибунал.

Псевдо-исторические кадры. Николай разбирает дела в составе трибунала. Он председатель. Рефреном голос Николая в старости.

В каждой дивизии, корпусе, армии и фронте существовала трех-элементная система карательных органов: Особый отдел НКВД, военная прокуратура и военный трибунал.

Особый отдел ведал делами, связанными с «политикой» изменой родине, шпионажем, контрреволюционной деятельностью. Военная прокуратура вела следствие по общеуголовным и воинским преступлениям (дезертирство, мародерство и т.д.), совершаемым военнослужащими. Формально военной прокуратуре вменялся надзор за ведением следствия особыми отделами НКВД, но по факту чаще всего они имели

«пакт о ненападении» - военные не лезли в огород НКВД и наоборот.

Военный трибунал выполнял функции гражданского суда – рассматривал законченные следствием дела и выносил приговоры. Тройки военного трибунала обычно старались формировать в смешанном составе – один прокурор двое сотрудников НКВД или наоборот. В целом за годы войны военными трибуналами было осуждено почти 3 млн. человек, из них почти 1,6 млн. за 1942 и 1943 год⁴. Деятельность всех особых отделов и военных трибуналов жестко контролировалась из Москвы по линии НКВД. Как результат – очень быстро появились пресловутые «нормативы», в основном касавшиеся сроков расследования и качества следствия. Срок расследования свыше 10-дневной считался большим. Качество следствия оценивалось по числу оправдательных приговоров: хорошей работой считалось отсутствие оправдательных приговоров вообще. Соответственно приговоры, особенно по шпионским и контрреволюционным делам выносились зачастую без должного рассмотрения всех обстоятельств дела, показания либо выбивались, либо фальсифицировались с помощью сексотов.

Исторические или псевдо-исторические кадры. Военные действия 55 армии. Рефреном голос Николая в старости.

ГНС: я состоял в военном трибунале 55-ой, а потом 67-ой армии, входивших в состав Ленинградского фронта и дислоцировавшихся на одном из самых сложных участков в районе реки Мги, где в течение 1941-1943 годов предпринималось как минимум три крупные попытки прорыва блокады⁵. Армию каждый раз пополняли ввиду огромных потерь которые мы несли, и потому для «выдумывания» шпионов и обеспечения должного количества арестов для того чтобы «было видно работу» ни времени ни необходимости просто не было. К сожалению 55 армия очень долго лидировала по числу дезертиров и «братанию» с противником. Мы были завалены реальными делами.

Псевдо-исторические кадры. Члены трибунала изучают директивы ГКО и НКВД.

ГНС: Кроме того, мне повезло с помощниками. Военюрист Ха-

29 Источники - <http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0239/tema03.php>

30 Любанская операция – январь 1942 года, Усть-Тосненская операция – август-сентябрь 1942 года, Мгинская операция - август 1943 года.

чатурян и старший лейтенант ГЪ Котов оказались людьми вменяемыми и опытными. Мы нашли общий язык с первых минут знакомства, практически при этом ничего не сказав друг другу. Такая привычка, так или иначе, выработалась у всех, кто пережил «большой террор».

Прямая речь Николая. Двое членов трибунала в финале одобрительно кивают.

Николай: ну что же, товарищи, вопрос яснее ясного. Мы должны усилить бдительность в части борьбы с пораженческими настроениями и контрреволюционно агитацией, как того требует партия и государственный комитет обороты. Но, подчеркиваю, при этом в своих решениях учитывать специфику обстановки и потребность в комплектовании армии личным составом. Задача непростая, но мы, как честные коммунисты и патриоты своей страны, найдем способ её решения.

Псевдо-исторические кадры. Трибунал заседает. Перед ним друга друга сменяют осужденные. Рефреном голос Николая в старости.

ГНС: на практике это означало следующее. Мы выносили смертные приговоры умеренно, стараясь не подставляться и держаться ближе к середине списка по их количеству. Одновременно с этим, мы вообще не выносили оправдательных приговоров. Если дело было сомнительно, то давали срок и одновременно применяли примечание 2 к ст. 28 УК РСФСР, которое позволяло освобождать от отбывания наказания осужденных солдат и офицеров, энергично проявивших себя в боевых действиях. Как правило, это делалось публично и потому давало большой эффект: и с точки зрения боевого духа в войсках, и с точки зрения отчетности перед начальством: и план был выполнен и в то же время судимость снята. Да и с особистами нам в целом повезло. У нас в принципе не могло возникнуть таких ситуаций, как на Южном фронте в 1942 году, когда осудили на 10 лет лагерей старшего офицера, только за то, что он рассказал, как учился с Буденным в академии и видел, как тот не осилил десятичные дроби. Хотя примечательных случаев тоже хватало.

Псевдо-исторические кадры. Дублируют рассказ Николая

ГНС: Летом 1942 года к нам поступил обвиняемый сержант Иван Мясников, проживавший с 1933 года в Ленинграде. В октябре 1941 года он уговорил свою беременную жену, находившуюся на

седьмом месяце, эвакуироваться из города к своим родственникам в Кировскую область. Однако, те, по её словам, невзирая на её положение, отказали ей даже в ночлеге. И она вскочила в первый эшелон, идущий за Урал, а там оказались депортируемые этнические немцы, без всякой охраны, праздно шатающиеся по вагонам. Изрядно «приняв на грудь» они на ходу выкинули ее из поезда в сугроб. Сколько могла она прошла по пояс в снегу, а затем просто села и уснула. Спас ее один местный житель, который нашел её и приютил у себя дома. Там-то она и родила ребенка и известила об этом своего мужа. Тот на радостях приехал (командир дал отпуск), а когда узнал о её злоключениях пошел к своим родственникам и набил морду главе семьи, выбив ему четыре зуба, и еще некоторое время гонял жену главы семьи по поселку. После чего отбыл в расположение своей воинской части. И все бы ничего, но глава семьи оказался зам. прокурора района. Решив отомстить, он раздул из этого политическое дело: якобы обвиняемый поносил товарища Сталина, выражал сомнение в победе над фашизмом, ну и все в таком духе. Мужика естественно посадили, но сделали это уже у нас и это его спасло. Во фронтовой неразберихе пока к нам шли бумаги, пока следователи выясняли подробности дела, ту самую жену родственника-прокурора поймали на спекуляции продуктами, и таким образом, её показания стало возможным поставить под сомнение. Тогда мы со спокойной совестью переквалифицировали дело из политического в уголовное, и направили сержанта в штрафную роту. Из которой через год он вышел уже с медалью «за Отвагу» и снятой судимостью. Поскольку, пойдя в разведку, уже набил морду кому нужно и, кроме того, взял важного языка. Но, конечно, далеко не у всех судьба складывалась столь удачным образом.

Псевдо-исторические кадры. Перед трибуналом стоит бывший в немецком плену офицер. Рефреном голос Николая в старости.

ГНС: Практически не имели шансов избежать расстрела или длительного срока заключения, побывавшие в плену и выдавшие военную тайну. Под военной тайной понималась не только информация о дислокации наших войск, но и номер части (который строго говоря, был указан в солдатском медальоне или офицерской книжке), данные о том, откуда человек призван, где служил ранее и т.д. То

есть если пленный в принципе отвечал на допросе на общие вопросы следователя, он был практически обречен, потому что была служебная директива за подписью Берии рассматривать любые контакты с немцами как проявление шпионажа. В реальности это означало, что у пленного было два пути: либо закончить жизнь самоубийством, либо согласиться на сотрудничество с немцами.

Стоп-кадр. Генерал Власов. Важно показать кадры совместно – где он весь в орденах и где уже с немцами. Например вот так.

Рефреном голос Николая в старости.

ГНС: Этим кстати активно пользовался генерал Власов, который в бытность свою в 1937 году членом трибунала в том числе и Ленинградского военного округа прекрасно знал специфику работы карательных органов. Поэтому

когда в июне-июле 1942 года вторая ударная армия под его командованием попала в окружение, и генерала взяли в плен (выдал его, к слову, местный житель, к которому он обратился в поисках продовольствия)

он выбрал жизнь в обмен на предательство. Кстати сказать, особый отдел Волховского фронта после окружения второй ударной армии и измены Власова подвергся серьезной чистке.

Псевдо-исторические кадры. Перед трибуналом стоит девушка. Кадры иллюстрируют рассказ Николая.

ГНС: Из многих дел по измене родины было одно, которое мне особенно запомнилось. Ольга Печерская, девушка двадцати — двадцати двух лет. Была военнослужащей Советской Армии, должность ее уже не помню. Она обвинялась в том, что, находясь в плену, была завербована немецкой разведкой для ведения шпионажа в тылу Советской Армии. Рассказывала романтическую историю, как в плену влюбилась в немецкого офицера Эрнста и он учил ее шифру. Признавала, что дала подписку сотрудничать с немецкой разведкой. Она

производила странное впечатление. Говорила эмоционально, особенно когда речь шла о любви. Но о своей деятельности в качестве агента ничего конкретного сказать не могла. При этом кокетничала с секретарем нашего трибунала, интересовалась сколько ему лет, говорила какие у него выразительные глаза и тому подобное. Он рассказал, что когда мы ушли на небольшой перерыв, она оживленно говорила с ним о литературе, что любит Тургенева, громко, с энтузиазмом называла его романы. А через несколько минут, когда трибунал ей предоставил последнее слово, она сказала со слезами: «Я больная, несчастная. Прошу меня оправдать». В общем, она была, очевидно, душевно нездорова: в конце 30-х годов и в первые дни войны на почве шпиономании и всеобщей подозрительности были достаточно широко распространены психозы, когда больные представляли себя агентами вражеских разведок. В мирное время её следовало бы отправить на психиатрическую экспертизу, но в условиях военного времени никто с этим связываться, конечно же, не стал. Расстреляли, и как говорится, шило в стенку⁶.

Николай в старости в своем особняке в Петергофе. Листает альбом. Фото сотрудников Особого Отдела Ленфронта

ГНС: Про произвол в трибуналах и тогда говорили, и теперь говорят много всякого. В основном, конечно, те, кого осудили и их родственники. Это легко объяснимо – 99% преступников себя виноватыми не признают, если конечно их как следует перед этим не допросить. Но если попытаться вникнуть в ситуацию с профессиональной точки зрения, то вывод будет очень простой. В условиях военного времени и отсутствия объективной возможности проводить следственные действия какое-то количество ошибок и фальсификаций будет всегда. Наверняка и следователи не всегда были объективны и профессиональны, и вопрос с военнопленными мы должны были решать исходя из директив начальства, которые были далеки не только от гуманизма, но зачастую и от здравого смысла. Но можно подумать, что современный суд кристально чист в этом отношении?! Заверяю: ничуть не бывало! Но я себе в заслугу ставлю другое: мы не допускали очевидного «липачества». Коего хватало особенно на

31 Шило в стенку – жаргонное выражение в спецслужбах, означающее, что дело закончено и закрыто. Шилом прокалывались дырки для помещения бумаг в скоросшиватель, а после использования обычно втыкали в панель на стене рядом с рабочим местом следователя, наподобие подушечки для иглолок.

Южном фронте, где большинство сотрудников было «северокавказцами». Речь тут вовсе не о национальности – под «мудрым» руководством тамошних начальников оперативники абсолютно всех национальностей рано или поздно начинали вести себя одинаково. Я достоверно знаю о нескольких примерах просто вопиющего непрофессионализма, которые обсуждались у нас в Особом отделе фронта

Псевдо-исторические кадры. Дело Курбатова. Дублируют рассказ Николая

ГНС: пример первый — дело кавказца Курбатова. Рядовой Курбатов обвинялся в террористическом акте против своего командира: он якобы угрожал командиру расправой, а эти действия тогда квалифицировались как теракт. На заседании военного трибунала обнаружилось, что подсудимый не знает русского языка, тогда нашли переводчика. Предъявленное обвинение Курбатов категорически отрицал. Свидетели не были вызваны в суд. Суд огласил показания свидетелей на предварительном следствии, но подсудимый заявил, что он этих людей в глаза не видел. Члены суда растерялись, обратились к повторному изучению дела, стали читать каждый его лист. И вот обнаружили в деле акт, согласно которому некий боец по фамилии Курбатов, находившийся под следствием, бежал из-под стражи. Очевидно, что представшего перед судом однофамильца арестовали незаконно, он был невиновен. Но это не смутило следователя и надзиравшего за соблюдением законности прокурора. Разумеется, все показания из Курбатова выбили, но меня удивляет другое: каким же надо быть головоотяпом, чтобы оставить в деле акт о побеге другого Курбатова из-под стражи, подозреваемого в государственном преступлении?

Псевдо-исторические кадры. Дело Луцук. Дублируют рассказ Николая

ГНС: пример номер два. Отличился особый отдел 58-й армии. Луцук, командир стрелкового батальона, украинец, боевой офицер, обвинялся в рукоприкладстве: ударил одного нерадивого бойца, который вел себя вызывающе и не выполнял приказаний. Еще он обвинялся в том, что якобы отдал своим подчиненным приказ расстреливать узбеков в надежде, что в результате таких потерь батальон

направят в тыл на переформирование. Факт рукоприкладства сомнений не вызывал, но запросив национальный состав батальона, судьи обнаружили, что в нем было всего четверо узбеков и за последнее время пострадал только один боец, обварившись кипятком при несении дежурства по полевой кухне. Свидетелей отдачи приказа расстреливать узбеков также выявлено не было, за исключением военфельдшера (!), который якобы получил приказ Луцюка по телефону. В итоге военный трибунал разобрался и признал Луцюка виновным только в рукоприкладстве и осудил его за злоупотребление служебным положением (193-17, п. а УК РСФСР) к лишению свободы с отсрочкой исполнения приговора.

Псевдо-исторические кадры. Дело Шифмана. Дублируют рассказ Николая

ГНС: Старший лейтенант Шифман был политруком армейской полевой почты. Там работали в основном девушки, призванные в армию. То ли они с особистом баб не поделили, то ли наоборот, бабы не поделил между собой Шифмана, но на него пришел донос в Особый отдел армии, в котором он обвинялся в антисоветской агитации (58-10, ч. 2 УК РСФСР). Политрук отрицал обвинение, но признал, что в частном разговоре сообщил некоторые факты об извращении политики партии в области коллективизации в 30-х годах, об отдельных восстаниях крестьян против коллективизации, в подавлении которых участвовал якобы С. М. Буденный. Приговор трибунала был суров: восемь лет ИТЛ с поражением в политических правах.

Но Шифман не будь дурак, написал апелляцию. Хотя апелляции на решения трибунала по закону не рассматривались вообще, но каким-то образом она попала в особый отдел фронта и её вдумчиво прочитали. А в апелляции было сказано, что все говоримое Шифманом можно было прочитать в “Кратком курсе истории ВКП(б)”, и соответственно армейский трибунал поставил под сомнение генеральную линию партии, ну и все в таком духе. Это могло плохо закончиться уже для самого начальства трибунала фронта, поэтому пиздюлей и особистам, и армейскому трибуналу взвесили исключительных. Шифману же выразили в частном порядке устную благодарность, но приговор оставили в силе.

Николай в старости листает альбом с фотографиями и вдруг из-за обложки выпадает маленькая карточка. Это Нина, её фото от 1945 года

Как пример – реальный прототип

Николай (*удивленно и злобно*): О, это ж Нинка! Сколько лет, сколько зим. Как она тут оказалась, интересно?

Берет фотографию, разрывает на мелкие части и выходит из комнаты, чтобы выбросить куски фото.

Сцена 46: Николай и Нина. Последний разговор.

Титры: конец марта 1946 года. Ленинград.

Николай открывает дверь квартиры своим ключом. Раздевается в прихожей, проходит в комнату, потом в кухню. На кухне Нина и домработница, готовят ужин.

Николай (*громко*): Здравствуйте товарищи!

Нина (*взрагивая*): Ой, привет. Не могу привыкнуть к твоим штучкам.

Николай (*смеется*): Бдительность терять не надо потому что. А мы как всегда зашли сзади! Есть дадут?

Нина: да, через минуту все готово. Иди руки мой!

Николай: иду. (*идет в ванную и продолжает говорить*). Нинка, по-моему, лед тронулся. Сегодня имел беседу с Кубаткиным. Прямо спросил, почему мне полковника ГБ не присваивают. Сказал – не хочу. Но при этом говорит: если хочешь, выдвинем тебя в Эстонию или Латвию (*выходит из ванной комнаты, вместе идут с Ниной в столовую*), там быстрее присвоят. Хоть честно, и на том спасибо. Я согласился.

Нина: а почему не хочет?

Николай (*ест и в перерывах разговаривает*): кланы, Нинка кланы. Я, понимаешь ли, ничей. Не свой ни для кого. Медведь считал меня человеком Ягоды, Заковский – «гулаговцем», потом считали «ежовцем». Ну и так далее. Придаться по службе вроде не к чему, так это еще больше злит. Поэтому как говорится «отношения не сложились». Но надо сказать Петр Николаич специалист отличный. Что

вдвойне обидно – работать бы вместе. Но у него свои выдвиненцы – понять можно. Так что в Эстонию, наверное, либо в Латвию двинемся. Латыши – это моё проклятье.

Нина: а мы как же?

Николай: я думаю, с места срываться сейчас точно не стоит. Там, во-первых, ещё постреливают. «Лесные братья» и прочее. А во-вторых, по сравнению с Ленинградом деревня там, что уж говорить. С тоски сдохнешь. А Мишке поступать скоро, да и Сонька не успеешь оглянуться, как вырастет. Там на пенсии хорошо отдыхать. Разумеется, когда с фашистскими недобитками вопрос решим.

Нина: ясно (*встает, подходит к окну*) значит мы тут опять одни.

Николай: ну что ты нос повесила? (*шутливо*) Немедленно отставить пораженческие настроения! (*более серьезно*) Нормально все будет, Нин. Надо поднапрячься еще пару-тройку лет.

Нина: тоскливо мне Коль, живем вроде не тужим, но ... как то не по-людски. Вчера к тетке ходила на Охту – она одна из родственников и осталась. Губы жмет – ни поговорить, ни вообще.

Николай: ну она не любит меня, что уж там. И на тебя это переносит. Забывает только, что если бы не я она бы уже отдыхала в ГУЛАГе, а то и на том свете вернее всего. Не обращай внимания.

Нина: Ну да. Как ты говоришь, классовые противоречия.

Николай: во-во! Только это Маркс и Ленин говорят, но я с ним полностью согласен. (*начинает есть*)

Нина (*внезапно*): кстати, Коль, я всё хотела тебя спросить. Помнишь к нам ходил Андрей, Андрей Борисыч. Кларнетист, моего старшего брата друг.

Николай: как не помнить! Помню, конечно.

Нина: А что с ним стало, ты не знаешь? Мне кто-то сказал, что ему 10 лет дали.

Николай (*перестав жевать*): Не, Нинк, ему не 10 лет дали. Ему 58-ю дали. Правотроцкистский фашистский заговор. Ваня Мордюков покойный дело оформлял. А я при этом присутствовал. И в исполнение привели тогда же. Это просто говорится так ...

Нина (*бледнеет, покачивается, делает несколько неуверенных мелких шагов так как будто потеряла зрение*): ты ... ты ... (*падает*)

Николай (*вскакивает*): Нин, ты чего? (*подбегает к Нине, наклоняется, держит Нину на руках*) С ума сошла, мать?! Что с тобой?!

Нина (*смотрит на Николая мутным взглядом, хрипит, говорит чуть слышно*): упырь чертов! В аду гореть тебе! Убийца! (*теряет сознание*)

Николай: блядь, да что происходит? (*кричит домработнице*) Люба, ты где! Беги быстро за скорой!

Картинка переходит в режим псевдо-исторических кадров. В комнату вбегают домработница, охает, потом бежит одеваться. Николай что-то говорит ей по дороге, укладывает Нину на диван. Потом приходит врач все суетятся вокруг Нины. Николай идет звонить врачам, встревожено говорит по телефону

Рефреном голос Николая в старости.

ГНС: честно говоря, я вообще не вполне понял, что Нинка тогда сказала, а уж на свой счет точно не принял. От волнения что называется «замкнуло». Люба вызвала врача, тот быстро пришел, сделал укол, к Нине вроде бы вернулось в сознание, но говорить не могла. Мы уложили её на диван. Я со своей стороны побежал звонить профессорам. Словом, во всей этой суете упустил самое важное.

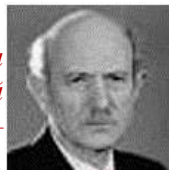
Сцена 47: Консилиум.

Псевдо-исторические кадры: в той же комнате на следующий день проходит консилиум. Присутствуют два профессора (как пример обобщенного образа)

*Гаршин
Владимир
Георгиевич –
1-ый Лен. Мед.*

*Гериуни
Григорий
Викторович –
2-ой Лен. мед.*

Рефреном – голос Николая в старости.

ГНС: Профессора пришли на следующее утро. Смотрели Нину не так чтобы долго, но внимательно. Диагноз не заставил себя ждать.

Во время следующего диалога камера последовательно дает крупный план лиц Профессоров, Николая, Мишки (ему уже 16 лет),

который стоит в комнате поодаль и внимательно слушает, а также Сони, которую не пустили в комнату и она подсматривает из-за дверей.

1-ый Профессор: Ну что же Николай Петрович, у Нины Алексеевны инсульт и это серьезно. Но не все так плохо: через пару-тройку недель она сможет сама ходить. Хотя уже прежней, конечно, никогда не станет. Да ... Но шансы на восстановление хорошие. В будущем будет частично обслуживать себя, но дом не сможет, нужна будет домработница.

Николай: у нас есть домработница.

1-ый Профессор: ну тогда первое время еще и сиделка. Но опасности для жизни нет, прогноз благоприятный. В больницу её не надо, там тем более все равно мест очень мало. Можно на дом вызывать сестру на уколы.

2-ой - Профессор: После уколов вам в целях реабилитации её хорошо бы в санаторий. В Крым в Гурзуф, например, было бы идеально. Правда, после войны возможно там пока еще не всё восстановили. Или хотя бы на Балтику у нас где-нибудь. Хотя конечно юг предпочтительнее.

Николай: Спасибо товарищи. Насчет санатория подумаю. А так будем лечиться. *(протягивает деньги)*. Это за консультацию.

1-ый Профессор: Спасибо. До свидания. Рецепты не забудьте. И если что – звоните обязательно.

Николай: Разумеется. До свидания!

Профессора прощаются и уходят. Мишка и Люба их провожают. Николай остается один в комнате и смотрит на Нину, лежащую на диване. Он смотрит как бы сквозь неё, невидящим взглядом как на Лиду в сцене 15. Возвращается Мишка

Мишка *(взволнованно)*: Пап, я вообще с Алешкой договорился на Стрельню к нему сегодня ехать с ночевкой. Но если надо, я не поеду.

Николай *(спокойно)*: Договорился так езжай. Чем ты сможешь тут? Люба посидит если что, да и я пока что в городе. Возьму отгул, в крайнем случае.

Мишка: а может маму все-таки в больницу?

Николай: может то оно может, только слышал, что профессор сказал? Все либо разбомблены, либо переполнены. Не бери в голову

– это моя забота. Сегодня-завтра решим что делать. У тебя каникулы когда заканчиваются?

Мишка: послезавтра

Николай: ну вот и езжай, а потом подменишь меня, приглядишь тут. Я уеду возможно скоро. (*задумчиво*) Пришла беда, отворяй ворота – такие вот дела Мишаня (*похлопывает сына по плечу*). Ничего-ничего, где наша не пропадала! Собирайся, иди.

Мишка уходит. Николай все также странно смотрит на Нину.

Сцена 48: Найденное письмо. Николай выбрасывает Нину.

Вечер того же дня. Николай сидит за столом в комнате, курит. Играется с курочками. Играет мелодия песни «Ты больная с постели вставала». Наконец, Николай встает, убирает курочек в комод. На комодѣ стоит шкатулка Нины, в которой она хранит драгоценности. Николай хочет спрятать свою обгорелую игрушку, берет в руки шкатулку чтобы переставить её на другую полку и вдруг неожиданно её роняет. Шкатулка падает и в числе прочего открывается потайной ящичек, из которого торчит клочок бумаги. Николай, поднимает шкатулку, достает бумагу – это оказывается письмо Нине, которое ей написал Андрей перед самым арестом.

Николай: вот так так! Ничего себе!

Садится к столу, читает записку. Стоп кадр – портреты Нины и Андрея. Рефреном голос Андрея – читает текст записки.

Любимая моя Нина!

Я пишу это в ожидании ареста. Не могу сказать, отчего у меня есть такая уверенность, но мне кажется, что на свободе осталось провести дни или даже часы. Я оставляю это письмо у своего друга, наверное, последнего человека сохранившего мужество и честь в Петербурге (не хочется писать Ленинград), в самом крайнем случае он сможет доставить тебе письмо, минуя почту и всякую прочую цензуру. Если ты его читаешь, значит меня тоже взяли. Ибо приезжают за всеми – соседями, коллегами по оркестру, друзьями, врагами. «Защита» которую обещал мне твой муж еще действует, но мне кажется, что скоро

это закончится. Я ничего не могу с этим поделаться и просто жду своего часа, как сотни и тысячи других людей. Мне совсем не страшно будет снова оказаться в лагере и даже умереть, если я буду точно знать, что с тобой все в порядке, что этот человек действительно тебя никогда не обидит и будет всегда защищать, как по твоим словам делал до этих пор. Мне также хочется верить, что наш ребенок (я помню, как ты это сказала – наш ребенок. Не его, а наш – твой и мой) вырастет счастливым и никогда не будет испытывать тех тягот и лишений, которые выпали на нашу долю. Знай, что я люблю тебя, и всегда буду помнить о тебе. До самой смерти и даже после неё.

Твой Андрей

31 октября 1937 года.

Снова Николай за столом. Он в ярости сжимает кулаки, в одной руке у него оказывается его игрушка, она ломается на части. Николай резко встает, идет в комнату, где лежит Нина. Рыском открывает дверь – там сидит домработница и возле нее вертится Соня.

Николай берет себя в руки.

Николай: Любаш, ты если хочешь, иди домой⁷. Я посижу тут с Ниной Алексеевной.

Люба: Спасибо (*собирается уходить*).

Соня: Пап, а можно я пойду ночевать с Любой? Мне страшно – Мишка уехал, мама как неживая лежит. Или с тобой.

Николай (*натянута улыбается*): Доча, знаешь, я спать что-то пока не могу. И еще буду много курить, и храпеть ночью. Так что ты лучше с Любой, если она конечно тебя с собой возьмет.

Соня: возьмет-возьмет! Правда, Люба?

Люба (*улыбается*): Ну, пошли, если ты такая трусиха.

Соня: Сейчас только медведя возьму (*убегает*)

Николай: да, Люб, вы завтра в цирк с ней собирались? Вот вам денег и на буфет тоже. И если вдруг папиросы будут возьмите мне пару пачек. Там могут быть.

32 Домработница живет на той же лестничной площадке в соседней квартире.

Люба: да что вы, Николай Петрович! Там с начала войны ничего нет
Николай (*улыбается*): ну я же говорю – если вдруг. Нет так нет.
В управлении тогда куплю. Скурил просто все на нервной почве.

Соня (*возвращаясь с медведем и зубной щеткой*): всё, я готова!
Пап, спокойной ночи.

Николай целует Соню, Соня с Любой уходят, Николай запирает дверь. Прислушивается. Потом возвращается в комнату к Нине и начинает её избивать. Бьет по лицу открытой ладонью, чтобы не оставалось следов. Но изо всех сил. Между ударами ругается

Николай: Сука! Прошмандовка! Блядища! Вот тебе! Ребенка они завели! Твари блудливые! Я тебе покажу! Твое счастье, что тебя парализовало, а недоносок твой уже умер. Дворяне хуевы!

Наконец выбивается из сил. Нина во время избивания смотрит прямо на мужа с не меньшей ненавистью, чем он. Ни стонет, ни говорит ни слова. Николай уходит в прихожую звонить в управление. Только когда он уходит у Нины на глазах появляются слезы.

Николай (*говорит по телефону*): Алло! Привет Савелий, это я. У нас машина свободная? Скажи тогда Андрею, пусть срочно едет ко мне, работа есть. Полный бак пусть заправит и чтобы у меня был через 20 минут. Да и пусть брезент возьмет. Да всё равно какой, плащ накидку можно. Хорошо, жду. (*Идет на кухню, достает из шкафа бутылку водки, наливает себе стопку, залпом выпивает. Возвращается в комнату к Нине*). Едет уже к тебе Андрюша, правда не твой, а мой. Но уж какой есть. Мы тебя с ним сейчас подлечим. По рецепту проверенному неоднократно, в лучшем виде. Запомнила чтобы на всю оставшуюся. Чтобы жизнь медом не казалась.

Псевдо-исторические кадры. Приехал водитель. Николай с водителем заворачивают Нину в плащ-накидку и выносят во двор. Грузят в автомобиль на заднее сиденье. Далее кадры Петродворца⁸ – ночь или вернее сказать уже раннее утро. Разрушенный бомбежкой дом. Примерное фото:

Николай и водитель относят Нину в дом и там оставляют. Потом довольно быстро выходят, водитель на ходу складывает брезент. Рефреном - голос Николая в старости.

ГНС: Мы забрали Нину и отвезли её в Петродворец, там оставили её в разрушенном доме, коих тогда было пруд пруди. Без документов её рано или поздно нашли бы и похоронили как неопознанную.

Николай стоит у машины и пьет из горла водку.

Андрей (водитель): Николай Петрович, никогда не видел, что вы так выпиваете.

Николай: Немудрено. Я, Андрюш, буквально второй раз в жизни так выпиваю. Ладно поехали в милицию теперь.

Они садятся в машину, машина отъезжает. Рефреном - голос Николая в старости.

ГНС: С утра мы были снова в городе. Я пришел написал заявление в милицию о пропаже Нины. Меня там знали хорошо, поэтому лишнего не спрашивали. Уже днем Кубаткин передал мне подписанное направление на перевод в НКГБ-МГБ Латвийской ССР. Задерживаться в Ленинграде мне теперь категорически не хотелось, и на следующее утро, хорошенько выспавшись и протрезвев, я отбыл в Ригу к новому месту службы. Мишка где-то застрял и к моему отъезду не успел. Но, как показали последующие события, это для него оказалась даже к лучшему.

Сцена 49: Рассказ Сони.

Идут кадры, сопровождаемые рассказом дочери Николая Сони. Сначала она рассказывает от имени маленького ребенка, потом уже взрослой девушки и под конец – пожилой женщины. Кадры соответствуют тому, что рассказывает Соня

Соня (*ребенок*): мы с Няней вернулись на следующее утро и никого в квартире не застали. Только сломанная игрушка лежала на полу в гостиной. Потом мы были в цирке, потом ходили к Любиной подруге, потом еще немного погуляли и когда вернулись дверь в его комнату была закрыта. Вероятно, он уже уснул. Мы тоже пошли спать, и сколько я не спрашивала Любу где мама, она так мне ничего и не сказала. На следующее утро опять никого не было, а потом приехал Мишка. Он был очень встревожен, побыл немного дома, потом ушел, сказал что ненадолго, только ходит в милицию. Его не было два дня, а потом он вернулся.

Мишка находит Нину в доме. Вызывает скорую, потом прибегает с врачом.

Соня (*ребенок*): Очень серьезный. И рассказал, что нашел маму. В разрушенном доме. На третьи сутки после того как её там бросили. Она была еще жива, но не узнавала его и умерла пока он бегал за скорой. Я очень долго плакала

Мишка с Соней прощаются с Любой и дальше идут по утреннему Ленинграду вот здесь.

Соня (*взрослая*): А потом мы решили уйти. Он отвел меня к тётё Саше, которая жила на Охте, а сам через несколько дней подал документы в мореходку - там на время учебы полагалась казарма, после - море. В квартиру на Фонтанке, где прошло наше детство, мы больше

никогда не вернулись и Николая никогда больше не видели. Он нас впрочем тоже.

Титры – май 1956 года. Ленинград.

Мишка с Соней уже взрослые, встречаются и идут в кафетерий на Невском. За столиком Соня показывает Мишке фото Андрея из кадрового дела. Мишка кивает – да это он. Соня сидит и смотрит на фото Андрея.

Соня (*взрослая*): Мишка так до сих пор и шастает по морям. Вышел в отставку, теперь перегоняет яхты по Средиземному морю и Атлантике. Я закончила Библиотечный институт, а в 1956 году недолго работала на практике в отделе кадров ТЮЗа. Там я случайно нашла личную карточку Андрея Борисовича. Она была очень плохого качества, но я никак не могла отделаться от ощущения, что это очень важно для меня. Я показало фото Мишке, когда он вернулся из очередного похода, и он рассказал мне как они с мамой ходили в театр, как Андрей водил его за кулисы, как потом приходил к ним в Петергоф, где они тогда жили. В общем, я теперь думаю, что Андрей Борисович и есть мой отец. Хотя доказательств тому никаких у меня нет. Но тогда хотя бы можно строить предположения, почему этот человек так поступил с мамой. Мишка, правда, поднял меня на смех,

но я не обижаюсь. Он в этом отношении совершенно бестолковый: романов закрутить может по три за неделю, а разобраться досконально в мотивах человеческих поступков – с этим туго.

Показывают уже Соню в старости. 1993 год. Элегантная дама в возрасте. Она сидит в том же кафетерии одна, пьет кофе.

Соня (*пожилая*) Но, так или иначе, у нас все было хорошо: Мишка дослужился до капдва, я вышла замуж за очень хорошего человека, с которым почти 35 лет (вредный Мишка всегда говорит, что неизвестно что было сложнее – ему получить звание или мне выпускнице сугубо женского Библиотечного института выйти замуж), сейчас уже нянчу внуков – своих и Мишкиных. Словом без серьезных происшествий. А уж с судьбой наших родителей и сравнивать нечего.

Сцена 50: Николай внук и камин

Продолжение сцены 45. Николай (старый) выбросил разорванное фото и возвращается в комнату. Подходит к телефону - звонит.

Николай (*в телефон*): Леш, скажи, чтобы камин разожгли, холодно мне что-то.

Снова садится за стол, продолжает листать альбом. Это фото в период службы в Прибалтике, а также фото его семьи. В соответствии с его рассказом показываются фотографии. На заднем плане пришла обслуга разожгла камин. Рефреном голос Николая в старости.

ГНС: потом я служил в Прибалтике до 1955 года. В Ленинграде был наездами не так чтобы очень часто. В мою задачу входила организация борьбы с «лесными братьями», также некоторое время занимался депортацией нежелательных элементов на Дальний Восток. Откровенно говоря, этот перевод спас меня от больших неприятностей. Скоро репрессии начались с новой силой. В 1948 году у Сталина испортились отношения с Израилем и стартовала «компания безродных космополитов», которая кроме известного всем «дела врачей» включала и «дело о сионистском заговоре в МГБ».

Исторические кадры хроники. Потом псевдо-исторические кадры – Френкель уходит на пенсию. Потом аресты тех с кем он только что выпивал.

ГНС: В общем-то большого количества евреев в МГБ уже не

было, поэтому часто если начальник был евреем, то автоматически репрессировали всех его ближайших подчиненных. Из руководящего состава МГБ ареста снова избежал один Нафталий Ароныч Френкель, который к тому времени снова получил звание генерал-лейтенанта. За несколько месяцев до начала компании он вышел на пенсию. Его в итоге не тронули, зато посадили почти всех заместителей и начальников управлений некоторых даже расстреляли. Но Френкель третий раз избежал смерти и вполне благополучно умер в Москве в 1960 году

Псевдо-истрические кадры – Френкель и Николай встречаются на приеме.

ГНС: Я видел его в 1957 году в Москве на приеме, посвященном празднованию 40-летия создания органов госбезопасности. Интересно, что Френкель меня узнал и первым подошел поздороваться. Мы обнялись, немного повспоминали былое, но по большому счету говорить нам было не о чем.

Псевдо-истрические кадры – арест Кузнецова и Кубаткина.

ГНС: но, правду говоря, еврейские дела меня касались мало, а вот «ленинградское дело» могло легко привести к расстрелу. Помимо мирового сионизма в тот период боролись с «русским национализмом» и Сталин принял решение разгромить ленинградскую парторганизацию и управление МГБ. Причем касалось это не только действующих сотрудников, но и тех, кто во время войны служил в УНКВД и потом в УКГБ Ленинграда. Поэтому Аресты производились как в Ленинграде, так и по всей стране: в Москве, Горьком, Мурманске, Симферополе, Новгороде, Рязани, Пскове, Петрозаводске.

Кузнецов уже тому времени работал на Дальнем востоке, Кубаткин вообще к тому времени работал в Саратовской облисполкоме – его из-за конфликтов с начальством перевели в резерв еще в 1947 году. Почему мне я не взяли вместе с остальными можно только гадать. То ли Кубаткин оставил какие-то письменные указания, на основании которых меня посчитали его врагом, то ли просто до меня руки не дошли – я не знаю. Поделаться с этим ничего было нельзя, тут уж как судьба распорядится.

Николай смотрит фото третьей жены, детей и внуков.

ГНС: После этого я как раз и принял решение жениться в третий раз. Памятуя прошлые ошибки, я подыскал себе жену из органов и с чистой анкетой. Она родила мне еще двоих детей, старший пошел по моим стопам, служит в органах. В 1955 году мне присвоили звание

генерал-майора и перевели ближе к дому – в управление по Ленобласти. А в 1964 году я вышел в отставку и переехал в Петродворец. Жена занималась детьми, потом внуками, жду теперь вот первого правнука. И, по правде говоря, отлично провожу время на пенсии. Наконец-то удалось расслабиться и пожить по человечески. Пока, конечно, этот придурок с пятном на голове не стал разваливать страну.

В комнату Входит внук Николая. Ему лет 17-18. Внука тоже зовут Николай (Коля).

Внук: Дед, мы с Лешкой на рыбалку собрались. К нему на мыс туда.

Николай: а чего на ночь глядя? Клева то скорей всего не будет. Да и холодно

Внук: да мы посмотрим, может наутро останемся.

Николай: опять, небось, к девчонкам собрался? А то, помню, в прошлый раз вы даже снасти не размотали.

Внук (*смеется*): не-не, сейчас точно на рыбалку. О, дед, вспомнил чего: дай мне своего Сабанеева⁹!

Николай (ворчливо): Сабанеева ему Обнаглел, ты Коля, вот что я тебе скажу.

Внук: да ладно, не ворчи. Я буду аккуратнo!

Николай: ну бери, бери. Что для внука не сделаешь! Недолго только. И не примерзни там.

Внук: спасибо (*целует деда*). Ну ты же сам говоришь: время проведенное на рыбалке в зачет жизни не идет. Все будет хорошо. Я побежал. (*внук уходит*)

Николай: Давай-давай. (*говорит вслух, но как бы про себя*). Колька на меня стал похож очень.

Сцена 51: Финал

Та же комната час или полтора спустя. Совсем стемнело. Работает телевизор. По телевизору показывают кадры расстрела Белого дома. Например, вот отсюда. <http://www.youtube.com/watch?v=rnz9lOXQP3w>. Николай нервничает, сидит в кресле

Николай (*вслух, взволнованно*): какие идиоты! Это невозможное что-то. Зачем я до такого позора дожил? Ведь всё псу под хвост и

34 Сабанеев (Sabaneev) – фирма производящая дорогие удилища высокого качества.

опять все по новой: война, разруха ... как по кругу бегаем. За что нам это всё, за что?! (*берется за сердце рукой*) Сердце даже заболело. Таблетки мои где-то тут были.

Николай встает с кресса, с трудом подходит к камину берет с полки лекарство. Поворачивается спиной к камину, чтобы вернуться к телевизору и тут у него случается сердечный приступ – он падает прямо в камин. Одежда на нем вспыхивает, огонь быстро перемещается на ковер, лежащий на полу, и через минуту полыхает все богатое убранство комнаты.

Ночь. Особняк Николая охвачен пожаром. Пожарные тушат пламя, вокруг бегают какие-то люди. Кричит жена Николая.

У калитки ошарашенный стоит внук Николая – он только что вернулся с рыбалки и не поймет что происходит. Крупный план – ничего не говоря он смотрит на пламя. Потом стоп кадр – коллаж из лиц.

На переднем плане (ярко):

- *Внук Николая*
- *Николай (молодой, как в сцене 1)*
- *Настя первая жена Николая*
- *Нина, вторая жена Николая*
- *Мишка*
- *Соня*
- *Андрей*

На заднем плане (блекло) медленно проходят все кто участвовал в фильме: от Максима Горького и Сталина до Володи с Лидой, которых Николай расстрелял в Тамбове.

Рефреном звучит закадровый голос

Голос: Николай был, безусловно, прав в одном: в мире часто все действительно идет по кругу. Бесконечно повторяются беды, невзгоды, людские ошибки. Часто людям кажется, что сделать с этим ничего нельзя, и они обречены снова и снова бояться, убивать, насильничать, предавать, обманывать. Но правда состоит в том, что часто мы сами себя загоняем в такую ситуацию. И еще в том, что разорвать этот порочный круг возможно. Правда для этого нужна мудрость и определенная сила духа. Но важно помнить, что все получится, только если эти качества проявят